

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- 3 МАЛИНКИН А.Н. Макс Шелер о России, её исторической миссии и русской идее
7 ШЕЛЕР М. О национальных идеях больших наций

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 16 ЛИСИЦЫН П.П., СТЕПАНОВ А.М. Новые законы миграции Э. Равенштайна
27 СУЩИЙ С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды
постсоветского периода
47 АВДАШКИН А.А. Среднеазиатские и китайские мигранты в ракурсе
общественного мнения: уральские и сибирские кейсы
59 ВАН НА, ЛЕОНТЬЕВА Э.О. Роль женщин в процессе адаптации семей китайских
мигрантов в России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

- 67 АНДРЕЕВА Ю.В., ЛУКЬЯНОВА Е.Л. Отношение к противокоронавирусным мерам на
промышленных предприятиях (на примере Ульяновской области)
78 ГУРБАНОВА Н.Э. Влияние пандемии COVID-19 на занятость в приграничных
районах Китая

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 84 СИМОНЯН Р.Х. Евразийская интеграция: роль пространственного потенциала
России
95 ТРУБИЦЫН Д.В. Пространственный потенциал России – еще одна причина ничего
не менять?
105 ЛАТОВ Ю.В. Концепты и эмпирика транзитного использования российского
пространства

ЮБИЛЕЙ

- 116 Мансурову В.А. – 85 лет
118 «Социологи болеют за все общество в своей стране...»
(интервью с В.А. Мансуровым)
-

К 100-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

- 129 БАЗАРОВ Б.В., ЖАЛСАНОВА В.Г., БАДАРАЕВ Д.Д. Социологические исследования на пульсе развития трансграничного региона

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 136 ДАВЫДОВ Д.А. Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 2. Дистрибуция внимания

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 147 ИГНАТОВ А.В., ПОПОВ П.Л., ЧЕРЕНЕВ А.А. Электоральные предпочтения жителей Восточной Сибири
- 152 МИЛОВАНОВА М.Ю. О прекаризации занятости на селе

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 157 ЕФЛОВА М.Ю., МАКСИМОВА О.А. V Казанские социологические чтения
- 159 ОСАДЧАЯ Г.И., КИРЕЕВ Е.Ю. Евразийские общества в фокусе молодых социологов

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 161 РОМАНОВСКИЙ Н.В. Люди. Общество. Социология (о книге И.В. Катерного)
- 167 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Лапин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. **Рец. Г.Ю. Канарш; Абдулагатов З.М.** Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021. **Рец. А.З. Адиев**)

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

А.Н. МАЛИНКИН

МАКС ШЕЛЕР О РОССИИ, ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ И РУССКОЙ ИДЕЕ

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

Аннотация. Статья сопровождает первую публикацию на русском языке работы М. Шелера «О национальных идеях больших наций» (1916). Шелер полемизирует с Э. Бутру относительно того, что такое нация в глазах французов и немцев; формулирует своё понимание того, как Франция, Англия, Россия представляют себе свои исторические миссии; очерчивает контуры немецкого национального самосознания. Статья знакомит читателя с Максом Шелером, комментирует содержание его работы, прежде всего в той части, которая касается России, её предполагаемой национальной идеи и исторической миссии. Показано, что Шелер разделял западноевропейские предубеждения о России. Тем не менее он лучше многих других западных интеллектуалов понимал «русскую душу» и национальную идею России. Комментарий даётся в контексте политически-философских и геополитических взглядов Шелера, изложенных им в главной работе военного периода – в книге «Гений войны и Германская война» (1915).

Ключевые слова: нация • национальная идея • историческая миссия • Первая мировая война • Россия • русская идея • русский мир (Russentum) • Великобритания • англосаксы

DOI: 10.31857/S013216250020646-3

Макс Шелер (1874–1928) – один из самых ярких немецких мыслителей начала XX в. Шелера знали и ценили в дореволюционной России. «Это был очень талантливый человек, – писал Н. Бердяев, – самый интересный немецкий философ последней эпохи» [Бердяев, 1991: 250]. В 1920–1930-х годах в Советской России Шелера знали; за его творчеством следили, например, Гр. Баммель [1926], Н.И. Бухарин [2008: 481], М.М. Бахтин [Волошинов, 1993: 10; Малинкин, 2022]. В 1960–1970-е гг. Шелер упоминался у нас редко; философы видели в нём зачинателя современной философской антропологии, социологи интересовались его «социологией знания». О Шелере как политологе не писали¹. Интерес к творчеству немецкого философа возобновился во второй половине 1980-х гг. Но как политический философ Шелер был у нас не известен до начала 2020-х гг. [Шелер, 2020; 2021b].

Статья «О национальных идеях больших наций» продолжает знакомить российского читателя с Шелером как политическим мыслителем, представляя собой полемику с французским философом Эмилем Бутру [Boutroux, 1915]. Она интересна конструктивным подходом Шелера к дискуссии. Хотя в то время между Германией и Францией второй год шла война, Шелер занимает объективистскую позицию. Сначала он проводит различие между националистическими идеологиями, или «национализмом», всегда обусловленным

¹ Исключение: [Малинкин, 1986].

классово», и подлинными «конкретными национальными идеями, самостоятельно вырастающими на национальной почве». В фокусе его внимания – последние. Шелер рассматривает сначала основные тезисы Бутру, сравнивает французские и германские реалии, критически анализирует представления о них оппонента, противопоставляет ему свои. Затем он формулирует национальные идеи Франции, Англии и России, вернее, «исторические миссии» этих держав в их «собственном» понимании².

Немецкому философу не откажешь в глубоком геополитическом мышлении. Однако без обобщающих натяжек не обошлось. В отношении России он не свободен от национальных и общеевропейских предрассудков (актуальных и сегодня). Шелер справедливо упрекает Бутру в том, что тот сначала приписывает немцам французское понимание нации и государства, которое им глубоко чуждо, а затем строит на этом свои «разоблачения» германских реалий. Но так же он поступает и сам: сначала приписывает русским одновременно жертвенность и агрессивность в их крайнем выражении, игнорируя их духовно-нравственную несовместимость, потом представляет Россию в карикатурном образе «навязчивого, дикого, жестокого слуги, который не выносит, когда его алчущая жертвенного служения воля сталкивается с отказом».

Впрочем, справедливости ради надо признать, что доля правды в представлении Шелера об исторической миссии России есть, – иначе Англии не удалось бы, наверно, втянуть Николая II в войну. Мы считаем обоснованным мнение А.В. Михайловского, что «военная эссеистика Шелера... выгодно выделяется на фоне разнуданного культурмилитаризма немецких интеллектуалов, который проявился прежде всего в "Манифесте 93-х", известном как воззвание "К культурному миру"» [Михайловский, 2021: 205]. Проницательный психолог, Шелер понимал ментальность русского человека, при этом оценивал место и значение России в мировой политике адекватнее многих его современников. Хотя эта тема заслуживает отдельного разговора, нельзя обойти её. Шелер обращается к ней в книге «Гений войны и Германская война» (1915), где задаётся вопросом, что такое «нация».

Перечислив множество составляющих «нацию» подъединств (расовое, народное, языковое, конфессиональное, культурно-образовательное, государственное, правовое, территориальное и др.), он приходит к выводу, что все они важны, ибо каждое из них может выступить в роли главного «фермента» в национальном сплочении. «Однако национальное единство никогда не складывается как сумма таких подъединств, – заявляет Шелер. – По отношению к нации они являются скорее лишь основами и условиями для образования национальной жизненной общности – общности исторических судеб, – а она есть нечто *единое, простое и в конечном счёте духовное*. Проверая эти основы и условия, мы всегда должны иметь уже готовое понятие о сущности и идее конкретной нации...» [Scheler, 1982: 183].

Взгляд Шелера на Россию, изложенный им в «Гении войны...», говорит о том, что он понимал её глубже сегодняшних западных экспертов. «Особенно пагубными» он считал две установки Запада в отношении к «русскому миру» (Russentum). «Во-первых, восприятие России как всего лишь "нации" наряду с другими нациями, по аналогии с Германией, Францией, Англией; во-вторых, деление России на европеизированную и азиатскую монголо-татарскую – деление, которое следует отличать от безобидного разделения России на европейскую и азиатские части в географическом смысле» [Scheler, 1982: 184]. Шелер доказывает, что Россия по ряду очевидных признаков фактически – особая цивилизация³, а именно евроазиатская; что западную идею «нации» занесла на российскую почву небольшая *европеизированная* прослойка российского общества под названием

² По мнению Шелера, у Германии нет пока столь же явной национальной идеи, как у этих держав, поэтому берётся лишь её наметить.

³ Термин «цивилизация» Шелер здесь не использует, но пишет, что населяющие Россию народы находятся к ней как целому в том же отношении, в каком европейские народы находятся в отношении культурно-цивилизационной целостности под названием «Европа». Но если так, можно сделать чисто логический вывод: либо Европа – нация, либо Россия – цивилизация.

«интеллигенция»; что К. Леонтьев, Вл. Соловьёв, Ф.М. Достоевский, а за ними и другие, в частности Т.Г. Масарик, указывали на то, что «национализм как панславистская расовая идея – всего лишь европейский импорт, глубоко чуждый подлинной русскости (Russentum)» [Scheler, 1982: 185].

Россия, считал Шелер, обладает самобытным народным этосом⁴. В своей характеристике русского мира он далёк от того, чтобы видеть в нём только положительные стороны либо только отрицательные. Его сбалансированный подход можно назвать интегральным: в наших недостатках он усматривал продолжение наших достоинств, и наоборот. У России есть своя, соответствующая этосу народа *русская идея*, утверждал он, обращаясь к статье Достоевского «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?». В ней русский писатель задаёт вопросом: почему Европа так ненавидит Россию? И отвечает: потому что русские несут человечеству «совершенно особенную идею, иную, чем Европа».

«Русские европейцы, – продолжает Шелер, цитируя фрагменты немецкого пересказа статьи Достоевского, – напротив, уверяют Европу, что у России нет никакой особенной идеи, что она лишь хочет сблизиться с Европой». «Но в этом, по крайней мере, Европа не верит нашим русским европейцам. И это совпадает с подлинной русскостью». «Европа, совсем как славянофилы, верит, что у нас есть идея, своя особенная, не европейская идея, и что Россия способна иметь идею»⁵. И до сих пор Достоевский прав – несмотря на все экономические изменения, на революцию, на достижения Витте, на Думу и т.д.» [Scheler, 1982: 187–188].

Шелер предполагает у западноевропейской цивилизации как исторически сложившегося культурного круга духовно-солидарное единство и уверяет, что духовное ядро Европы – вовсе не дух капитализма, как считают К. Леонтьев и его единомышленники, с одной стороны, и приверженцы «материалистического воззрения на историю» – с другой. «Народом-прародителем капитализма» Шелер объявляет англосаксов, а главным врагом Германии, да и всей континентальной Европы – Великобританию. Он выдвигает лозунг «Долой Англию!» (так называется последняя глава «Гения войны...») и обосновывает его не только геополитически, но и идейно.

В статье-приложении к «Гению войны...» под названием «К психологии английского этоса и *cant*»⁶ (1915) Шелер пишет: «Я не знаю, где и когда английский народ раз и навсегда отрёкся от облагораживания и одухотворения человека и дал клятву на верность дьяволу, чтобы стать народом Мамоны, народом искуснейшей политики и убаюкивающего управления; чтобы променять свою душу на подарок дьявола – лицемерие. Но “где-то” и “когда-то” он всё же это сделал. И с тех пор он безродный – в метафизическом смысле, – “господин мира” и народ-прародитель капитализма. С тех пор он – в полном соответствии с пророчествами Евангелий, когда они описывают антихриста в образе Христа, Спасителя рода человеческого, – единственный совершенно антихристианский народ» [Шелер, 2022: 44–45].

В наши дни, когда Запад развязал против России гибридную войну, когда муссируется вопрос о якобы погранных Россией «европейских ценностях» (за которыми в качестве

⁴ Согласно Шелеру, этос каждого народа представляет собой систему ценностей, складывающуюся в ходе реальной и культурной истории [Шелер, 2022: 59–60].

⁵ Оригинальный текст: «Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина! И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, что дело тем и кончится, что мы все будем подражать и что мы вовсе не азиаты, не варвары, а совсем, совсем как они, европейцы. Но Европа нашим русским европейцам на этот раз, по крайней мере, не поверила. Напротив, в этом случае она, так сказать, совпала в заключениях своих со славянофилами нашими, хотя их не знает вовсе и только разве слышала о них кое-что. Совпадение же именно в том, что и Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть “идея”, своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею» [Достоевский, 2010: 801].

⁶ *Cant* (англ.) – лицемерие.

приоритетных проглядывают расистские неокOLONиальные «правила» англосаксов), полезно вспомнить, как в своей христианской аксиологии Макс Шелер понимал ценности вообще и европейские ценности в частности. Оставаясь немецким патриотом и европейцем, он, тем не менее, видел будущее человечества в духовно-культурном сближении Запада и Востока на основе «синтеза западной и азиатской техник (культур) знания» [Шелер, 2011: 148–173].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баммель Гр. Макс Шелер, католицизм и рабочее движение // Под знаменем марксизма. 1926. № 7–8. С. 47–68; № 12. С. 28–49.
- Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
- Бухарин Н.И. Философские арабески // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина / Под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2008. С. 297–673.
- Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк. М.: Лабиринт, 1993.
- Достоевский Ф.М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? // Дневник писателя. Январь 1881 / Сост., комментарии А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: ИРЦ, 2010.
- Малинкин А.Н. Уроки истории (политологическая концепция Макса Шелера и позднебуржуазный консерватизм) // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 78–87.
- Малинкин А.Н. Феноменологическая энтимема в марксистской социологии искусства В.Н. Волошинова (На примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...») // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 61–78. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8641.
- Михайловский А.В. Макс Шелер о политическом православии Ф.М. Достоевского и русской любви к страданию // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 1. С. 201–215.
- Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия / Пер. с нем., прим. и комм., сопровод. статья А.Н. Малинкина. М.: Московский союз литераторов, 2022.
- Шелер М. Мысли о политике и морали / Пер. с нем. А.Н. Малинкин. М.: МСЛ, 2020.
- Шелер М. О восточном и западном христианстве / Пер. с нем. А.Н. Малинкин // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021а. Т. 5. № 1. С. 216–236.
- Шелер М. Проблемы социологии знания / Пер. с нем. А.Н. Малинкин. М.: ИОИ, 2011.
- Шелер М. Пророческий либо марксистский социализм? / Пер. с нем. А.Н. Малинкин // Дискурс. 2021b. Т. 7. № 5. С. 25–44.
- Boutroux E. La conception française de la nationalité // Bibliothèque Universelle et Revue Suisse. 1915. Vol. LXXX. No. 238.
- Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. 6-e Aufl. Bern und München: Francke Verlag, 1980.
- Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 4. Bern und München: Francke Verlag, 1982.
- Scheler M. Über Nationalideen der grossen Nationen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 6. 3-e durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1986. S. 121–130.

MAX SCHELER ABOUT RUSSIA, ITS HISTORICAL MISSION AND THE RUSSIAN IDEA

MALINKIN A.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).

Abstract. The article accompanies the first publication in Russian of M. Scheler's article "On the National Ideas of Great Nations" (1916). Scheler argues with É. Boutroux about what a nation is in the eyes of the French and Germans; formulates his understanding of how France, England, Russia imagine their historical missions; outlines the contours of the German national identity. According to Scheler, France is "the leader and teacher of mankind", England is "the born and God-chosen master", Russia is "the servant and voluntary sacrificial lamb of mankind". Germany is only just developing its national idea. "We only believe that equals belong

to equals, equals to equals (suum cuique), but not equal to all. This is the German concept of justice...". The article introduces the reader to Max Scheler, comments on the content of his article, primarily in the part that concerns Russia, its alleged national idea and historical mission. It is shown that Scheler shared Western European prejudices about Russia. Nevertheless, he understood the "Russian soul" and the national idea of Russia better than many other Western intellectuals. The commentary is given in the context of Scheler's political-philosophical and geopolitical views, which he outlined in the main work of the war period – in the book "The Genius of War and the German War" (1915).

Keywords: Nation, national idea, historical mission, World War I, Russia, Russian idea, Russian world (Russentum), Great Britain, Anglo-Saxons.

REFERENCES

- Bammel Gr. (1926) Max Scheler, Catholicism and the Labor Movement. *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism]. No. 7–8: 47–68; No. 12: 28–49. (In Russ.)
- Berdyyayev N. (1991) *Self-Knowledge. Experience of Philosophical Autobiography*. Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Boutroux E. (1915) The French Conception of Nationality. *Universal Library and Swiss Review*. 1915. Vol. LXXX. No. 238. (In Fr.)
- Bukharin N.I. (2008) Philosophical Arabesques. In: *Uznik Lubyanki. Tyuremnyye rukopisi Nikolaya Bukharina* [Prisoner of Lubyanka. Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)
- Dostoyevskiy F.M. (2010) Geok-Tepe. What is Asia for us? In: *Dnevnik pisatelya. Yanvar' 1881* [Writer's diary. January 1881]. Moscow: IRTs. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (1986) Lessons of History (the Political Science Concept by Max Scheler and Late Bourgeois Conservatism). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No 7: 78–87. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2022) Phenomenological Enthymeme in V.N. Voloshinov's Marxist Sociology of Poetics. Using the Example of an Article Titled "Word in Life and Word in Poetry...". *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 28. No. 1: 61–78. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8641.
- Mikhailovsky A.N. (2021) Max Scheler on Political Orthodoxy of F.M. Dostoevsky and Russian Love for Suffering. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 5. No. 1: 201–215. (In Russ.)
- Scheler M. (1980) Formalism in Ethics and Material Ethics. New Attempt to Lay the Foundation of an Ethical Personalism. In: Scheler M. *Collected Works*. Vol. 2. 6th ed. Bern und München: Francke Verlag. (In Germ.)
- Scheler M. (1982) The Genius of War and the German War. In: Scheler M. *Collected Works*. Vol. 4. Bern und München: Francke Verlag. (In Germ.)
- Scheler M. (1986) About National Ideas of the Great Nations. In: Scheler M. *Collected Works*. Vol. 6. 3th ed. Ed. by von Manfred S. Frings. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann: 121–130. (In Germ.)
- Scheler M. (2011) *Problems of the Sociology of Knowledge*. Moscow: IOI. (In Russ.)
- Scheler M. (2020) *Thoughts on Politics and Morality*. Moscow: MSL. (In Russ.)
- Scheler M. (2021a) On Eastern and Western Christianity. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 5. No. 1: 216–236. (In Russ.)
- Scheler M. (2021b) Prophetic or Marxist Socialism? *Diskurs* [Discourse]. Vol. 7. No. 5: 25–44. (In Russ.)
- Scheler M. (2022) *On the Psychology of English Ethos and Hypocrisy*. Moscow: MSL. (In Russ.)
- Voloshinov V.N. (1993) *Freudianism. Critical Essay*. Moscow: Labirint. (In Russ.)

© 2022 г.

МАКС ШЕЛЕР

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЯХ БОЛЬШИХ НАЦИЙ^{1*}

29 мая прошлого года нынешний президент Académie Française^{2*} философ Эмиль Бутру^{3*}, хорошо известный и в Германии, выступил в Лозанне с докладом о французской национальной идее [Boutroux, 1915]. Доклад заинтересовал нас по ряду причин. Уже сама постановка проблемы заслуживает куда большего внимания, чем то, которое уделялось ей до сих пор.

Если какая-то группа или какое-то движение называют себя «национально настроенными», имеем ли мы дело с подлинным и непосредственным национальным настроением – или перед нами одна из многих форм националистических «идеологий», посредством которых определённый класс, каким-то образом со-ангажированный с нацией, обряжает в «национальные» одежды свой партикулярный интерес только для того, чтобы всю нацию поставить на службу этому интересу? Отвечая на этот вопрос, постоянно возникающий при всяком теоретическом подходе к проблеме наций, следует иметь в виду один высший критерий. Если группа настроена национально в *подлинном смысле*, то она никогда не станет апеллировать к общему *понятию* нации – одному и тому же для всех наций, – но всегда будет обращаться к *конкретно-индивидуальной национальной идее* собственной нации. Если же мы имеем дело с неподлинной «идеологией», движущей силой которой служат классовые интересы, одинаковые во всех нациях, то первым признаком этого является тот факт, что через конкретно-индивидуальные национальные идеи перепрыгивают и в аргументации представляют собственную нацию лишь как частный «случай» нации вообще. Существует великое множество подобного рода националистических (правда, и интернационалистских тоже) «идеологий»: например, идеология мобильного капитала, в той или иной мере ангажированного национально; идеология интересов рабочих, ангажированных, в свою очередь, этим капиталом; националистические идеологии некоторых профессий (партий войны, поставщиков оружия); идеология националистических охотников за высокими постами и должностями. Вот почему крайне важно проводить строгое различие между «национализмом», всегда обусловленным классово, и *конкретными национальными идеями*, самостоятельно вырастающими на национальной почве.

И здесь тотчас обнаруживаются глубокие сущностные различия между великими державами в том, чувствуют и понимают ли они себя в первую очередь как *нации* либо в первую очередь как *государства*, соответственно, империи, и, если да, то насколько. Общеизвестно, что в первую очередь как «нации» воспринимают себя только Франция и Италия – два самых закрытых национально-государственных тела Европы, оба с весьма странной исторической забывчивостью в отношении *государственных* основ единства их нынешнего национального сознания. Англия, народный дух, нравы, традиции которой так тесно взаимоувязаны без какого бы то ни было государственного насилия, не воспринимает себя ни как нацию, ни как государство, но в первую очередь осознаёт себя как «Empire»^{4*}. У России вообще нет национальной идеи, рождённой ею самой из себя; маленькая кучка российской «интеллигенции» импортировала эту идею с Запада, а затем переплела её с совершенно другими вещами. Перед мировой войной живое и всеохватывающее единство России выразилось в формуле «Бог и царь», т.е. оно существенно определялось православием, преимущественно русским языком и той веками господствовавшей патриархальной общественной структурой, образцом которой был и остаётся царь^{5*}. Немецкое национальное сознание – так сложилось исторически – в *наименьшей степени*, чем какое-либо другое в Европе, фундировано *государственно* и политически, поскольку ещё со времён государственной раздробленности Германии в значительной мере остаётся национально-культурным сознанием. Даже сегодня оно ощутимо отличается от немецкого государственнического сознания – и это несмотря на то, что испытало мощную политизацию: сначала благодаря освобождению от ига Наполеона, потом под влиянием Бисмарка и его империи. Уже сам факт оторванности немецких родов в Швейцарии, во фламандской Бельгии, в Курляндии и Австрии свидетельствует о том, что Германия осознаёт себя в первую очередь как государство и лишь во вторую – как нация. В высшей степени парадоксально, – и это заново доказывает Бутру, – что французское *мышление* ставит нацию по своей значимости намного выше государства. Ведь в отличие от немецкого национального сознания французское было в значительно большей мере обусловлено становлением абсолютистского государства в XVII–XVIII вв. Французское национальное сознание никогда не подвергалось испытанию на прочность в условиях отсутствия государственности – испытанию, выпавшему на долю немецкого национального сознания в течение многих десятилетий. Бутру абсолютно прав, когда показывает, что со времён Канта немецкая философия склонялась к тому, чтобы только государство рассматривать в качестве высшей в нравственном

отношении социальной величины, нацию же (равно как и «народ», на самом деле нередко от неё неотличимый) относить к чисто «естественным» общностным образованиям. Для Канта высшее социальное благо – это государство, а не нация. Для Гегеля «объективный нравственный разум», «живой Бог на земле» – это государство, а не нация. В этих и подобных определениях я тоже усматриваю чрезмерные преувеличения значимости идеи государства. Их можно понять разве лишь как обобщающие натяжки уникального самосознания одного конкретного государства, а именно Пруссии, т.е. образования, являющего собой как бы современное рациональное «государство», незримое самовыражение сущностной воли *in puris*^{6*}. Примечательно, что в естественной речи прилагательное «пруссский» образует устойчивое словосочетание «пруссское государство», но при этом не сочетается со словом «народ», как это имеет место, например, в случае с «баварским народом» и т.п. Таким образом, эти философские преувеличения ни в коем случае *нельзя* считать типично «немецкими», хотя они и свидетельствуют о том, что идея государства вообще пользуется у нас по сравнению с идеей нации всё же эмоциональным предпочтением там, где мы говорим о «немецкой нации» на языке повседневной жизни (не на языке науки), – при этом едва ли кому-то взбредёт в голову примысливать к ней, скажем, немецкую Швейцарию. Но и это «предпочтение» идеи государства должно быть понято правильно. Для нас, немцев, государство – отнюдь не высшее земное благо, как считает Бутру, но только *высший субъект воли и действия* в истории. Разумеется, мы ставим нацию *практически* на службу государству, не допуская её преобладания над ним, и мы далеки от того, чтобы, как французы, видеть в государстве всего лишь «организацию нации», и тем более от того, чтобы предоставлять «Национальному собранию» право преобразовывать государство в соответствии с соизволением его большинства¹. Это означало бы сделать нацию как таковую действующей политической силой. В этом отношении знаменательна судьба Франкфуртского парламента^{8*}. Вот почему высший смысл государства заключается для нас в том, что оно должно содействовать развёртыванию нравственно автономных и свободных сил подвластных ему личностей и групп и лишь во вторую очередь – максимальному развитию дремлющих в нации задатков к культурному творчеству, столь разнообразных от рода к роду и от индивидуума к индивидууму^{9*}.

Иное дело – Франция. С одной стороны, частая смена со времён Ancien Régime^{10*} конституций и правительств, с другой стороны, объяснимая только инерцией традиции всех низовых и средних уровней управления – вопреки этим конституционным изменениям – забывчивость французов в отношении того, что государство способствовало единству их национального сознания куда больше, чем консолидации национального сознания немцев, – эти два момента, взаимодействуя, привели к тому, что сегодня французы воспринимают государственное единство как нечто мимолётное, преходящее, *национальное* же единство – как нечто исторически константное и прочное. Эти же моменты обусловили тот факт, что они склонны наделять нацию политической волей, но как раз тем самым подчинять нравственное и созидающее культуру многообразию национальных сил искусственно-унифицированному регулированию, которое глубоко противно немецкой идее свободы духа во всех его проявлениях (например, в языке, искусстве и т.д.). То, что Бутру называет «французской нацией», фактически есть не что иное, как устоявшийся дух внутренне не преодоленного Ancien Régime, продолжающий скрыто существовать за быстрой сменой конституций и правительств. Таким образом, эта «нация» – совершенно особый продукт государства: традиция одного исторического периода французской государственной жизни.

Бутру усматривает в нашей знаменитой немецкой «организации» всего лишь государственно нормативное руководство духом и совестью, поскольку игнорирует естественное для нас уважение к указанным выше свободным силам, наличие которых для всей нашей

¹ Через три года после написания этой статьи в Веймаре произошло то, что мы охарактеризовали выше как нечто неподобающее для немецкой истории, – произошло по необходимости. Это кардинально изменило в немецком сознании соотношение между национальной идеей и идеей государства, а также заложило глубокие противоречия между идеей империи и принципом федерализма (Бавария), которые ещё не вполне проявились и раскрылись^{7*}.

«организации» мы полагаем как нечто само собой разумеющееся и ради высшего проявления которых мы всю эту «организацию» и формируем. Он создаёт ужасающий образ бесчеловечного государственного механизма, который якобы душит в зародыше всю творческую жизнь индивидуума и нации. Но Бутру даже не замечает, что тем самым сначала *приписывает* нам в качестве идеала французскую идею централизованной государственной морали и государственной культуры. Он не понимает, что нет ничего более чуждого для идеи германского государства, чем брать на себя роль руководства совестью, культурным творчеством или хотя бы только функцию регулирования культуры.

Развитие *французской национальной идеи* Бутру рисует в истинно французском духе, но, к сожалению, оно полно ужасных противоречий. Нация определяется сначала как «моральная совокупная личность»^{11*}. Она руководствуется в отношениях с другими нациями теми же «принципами свободы и равенства», которые декларация прав человека 1789 года сделала значимыми для всех индивидуумов. «La théorie française de la nationalité consiste à étendre aux nations ce qui, dans cette maxime, est affirmé des individus»^{12*}. Но тут же, на одном дыхании, сразу после того, как нация объявлена самостоятельной моральной личностью, в качестве признака (*marque*^{13*}) личности нации утверждается общая сознательная свободная воля граждан-индивидуумов (*citoyens*^{14*}) жить вместе и образовывать «политическую общину» (*communauté politique*). Кто-нибудь слышал, чтобы единство личности покоилось на свободной сознательной воле её частей?^{15*} Ясно одно: либо нация – не есть «личность» и тогда она может покоиться на чём-то вроде «*libre consentement*»^{16*} или, по меньшей мере, измерять и оценивать своё единство по этому «*consentiment*»; либо она есть личностная реальность – и тогда нужны совершенно другие силы, которые сплывали бы её в единство, нежели «свободное волеизъявление» индивидуумов. На самом деле, в воле «образовывать политическую общину» государство уже примыслено (в истинно французском духе) к нации, так что вслед за этим не так уж и трудно патетически подчинить нации государство. В этих пунктах наша *немецкая национальная идея*, действительно, совершенно иная. Нация для нас – *духовная совокупная личность*^{17*}, изначально со-живущая во всех своих членах (т.е. семьях, родах, народах, ибо индивидуумы – не «члены»), причём таким образом, что нравственная сущность «нации» строится не на индивидуальной самоответственности отдельной воли, стремящейся принадлежать к нации, а на *первично данной солидарной со-ответственности каждого члена нации за существование, смысл и ценность целого* [Pribram, 1922]. Но эта солидарность локализуется для нас только в духовно-нравственной сфере и не имеет ничего общего ни с «политической» общиной, ни с позитивными правами.

Между тем то, что поначалу для Бутру было всего лишь признаком (*marque*) существования национальной личности (*libre consentement*), в процессе исследования, как только он обращается к вопросу об Эльзасе и Лотарингии^{18*}, мгновенно оказывается *сущностью* нации вообще, так что «личность» нации в конце концов растворяется в решении собрания догосударственных «*citoyens*», принимаемом в данный момент в соответствии с принципом большинства.

Правда, Бутру выдвигает принцип, который мы, вопреки его утверждению и возможному ожиданию, полностью одобряем. Он гласит, что чисто объективные факты истории, установленные наукой на основании «источников», – например, такие как принадлежность территории кому-то в прошлом или объективный расовый состав её населения, – никогда не должны выдаваться за критерии национальной принадлежности какой-либо группы, но таковыми могут быть только всякий раз *данные в настоящем* факты, которые переживаются этой группой и конкурирующими за неё нациями. Но Бутру очень уж по-французски ничего не видит посредине между чисто объективными констатациями фактов, которые основаны на исторических источниках (и которые могут в конечном счёте восходить к Адаму), и сознательным волеизъявлением индивидуумов национально проблемной группы в случае их голосования по вопросу, к какой нации они *хотят* принадлежать. Это, конечно, не географически отграниченная территория, давняя принадлежность которой к некоему политическому целому обосновывает актуальную претензию этого целого на данную территорию. Но, между прочим, – при том, что

для нас, как и для Бутру, территория вообще стоит на втором месте при принятии такого решения, на первом же население, – к территории относятся уже совершенно иначе, если она оказывается ареной для проявлений национального духа и национального деяния в зримых, осязаемых формах, со всей очевидностью «переживаемых в настоящем». Имеются в виду, например, такие вещи, как Страсбургский собор, типы архитектурных и конструктивных решений, объективные живые и наблюдаемые традиции в нравах, обычаях, одежде, языке, формах ведения хозяйства, способах трудовой деятельности и т.д. Всё это вещи, вполне доступные переживанию, и они переживаются человеком в настоящем времени, это зримые и осязаемые реалии живой, переживаемой истории, а не мёртвой, постигаемой лишь в научных источниках, – но вместе с тем это вещи, совершенно *непроизвольные* и потому не имеющие ничего общего с сознательными волевыми решениями, равно как с суммой индивидуумов, которые в какой-то временной момент захотят быть немцами или французами. Это содержание переживаний в настоящем, но вместе с тем это *совокупное* содержание переживаний населенческих единств (общин, краёв и т.д.), состоящих из жизненных общностей, а вовсе не переживания отдельных индивидуумов. Это переживания в смысле живых наполняющих людей стремлений, которые *фактически* могут приводить их в движение и увлекать за собой – в принципе, также и *вопреки* сознательному выражению воли всех составляющих население индивидуумов.

Среди этих живых и непроизвольных признаков национальной принадлежности Бутру выделяет лишь язык. Если французская национальная идея не может найти опору в таких критериях национальной принадлежности, как раса или объективная история, утверждает он, то и в естественном языке она не может усматривать такой критерий. Ибо лишь существующий уже национальный дух, проявляющийся во взаимопонимании людей и языковом творчестве, способен постоянно преобразовывать естественный язык, выпадающий на долю каждого как судьба, в язык культурный (*Bildungssprache*). Выходя таким образом за естественно-языковые границы, национальный дух связывает духи в «национальное» единство. Интереснейшей и весьма поучительной частью доклада Бутру является то, что он в этой связи отмечает в учении Й.-Г. Фихте, а именно, что немецкий народ, по сравнению с романскими народами и их смешанными языками, обладает якобы преимуществом первоначального коренного языка, а потому языка более живого. Но здесь мы не можем оценить по достоинству это отступление. Здесь мы должны сказать лишь одно: такая чисто «лингвистическая» теория нации очень далека от нашего немецкого образа мыслей. Вот почему мы проводим строгое различие не только между нацией и «национальностью» (в смысле национальной принадлежности личности), но и между нациями и «национальностями», т.е. между естественными языковыми единствами, в которых не проявляется никакой самобытный образовательный дух, способный посредством оригинальных идей к живому преобразованию. Но – и здесь важное отличие – этот образовательный дух, как мы считаем, не подчиняется в своём бытии и становлении индивидуальному произволу. Он имеет твёрдую объективную структуру и коренится в культурной солидарности национальных частей в живом строительстве мира, преодолевающего эпохи, родоплеменные единства и территории, – мира самобытных национальных *благ*, – а все не основывается на субъективной воле индивидуумов, выражаемой в настоящем времени и к тому же ориентированной политически.

Но какими бы значительными ни были отличия упомянутых национальных идей, *самое* глубокое различие между ними пока ещё даже не было затронуто. Оно кроется в *понимании* нацией *самой себя*, в том, какую позицию по отношению к человечеству нации, согласно их вере, занимают, т.е. в их воззрении на то, в чём заключается их «историческая миссия». Каковы же основные черты этих различий, которые можно было бы наметить здесь лишь в самом общем виде?

Современная *Франция* – и здесь Бутру совершенно прав – полностью подчиняет нацию человечеству (*humanité*), в том, что касается её бытия и ценности. Она провозглашает значимость для всех наций принципов свободы и равенства, отвергая тем самым ценностные различия между ними и пусть лишь возможный аристократизм наций. Вопрос о наличии таких различий не мог бы решить в конечном счёте ни один суд; в случае спора между государствами

по жизненно важным пунктам ответом на него было бы лишь испытание войной, в остальном же решало бы только живое движение самой истории. Равенство и равноценность всех наций – это национальный демократизм Франции и одновременно её мировоззренческая идея стабильности; они же являются руководящими принципами её науки и философии. Но со времён наполеоновских войн она считает *присущей ей* высшей национальной миссией осуществлять эти специфически французские идеи о «правах человека» и исторической стабильности не только в своих границах, но и нести их во внешний мир, наполнять ими его и все другие нации. Причём эта миссия окружена у неё ореолом национальной славы, имеющим своеобразный галльский ценностный характер. Слава (*gloire*) «лидера» (*Führer*) человечества, его «учителя» и «воспитателя» – вот идея национальной миссии Франции. Тот факт, что как раз эта идея и претензия делают их носителей крайне агрессивными и воинственными по отношению к тем народам, которые имеют иное, игнорируемое Францией понимание себя и своей миссии, или в силу собственного национального духа не подчиняются французскому лидерству (*Führerschaft*) – этого Франция искони не замечает с такой наивностью, какую только можно себе представить.

Англия понимает свою национальную миссию совершенно иначе, если не сказать прямо противоположным образом. Её миссионерская идея скрытно поддерживается аристократической идеей «избранности». С исторической точки зрения она представляет собой продукт смешения, с одной стороны, национального эгоизма Англии как мировой империи, с другой – следствия переноса с отдельной личности на всю нацию кальвинистско-пуританской идеи избранности милостью Божьей. В то время как Франция всецело ощущает себя только «лидером» (*Führer*) человечества и его «учителем», Англия чувствует себя прирождённым «господином» человечества, причём настолько не видит себя в роли его «лидера», его «учителя» и «воспитателя», что полностью отказывается от всякой *прямой* культурной пропаганды, – и, вероятно, поэтому косвенно ведёт мощнейшую в мире. Впрочем, отказ от прямой пропаганды совершенно логичен: если бы мир сделался вдруг настолько же английским, насколько француз хотел бы видеть его французским, Англия перестала бы в тот же миг быть *избранным* народом! Важнейшим пунктом самосознания Англии является то, что человечество служит её интересам, а вовсе не что-то подобное «империализму духа». Она демонстрирует то аристократически уважительное и бережное отношение к чужим идеям, нравам, государственным установлениям (в том числе народов своих колоний), которое и Франция проявляет ко всем народам; но эта позиция совмещается у неё с чувством собственного превосходства – превосходства богоугодного, а потому воспринимаемого как нечто само собой разумеющееся. Вот почему в Англии существует резко выраженный дуализм внешней и внутренней политики – в противоположность Франции, внешняя политика которой в основном определяется внутренней и может радикально меняться с каждым новым правительством. Для Англии все нации – кроме неё самой, призванной к господству над миром, – так же равны и равноценны, как и для Франции, и сегодня странно видеть, как Англия и Франция противостоят друг другу под флагом защиты малых наций [Boutroux, 1915]. По этой же причине воинствующая агрессивность Англии уходит корнями не в какую-то кристально ясную национальную догматику, но почти исключительно в интересы защиты хитросплетений её торговой сети.

Понимание *Россией* собственной национальной миссии совершенно отличается от обеих описанных выше форм национального самосознания. У этой миссии своя, совсем другая формула. Это не идея свободы и равенства наций, как у Франции; и тем более это не идея аристократической избранности, как у Англии. Это формула эмоционального *братства* в высшем единстве религиозно- и церковно-конституированного «мирового государства», в процессе построения которого сама Россия как самобытная нация и как отдельное государство должна раствориться и исчезнуть. Принеся своё наличное национальное бытие в *жертву* человечеству, Россия совершит вместе с тем своё высшее национальное деяние. По сравнению с тем, как понимает себя Англия, это безусловно демократическая миссионерская идея; в то же время она ориентирована не на рациональную идею равенства, а на христианско-православную жертвенную идею славянского братства. Конечно, национальная идея России столь

же агрессивна, как идеи Франции и Англии; пожалуй, она даже самая агрессивная идея национальной миссии из всех, которые вообще существуют. Её смысл можно выразить словами: «Если ты не хочешь стать моим братом, то я раскрою тебе череп!». Это правда, что русский народ – самый эмоционально-пацифистский народ среди всех народов. Но именно этот свой эмоциональный пацифизм он, как ни один другой народ, пытается насадить и распространить силой оружия. Да, Россия не хочет «лидировать» (führen), как Франция, не хочет «господствовать», как Англия, – она лишь хочет *служить* человечеству и вообще принести себя ему в жертву. Однако слуга она весьма навязчивый, дикий и жестокий – слуга, который не выносит, когда его жаждущая жертвенного служения воля сталкивается с отказом.

Итак, перед нами – «лидер и учитель человечества», «прирождённый и богоизбранный господин», «слуга и добровольный жертвенный агнец человечества».

Есть ли у *Германии* аналогичная идея миссии, особенное чувство связи с человечеством? В такой явно выраженной пластической форме, как у этих наций, точно нет. *Германия* совершенно чужда идея избранности Англии, её идея господина мира, воздействующая, как естественная атмосфера, а потому никогда особо не декларируемая. То, насколько *Германия* от неё далека, наверно, ничто не доказывает более убедительно, чем многочисленные и честные немецкие речи о власти (Трейчке, Ницше и др.), умно используемые Бутру против нас. Абсолютно чужда нам и галльская идея лидера человечества. Хотя бы уже потому чужда, что *Германия* не верит в равенство наций и их способность рационализироваться, но хочет, чтобы каждая из них и так была счастлива на свой особый лад. Ещё дальше от нас, немцев, идея России как жертвенного агнца и её православный порыв раствориться в ком-то другом. На фоне этих возвышенных идей национального самосознания немец слишком прост, правдив и скромнен. Власть он называет властью, пользу пользой, и у него нет столь ярко выраженной национальной метафизики, как у народов этих стран. Бутру абсолютно прав: мы не верим в формальную равноценность наций – ни в смысле Англии, которая как *прирождённый господин* заведомо исключает себя из числа равных, ни в смысле Франции, которая, хотя и включает себя в число равных, тем не менее, претендует на уникальную национальную славу быть первой из тех, кто этому равенству научился, и кто поэтому призван учить ему других, и которая одним этим уже отрицает принцип равенства. Мы, немцы, совершенно серьёзно считаем, что нации, как и индивидуумы, не только обладают *различной индивидуальной сущностью*, но и различны в своей *ценности*. И поэтому мы думаем, что нации могут претендовать на свободу и господство в мире и могут заслужить их только в соответствии с ценностью их организаторской и культуротворческой силы духа. Мы верим только в то, что равным принадлежит равное, равноценным равноценное (sum cuique^{19*}) – но не всем равное. Это и есть немецкое понятие справедливости, в отличие от демократизма галльской уравниловки и английской идеи избранности, согласно которой справедливость всегда где-то у «других». Но право судить об этой разнородности наций, стало быть, также и о ценности нашей собственной нации, мы предоставляем самой живой истории, деянию и работе в ней – или Богу в свидетельстве этого деяния, в свидетельстве этой работы.

В конце своего доклада Бутру пытается найти формулу для *немецкого религиозного этоса*. Он считает, что наши великие писатели, философы и историки с давних пор проявляли склонность подчинять идеи добра, права и мудрости ценностям власти, силы, дела. Потому-то и наша немецкая «идея Бога» являет собой противоположность эллинистической форме представления о Боге-мудреце и христианской форме представления о любящем Боге. А в ходе нашего развития мы-де в конце концов отпали и от кантовского «справедливого космократора (Weltordner)». Но Бутру заблуждается. Подобно тому, как у нас, немцев, нет столь же пластичной метафизики национальной миссии, какой обладают названные народы, из-за смешанного конфессионального состава – чуть было не сказал: благодаря ему – нет у нас и того, что хоть отдалённо напоминало бы «национальную религию». Между тем нельзя не признать, что дело, власть и работа занимают в ценностной системе немецкого национального сознания несколько иное место, чем в сознании других наций, причём не со вчерашнего дня или со времён Бисмарка – всегда. Такой далёкий от нас немецкий мыслитель, как Лейбниц, в противовес

французской идее субстанции восстановил в правах идею действия и силы, динамическое – в противовес статическому; и Фауст у Гёте говорит слова, которые столь превратно толкуют сегодня французы: «В начале было дело». Но хоть какой-нибудь серьёзный немецкий мыслитель, писатель, историк извлёк отсюда вывод, что поэтому деяния наций и развёртывание ими своей власти суть то, что впервые *придаёт* им ценность и *формирует* их правовые сферы? Ничуть не бывало! Мы думаем так: сфера власти, принадлежащая нации, основывается в конечном счёте на её совокупной ценности (*Gesamtwert*). Однако нации *различны* в своей совокупной ценности, а для её справедливого измерения не существует ни общеобязательного масштаба, ни какого-то мыслимого института, который мог бы это измерение осуществить. Только живые свершения наций в их собственной истории и истории человечества, положенные на весы пред оком Божиим, могут определить реально существующие различия в ценности наций и вывести их в конце концов на солнечный свет. В этом смысле деяние открывает и находит – но не *придаёт* ценность и не формирует право.

Что касается мудрости, то мы полагаем, что она должна расти в людях по ту сторону от воли и политики, в тиши; добро же, как мы считаем, должно свободно даваться, свободно приниматься и свободно переживаться. Мудрость и любовь – это что-то слишком *высокое* для нас, немцев, чтобы мы рассматривали их как возможные «цели» политики. Если бы мы вдруг начали рассматривать их в качестве таковых, то *вся* наша воля и всё наше целеполагание, в том числе и политическое целеполагание, перестали бы участвовать в управлении и тайно, как бы от обратного делать своё дело^{20*}. Но они *должны* его делать – даже во время войны и даже, когда мы судим о национальных идеях наших врагов.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ²

^{1*} Перевод выполнен по изданию: [Scheler, 1986]. Впервые статья «О национальных идеях больших наций» опубликована в книге М. Шелера «Война и восстановление» (Лейпциг, 1916), повторно – в его книге «Сочинения по социологии и учению о мировоззрении» (Лейпциг, 1923).

^{2*} Французская академия – научное учреждение Франции, занимается изучением французского языка и литературы, регулированием языковой и литературной нормы французского языка.

^{3*} Эмиль Бутру (1845–1921) – французский философ и историк философии.

^{4*} Empire (англ.) – империя.

^{5*} Более обстоятельно Шелер развивает эти взгляды в статье «О восточном и западном христианстве» (1915): [Шелер, 2021].

^{6*} In puris (лат.) – в чистом виде.

^{7*} Это примечание сделано Шелером ко второму изданию статьи в 1923 г. В 1919 г. была учреждена «Веймарская республика» (1919–1933) – федеральная республиканская система государственного управления, созданная Национальным учредительным собранием, а также принята новая демократическая конституция (11.08.1919). Официально страна продолжала именоваться «Deutsches Reich», т.е. Германская империя.

^{8*} «Франкфуртский парламент» (Франкфуртское национальное собрание) – первый в немецкой истории общегерманский парламент, заседавший во франкфуртской церкви Святого Павла (Паульскирхе) с 18.05.1848 по 31.05.1849 г. Его созыв стал одним из последствий Мартовской революции в странах Германского союза. Собрание разработало проект «Конституции Паульскирхе», построенной на принципах парламентской демократии (принят 28.03.1849). Он предусматривал основные демократические права и свободы, а также учреждение конституционной монархии во главе с наследным кайзером, но потерпел провал, ибо король Пруссии Фридрих Вильгельм IV отказался от предложенного ему титула кайзера. «Франкфуртский парламент» сохранился в исторической памяти немецкого народа как символическое выражение духа революции. Главные положения проекта «Конституции Паульскирхе» были взяты за образец при создании конституции «Веймарской республики» 1919 г. и ныне действующего «Основного закона ФРГ» 1949 г.

^{9*} О взаимосвязи государства, нации и культуры в социальной-философской концепции Шелера см.: [Scheler, 1980: 533–536].

^{10*} Ancien Régime (фр.) – Старый порядок. Политический режим во Франции, существовавший до Великой французской революции.

² Примечания и комментарии подготовлены А.Н. Малинкиным.

- 11* Gesamtperson (нем.) – совокупная (= солидарная, коллективная, соборная) личность.
- 12* La théorie française de la nationalité consiste à étendre aux nations ce qui, dans cette maxime, est affirmé des individus (фр.) – Французская теория национальности заключается в распространении на нации того, что в этой максиме утверждается в отношении индивидов.
- 13* Marque (фр.) – знак, метка, фирменный знак, примета.
- 14* Citoyen (фр.) – 1) гражданин, человек; 2) горожанин, житель города.
- 15* Согласно Шелеру, отношение отдельной личности и совокупной личности нельзя отождествлять с отношением части и целого. Совокупная личность конституируется не из отдельных личностей, а из особого класса интенциональных актов отдельных личностей. Эти акты и образуют «мир» социума, субъектом которого является совокупная личность. См.: [Scheler, 1980: 511].
- 16* Libre consentiment (фр.) – свободное согласие.
- 17* «Совокупная личность» (Gesamtperson) – центральное понятие философской социологии Макса Шелера. Это, во-первых, личность, т.е., в понимании Шелера, собирательный акт всех духовных актов индивидуума, или их центр; во-вторых, – *сверхиндивидуальная личность*, т.е. центр особых духовных актов единения (солидаризации, сплочения) индивидуальных личностей по тому или иному основанию. «...Личность, – пишет он, – одинаково изначально есть и отдельная личность, и (по существу) член совокупной личности независимо от своей ценности как члена совокупной личности» [Scheler, 1980: 514]. См. также: [Шелер, 2020: 41–42, 49–60].
- 18* Эльзас и Лотарингия – земли на границах Франции и Германии, с 1871 по 1944 г. бывшие предметом их взаимных территориальных притязаний и в разное историческое время входившие в состав то одного государства, то другого. Сегодня на территории Эльзаса и Лотарингии расположены французские департаменты Верхний Рейн, Нижний Рейн и Мозель.
- 19* Suum cuique (лат.) – каждому своё.
- 20* См.: [Шелер, 2020: 11–12, 16–19, 21–23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Шелер М. Мысли о политике и морали / Пер. с нем. А.Н. Малинкин. М.: МСЛ, 2020. [Scheler M. (2020) *Thoughts on Politics and Morality*. Moscow: MSL. (In Russ.)]
- Шелер М. О восточном и западном христианстве / Пер. с нем. А.Н. Малинкин // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5. № 1. С. 216–236. [Scheler M. (2021) On Eastern and Western Christianity. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 5. No. 1: 216–236. (In Russ.)]
- Boutroux E. (1915) La conception française de la nationalité. *Bibliothèque Universelle et Revue Suisse*. Vol. LXXX. No. 238.
- Pribram K. (1922) Deutscher Nationalismus und deutscher Sozialismus. *Archiv für Sozialwissenschaft*. 49. Bd., 2. Heft: 275–290.
- Scheler M. (1980) Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. In: Scheler M. *Gesammelte Werke*. Bd. 2. 6-e Aufl. Bern und München: Francke Verlag.
- Scheler M. (1986) Über Nationalideen der grossen Nationen. In: Scheler M. *Gesammelte Werke*. Bd. 6. 3-e durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann: 121–130.

Пер. с нем. А.Н. МАЛИНКИНА

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

SCHELER M.

ABOUT NATIONAL IDEAS OF THE GREAT NATIONS

DOI: 10.31857/S013216250021395-7

Transl. from German by A.N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.),

Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).

© 2022 г.

П.П. ЛИСИЦЫН, А.М. СТЕПАНОВ

НОВЫЕ ЗАКОНЫ МИГРАЦИИ Э. РАВЕНШТАЙНА

ЛИСИЦЫН Павел Петрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии (fox_sociology@mail.ru); СТЕПАНОВ Александр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии (a.m.stepanov@spbu.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Представлен анализ научного наследия Э. Равенштайна – английского ученого, стоявшего у истоков миграционных исследований. Кардинальное изменение инструментария сбора и обработки данных, самих основ научного знания, произошедшее в XX в., делает неприменимыми к современным реалиям полученные им результаты и выводы. Вместе с тем осознание этой несовместимости открывает новые перспективы для современного прочтения его работ. Утраченная ценность «Законов миграции» сегодня – это девальвация ответов Равенштайна на фундаментальные и прикладные вопросы миграции. Обретенная ценность – это ревальвация самих вопросов, поставленных им. Выяснению места сделанных им открытий в современной науке и посвящен настоящий текст.

Ключевые слова: миграция • социальная интеграция • женская миграция • сравнительный анализ • миграционные теории

DOI: 10.31857/S013216250020187-8

Постановка проблемы. Конец XIX в. отмечен завершением викторианской эпохи, на последнюю его треть приходится становление исследовательского направления, которое сегодня, претерпев множество изменений, закрепилось под именем «Migration Studies». Почему они зарождаются именно в тот момент в Великобритании? В упомянутый период там совершались сильные изменения демографического характера: численность жителей Англии и Уэльса выросла с 16,8 млн в 1851 г. до 30,5 млн в 1901 г. Кроме того, отмечалась сильная миграция части населения из Великобритании: в США, Канаду, а также в колониальные территории: Австралию, Новую Зеландию, Индию, Южную Африку и встречная – в метрополию.

В тот период и появились в печати три знаменитые статьи Равенштайна [Ravenstein, 1876; 1885; 1889], положившие начало научному исследованию миграции и миграционного поведения. Эти три работы оказывали существенное влияние на миграционные исследования в последующие 70 лет. Выводы, представленные в его работе под названием «Законы Миграции» [Ravenstein, 1885], вплоть до середины XIX в. служили базисом в становлении новых миграционных теорий. Среди тех, кто развивал его идеи, имеются нобелевские лауреаты по экономике [Lewis, 1956], президенты национальных научных организаций, например, таких как Американская социологическая ассоциация (ASA) [Stouffer, 1940]. Однако с середины XX в. работы Равенштайна и его последователей (к которым можно отнести отчасти даже его критиков), кажется, утрачивают свою актуальность. Несмотря на то что классические статьи самого Равенштайна размещаются в электронных базах данных и архивах JSTOR в 2013 и 2015 гг. и ссылки на его труды

эпизодически появляются в современных работах по изучению миграции, создается впечатление, что это скорее дань прошлому и в контексте произошедших за все последующие годы коренных изменений как в понимании миссии научного знания, так и в устройстве общественных систем в целом, его идеи уже воспринимаются во многом как архаичные и несостоятельные.

Следует ли подробно перечислять все кардинальные изменения общественных систем за последние за 150 лет? Мы думаем, что это не обязательно: и так очевидно наличие огромного разрыва между мировым устройством в конце XIX в. и ситуацией в современном мире. Проблема перенаселения больше не обсуждается как проблема; совершенно по-иному проходят процессы урбанизации, иначе предстают взаимозависимости сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности; существенно изменился инструментарий работы банковского сектора, включая системы кредитования и обращения ценных бумаг; преобразовался рынок рабочей силы; до неузнаваемости изменилась политическая карта мира; произошли глобальные перемены, связанные с внедрением информационных технологий. Кроме того, параллельно с изменениями мировых систем изменялась исследовательская практика: обновлялись инструменты сбора и обработки данных, появлялись новые методологические подходы к анализу миграции, в молодых социальных дисциплинах ставились вопросы о взаимосвязи миграции с электоральными, модернизационными, глобализационными процессами. Этот далеко не полный перечень изменений, на первый взгляд, кажется достаточным, чтобы подвергнуть критике актуальность Законов миграции, выявленных Равенштайном в 1885 г.

Существенные изменения коснулись и миссии самого научного знания. С конца XVII в. и до середины XX в. в попытке объяснить основы и мотивы поступков людей, предсказать реакцию групп на раздражители внешней среды «писатели» (writers: именно этим словом, делая отсылки к чужим текстам, ученые часто именовали тогда друг друга) искали законы человеческого поведения. Выявляемые ими законы в их всеобщности и непогрешимости уподоблялись ими как божественным, так и физическим законам. Влияние механицизма на социальные науки того времени проявлялось в том, что во времена, когда Адольф Кетле писал работы, положившие начало становлению научной социальной статистики и демографии, обе эти новые тогда дисциплины, как, впрочем, и социология, поначалу рассматривались и даже обозначались как социальная физика. При этом методологию физических наук и инструменты математических наук социальные исследователи стремились использовать для выявления законов человеческого поведения, в том числе экономического [Smith, 1776], девиантного [Durkheim, 1897], миграционного [Loua, 1885] и пр. Впоследствии, примерно с середины XX в., в миссии научного знания выявление законов человеческого поведения вытесняется определением его норм и правил, не претендующих на всеобщность: из объяснительных моделей постепенно пропадает комплекс Бога, характеризующийся задачей выявить общие законы, снижается количество попыток применить законы физического мира к миру социальному. Иными словами, общественные науки XIX в. отличаются от общественных наук нашего времени не только методологически и инструментально, но и в целеполагании.

Перечисленные изменения в понимании миссии научного знания и в устройстве общественных систем позволяют подвергнуть критике попытки экстраполяции выводов, сделанных Равенштайном в 1885 г., на сегодняшние миграционные процессы. Но и в его время его «Законы миграции» воспринимались современниками неоднозначно. Дважды (в 1885 и в 1889 гг.) Равенштайн представлял результаты своих исследований на заседании Королевского Статистического Общества (Royal Statistical Society¹), где помимо похвалы в его адрес за масштаб и тщательность проделанной исследовательской работы

¹ Королевское статистическое общество Англии.

[Discussion..., 1885: 228], высказанной Г. Лонгстаффом², большинство присутствующих подвергли существенной критике как его методологию исследования, так и его выводы. Например, с критикой сравнительной методологии исследования выступил Н.А. Хампфрис³, подчеркнув несопоставимость данных переписей различных лет, с которыми работал Равенштайн [Discussion..., 1885: 230]. Преподобный И. Докси (Rev. I. Doxsey⁴) заявлял, что выступление Равенштайна показывает процесс миграции однобоко, что в реальности существуют «различные экономические и политические обстоятельства, которые могут влиять на законы миграции» [Discussion..., 1885: 232]. Еще более категорично критиковал «Законы миграции» мистер Боурн (Mr. S. Bourne)⁵, отмечавший, что, «строго говоря, в работе Равенштайна нельзя ничего обнаружить о регуляции миграции населения, кроме как простой закон спроса и предложения» [Discussion..., 1885: 223]. Иронично по отношению к результатам исследования выглядит выступление Н. Хамфриса, завершающее второе заседание Королевского Статистического Общества в 1889 г., в котором он отмечает, что он, дважды ознакомившись с различными данными, предостерегает Равенштайна, пришел к выводу, что «миграция скорее отличается своим беззаконием, чем наличием какой-либо определенности» [Discussion..., 1889: 302]. Ироничным это высказывание выглядит по той причине, что Н. Хамфрис являлся учеником покойного к тому моменту У. Фарра (William Farr)⁶, случайная фраза которого, что «миграция, похоже, происходит без какого-либо определенного закона» [Ravenstein, 1885: 167], по словам самого Равенштайна, подтолкнула его заняться исследованием миграции.

Критика результатов, полученных Равенштайном с отвержением их актуальности для XXI в., казалось бы, делает бесполезным обращение современных исследователей к текстам его публикаций. Между тем осознание несовместимости сделанных им выводов с современной реальностью открывает новые возможности для их прочтения. Иными словами, краеугольным камнем современного анализа его текстов должны быть не выводы исследования и не его методики, действительно утратившие актуальность и применимость, а вопросы о миграции и о миграционном поведении, которые задает этот автор. Тщательный анализ работ последователей Равенштайна, таких как С. Стауффер [Stouffer, 1940], Д. Зипф [Zipf, 1949], В. Зелински [Zelinsky, 1971] и пр., показывает, что именно вопросы, поставленные в «Законах миграции», а не выявленные в них тенденции, являлись двигателем осмысления миграционных процессов. В том числе и современные авторы, такие как С. Кастлз [Castles, 2005], С. Сассен [Sassen, 2007], А. Портес [Portes, 2014] и пр., перехватывают эстафетную палочку вопросов у своих старших коллег. Более того, без тщательного разбора вопросов, которые ставит Равенштайн в тех работах, невозможно в полной мере понять идеи современных исследователей. В качестве резюме можно перефразировать крылатое высказывание известного современника Равенштайна французского литературного критика Э. Вогюэ «Nous sommes tous sortis du Manteau de Gogol» [Vogue E.-M., 1885]⁷ и сказать, что все исследования миграции вышли из вопросов Равенштайна.

² Джордж Бланделл Лонгстафф (1849–1921) – автор работ по демографической социальной, политической и медицинской статистике.

³ Нозль Алджернон Хамфрис (1837–1923) – редактор и составитель статистических трудов доктора У.М. Фарра «Статистика жизнедеятельности». Помощник главы Службы регистрации актов гражданского состояния Великобритании (Assistant of the Registrar-general).

⁴ И. Докси (Doxsey) – священник Баптистского Миссионерского Общества, осуществлял социальные программы помощи вдовам и сиротам в Лондоне (район Lower Edmonton) и Миддлсексе.

⁵ Фредерик Сэмюэл Огастес Борн (1854–1940) – британский юрист и дипломат.

⁶ Уильям Фарр (1807–1883) – британский эпидемиолог, один из основателей медицинской статистики.

⁷ Фраза «Все мы вышли из гоголевской шинели» вошла в литературный обиход из очерка виконта Де Вогюэ о русской литературной жизни и о Ф.М. Достоевском, опубликованного в журнале «Revue du Deux Mondes», широко выписываемом и читаемом в российских литературных кругах тех лет. В 1880-е гг. Де Вогюэ исполнял обязанности секретаря посольства Франции в Петербурге, часто общался с русскими литераторами и публиковал литературно-критические сочинения. – Прим. ред.

Вопросы Равенштайна. В текстах Равенштайна исследовательские вопросы формулировались как в классической вопросительной форме, так и в форме гипотез, а также могут быть выражены и в утвердительных формах, чтобы призывать его критиков проводить новый анализ данных и корректировать построенные объяснительные модели. Они раскрываются и проявляются в его полемике с другими учеными, содержатся в рекомендациях, адресованных законодателям, спрятаны в его выводах и в логических связях между тезисами. Таким образом, для анализа этих вопросов, их актуализации, демонстрации их влияния на все последующие миграционные исследования необходимо провести общий анализ текстов Равенштайна.

В заглавии всех трех рассматриваемых нами его статей повторяется словосочетание «законы миграции», что наводит на мысль, что, по мнению их автора, законы миграции существуют. Но это была не констатация, а скорее вопрос, вынесенный на экспертное обсуждение как перифраз упомянутого ранее обращения У. Фарра к самому Равенштайну: «Существуют ли миграционные законы?». В текстах [Stouffer, 1940; Zipf, 1949 и пр.], ссылающихся на «Законы миграции», и в аналитических статьях, посвященных их разбору [Яковлева, 2017; Василенко, 2013], отмечается, что критики, соглашаясь или опровергая эти Законы, рассуждают о них как о социальных фактах, каковыми на самом деле они не являются, даже в понимании самого Равенштайна: «Я колебался, прежде чем использовать термин закон, и сделал это только потому, что не смог найти лучшего термина. Все, что я хотел сказать, это то, что миграция происходит по определенным правилам» [Discussion..., 1885: 235]. «Я ни на мгновение не утверждал, что открыл какие-либо великие законы» [Discussion..., 1889: 235]. Для Равенштайна существование законов является открытым вопросом, к которому научное сообщество вернется позже, в середине XX в. в исследованиях О. Старка и Д. Блума [Stark, Bloom, 1985], Д. Мессе [Massey, Arango etc., 1993] и др., а затем, в начале XXI в. в работах А. Банерджи, Э. Дюфло [Banerjee, Duflo, 2019] и пр. На разных этапах развития науки исследователи предлагают на него разные ответы, но сам ключевой вопрос, сформулированный Равенштайном, остается при этом неизменным.

У. Фарр является важным, но не единственным оппонентом, подтолкнувшим Равенштайна к формулированию вопросов, связанных с миграцией. Немаловажную роль сыграла Служба регистрации актов гражданского состояния Великобритании (The Registrar General), выступившая с заявлением о том, что «улучшение дорожной системы в Англии, ... растущая осведомленность граждан о регионах страны ... способствует перемещению людей из мест, где они не востребованы в качестве рабочей силы, в места, где их труд необходим» [Ravenstein, 1885: 167]. Препарируя этот тезис, Равенштайн обращается к вопросам зависимости рынка труда от рынка товаров, а также зависимости миграционного процесса от развития информационных связей. Кроме того, оппонировав анонимному общественному мнению своей страны, когда считалось, что роль женщины заключается только в ведении домашнего хозяйства [Ravenstein, 1885: 196], он поднимает вопросы о женском труде и о роли женщин в миграционных процессах. Все эти темы остаются актуальными и до сегодняшнего дня, перетекая из одних миграционных исследований в другие. Например, С. Стауффер в 1940 г. посвятил свою главную работу вопросу зависимости миграционного процесса от информационных систем [Stouffer, 1940]. Вопрос движения капиталов и рабочей силы подробно рассматривает А. Льюис [Lewis, 1956]. Вопрос о роли женщин в миграционных процессах и в формировании рабочей силы с середины XX в. красной линией проходит через исследование миграции.

Помимо вопросов, подтолкнувших Равенштайна к проведению исследования и к законам миграции, важно обратиться к сформулированным непосредственно им самим вопросам относительно миграционного процесса и миграционного поведения. Для анализа этих вопросов, на часть из которых он пытается ответить, а часть оставляет без ответа, необходимо обратиться к описанию результатов его исследования. Однако структура дальнейшего разбора работ Равенштайна будет отличаться от привычного анализа его текстов. Поскольку для нашей цели краеугольным камнем являются не выводы

исследования, а постановка вопросов, то и привычный поэтапный разбор законов миграции будет заменен на поэтапный разбор ключевых вопросов.

Кто такие мигранты? Для Э. Равенштайна очевидна необходимость выделения мигрантов в отдельную группу из общего числа граждан для решения политических, экономических, а иногда и социальных задач, стоящих перед государством. Необходимость такого выделения обуславливает появление двух фундаментальных вопросов: 1. *Как отличить мигранта от не мигранта?* 2. *Отличаются ли мигранты друг от друга?* На эти вопросы, поставленные Равенштайном, нет однозначных ответов и сегодня. Он и сам не дает на них ответы. Более того, он задает в ходе рассуждения новые вопросы, вытекающие из них. Методология проделанного им исследования, основанного на анализе статистических данных переписи населения, вынуждает его определять мигранта как человека, заставшего проведение переписи не в регионе своего рождения. Эта вынужденная мера кажется ему неудачной по двум причинам. Во-первых, разницу между регионом рождения и регионом фактического нахождения человека не всегда можно зафиксировать. Например, «существуют переписи, которые не классифицируют население по месту рождения, а делают это только по национальности» [Ravenstein, 1889: 242]. Таким образом, возникает методологическая и инструментальная проблема сопоставимости данных о миграции разных лет, регионов и стран. Во-вторых, остается неясным, на основе чего фиксировать различия между местом рождения и местом фактического нахождения. Что должно являться мериллом этого различия: расстояние, административное деление или что-то иное? Например, «путешествие длиной не более чем в 25 миль, – замечает он, – превращает любого уроженца Рутленда (Rutland) в мигранта, в то время как уроженцу Йоркшира, чтобы считаться мигрантом, может потребоваться проехать более 95 миль» [Ravenstein, 1885: 168]. Таким образом, Равенштайн, утверждая, что нужно изучать мигрантов как отдельную группу, вероятно, отличающуюся по своим повседневным, трудовым, политическим, экономическим действиям от остального населения, ставит вопрос: *как отличить мигрантов от остальных?* Причем это отличие должно быть объективно фиксируемым. На протяжении 150 лет дальнейшей истории исследователи миграции будут отвечать на этот вопрос по-разному, разделяя миграционный процесс на «settlement и movement» [Kivisto, 2002], на стадии, начинающиеся с принятия решения о переезде и заканчивающиеся адаптацией на новом месте [Рыбаковский, 2018; Введение..., 2002; Моисеенко, 2004], будут дифференцировать мигрантов первого, полторного, второго и прочих поколений [Remennick, 2019] и т.д.

Размышление о возможном отличии мигрантов по их повседневным, трудовым, политическим и экономическим действиям от остального населения приводит Равенштайна к формулировке второго фундаментального для исследований миграции вопроса: *отличаются ли мигранты друг от друга?* Собственную попытку дать на него ответ Равенштайн критикует за ее высокий уровень субъективности, поскольку представленные выводы «часто основаны только на моем личном опыте» [Ravenstein, 1885: 181]. К этому нужно добавить, что его попытка объединить в типологии такие показатели, как расстояние, мотивы, время и причины, через 150 лет приведет к путанице в миграционных теориях и их политическом использовании. Равенштайн предполагал, что существуют: местные мигранты, «ограничивающиеся переездом из одной части города в другую» [Ravenstein, 1885: 181]; мигранты, совершающие короткие [ibid: 182] и дальние переезды [ibid: 182]; поэтапные мигранты (by stages), «кочующие в поисках работы с места на место» [ibid: 183], и временные мигранты, такие как «сборщики хмеля, студенты, заключенные, военные, туристы и пр.» [ibid: 183]; добровольные и вынужденные [ibid: 168]; образовательные и трудовые [ibid: 181]; внешние и внутренние [Ravenstein, 1889: 287]. Таким образом, помимо современных дискуссий о типах миграции (предлагающих разделение на трудовую и образовательную, добровольную и вынужденную, на отходников [Плюснин и др., 2013: 372] и экономических беженцев и т.д.) вопрос Равенштайна об отличиях мигрантов друг от друга положит начало научным спорам о мигрантах как о группе [Lang et al., 2021] или как о категории [Brubaker, 2004].

Какие события вызывают миграцию? Закономерности, а также нетипичные случаи, выявленные Равенштайном при анализе демографической статистики, натолкнули его на размышления о причинах миграции. Например, рассмотрев статистические данные по Шотландии и ближайшим к ней территориям Англии [Ravenstein, 1885: 177] и выявив, что приграничные районы наиболее подвержены миграции, он делает вывод о первостепенном влиянии различий в типах экономики Шотландии и приграничных территорий на численность и направления миграционных потоков. Проанализировав данные по центральной и юго-восточной частям Англии (Дерби, Эссекс, Кент, Сассекс и пр.), Равенштайн предлагает разделять территории на территории поглощения (*absorption*) и рассеивания (*dispersion*) [ibid: 184]. Характеризуя эти территории, он пишет, что «если бы уроженцев каждого графства, теперь разбросанных по всему королевству, можно было бы заставить вернуться в графства, в которых они родились, население графств поглощения уменьшилось бы, а население графств рассеивания увеличилось бы до соответствующей степени» [ibid: 184]. Он также отмечает, что территории поглощения – это «главные центры торговли и промышленности», что «сельскохозяйственный класс в них представлен менее широко, чем в стране в целом» [ibid: 186], и что численность проживающих на этих территориях высока. Таким образом, разница между характеристиками регионов-доноров и регионов-реципиентов рассматривается Равенштайном в качестве причин, вызывающих миграцию. При этом различие регионов основано не только на демографических, экономических, но и на социальных и природных факторах. В частности, он пишет, что «дополнительные стимулы к миграции предлагаются образовательными учреждениями..., благоприятным климатом..., доступностью необходимых товаров» [ibid: 168]. Вопрос «*Какие причины способствуют миграции?*», являющийся основой указанных рассуждений Равенштайна, сразу подхватят его ученики и последователи. Своим анализом Равенштайн подсказывает последующим поколениям ученых, где искать мотивы миграционного поведения. Благодаря его подсказке до середины XX в. основной фокус исследовательского поиска сосредоточится на факторах, которые он считал главными: перенаселенность, неразработанность ресурсов, обещание оплачиваемого труда [Ravenstein, 1889: 286]. С середины XX в. исследователи начнут обращать внимание также на упомянутые Равенштайном второстепенные факторы, такие как: «плохие или репрессивные законы, тяжелое налогообложение, непривлекательный климат, неблагоприятное социальное окружение» [ibid: 286], а в XXI в. список этих факторов будет расти от исследования к исследованию.

Как принимающее общество реагирует на мигрантов? Рассматривая статистические закономерности перемещения ирландского населения в Уэльс, Равенштайн наблюдает реакцию местного населения на миграционный прирост [Ravenstein, 1885: 172]. В его рассуждениях уровень реакции (сильный, слабый и компенсирующий) [ibid: 187] зависит от количественной и качественной характеристик входящего потока. К первой относится объем миграции, ко второй – наличие обременения (*incomdrances*) [ibid: 197] у мигранта, под которым Равенштайн понимает семью, прибывающую с мигрантом [ibid]. В качестве реакции местных жителей Равенштайн фиксирует миграционные противотоки (*Counter-Currents*) [ibid: 187]. В качестве примера он приводит тех же ирландцев, прибывающих в город Милфорд (*Milford Haven*) и «остающихся в графстве Пембрукшир (*Pembrokeshire*), тем самым повышая там долю ирландцев, что в свою очередь побуждает многих коренных жителей мигрировать» [ibid: 172]. Выводы, сделанные Равенштайном о миграционных противотоках, о влиянии обременения на мигранта, во многом объясняются спецификой методологии его исследования, а также ограниченностью данных, с которыми он мог работать. Однако даже в условиях этих ограничений он ставит актуальные и на сегодняшний день вопросы о воздействии миграции на жизнь местного населения: *как влияют качественные характеристики мигрантов на положение (экономическое, социальное, политическое и пр.) местных жителей? Как влияют характеристики мигрантов на процессы социальной адаптации, интеграции и ассимиляции?* Эти вопросы, поставленные Равенштайном, обозначают канву

для всех исследований миграционных процессов, политических и экономических программ, связанных с миграцией, на протяжении последующих 150 лет.

Какова роль женщин в миграционном процессе? Типичной характеристикой миграционных потоков является перемещение из села в город, из сельскохозяйственных районов – в промышленные [ibid: 187]. Вопреки общественному мнению того времени, а может быть и к удивлению самого Равенштейна, его исследования показали, что эта характеристика миграционных потоков одинаково верна и для мужской, и для женской миграции. «Женщины мигрируют в определенные производственные районы ... не только в поисках женских работ... Работа на заводе или фабрике является серьезным конкурентом работе на кухне или в качестве посудомойки» [ibid: 196]. Выявленные им объемы женской миграции также вопреки широко распространенному в то время мнению, связывавшему женщину с ведением домашнего хозяйства, оказались не ниже, а в некоторых случаях даже выше мужской. «Больше женщин, чем мужчин, покидают графство, в котором они родились, в поисках работы в каком-либо другом графстве того же королевства» [ibid: 196]. Не проводя критический анализ выводов Равенштейна, подчеркнем, что их влияние на изменение стереотипного мышления (в том числе и в науке) о женщинах в общественных процессах предоставило возможность его последователям пристальнее взглянуть на вопросы о роли женщин в процессах труда и производства, в экономике домашнего хозяйства, в миграционных процессах.

Для чего нужно изучать миграцию? Равенштайн настаивает, что пристальное внимание исследователей к миграционным процессам, их изучение и анализ должны помочь национальным государствам и их правителям проводить эффективную внутреннюю и международную политику. Некоторые его аргументы в пользу проведения таких исследований в связи с освоением колоний и разработкой новых территорий выглядят несколько устаревшими. Например, «если тропическая Африка или другие тропические регионы когда-нибудь подвергнутся колонизации европейскими расами, правила этой колонизации должны быть разработаны с учетом миграционных правил» [Ravenstein, 1889: 289]. Однако обращение Равенштейна к колониальной политике получит новый толчок в 1970-е гг. в неоколониальных теориях и теориях зависимости [Smith, 1974], а вопросы внутренней политики, в том числе связанные с процессами популяции и депопуляции населения [Loa, 1885], социальной бедности, распределения трудовых ресурсов, криминализации граждан [Discussion..., 1885: 228], с некоторыми корректировками актуальны и сейчас.

Вот как охарактеризовал пользу от миграционных исследований г-н Боурн (Mr.S. Bourne), выступавший во время публичного обсуждения «Законов миграции»: «Любое исследование фактов миграции является чрезвычайно ценным для принятия руководящих решений. Политэкономы и государственные деятели должны уделить им гораздо больше внимания, чем это было до сих пор... именно эти исследования должны определить будущее процветание страны» [Discussion..., 1885: 234]. Тем не менее задача построения научным сообществом дорожной карты, которая приведет к процветанию страны и общества в целом, поставленная в 1985 г. английским дипломатом, не выполнена до сих пор. Более того, возникает вопрос: выполнима ли эта задача в принципе?

За 150 лет изучения миграции вопросы о ее роли в решении политических, экономических, социальных задач переплетаются со страхами (интуитивными в большей степени) перед ее последствиями. Эти страхи свойственны и чиновникам, и политикам, и членам научного сообщества, и широкой публике, с той единственной разницей, что они определены разными терминами.

Миграция – мировая проблема, «которая не ограничивается только Англией, она актуальна для Франции, Соединенных Штатов и прочих стран по всей Европе» [Ravenstein, 1885: 167], что отмечает в своем выступлении 1885 г. Г. Лонгстафф (George Blundell Longstaff). Миграция требует неустанного контроля и регуляции со стороны государства инструментами как внутренней, так и внешней политики, соглашается с ним У. Роусон

(Sir William Rawson)⁸, добавляя в 1889 г., что руководство разных стран заинтересовано в том, чтобы согласовать общие правила регуляции миграции [Discussion..., 1889: 304]. Все это необходимо сделать для минимизации негативных последствий от влияния миграции на общество и государство. К таким последствиям, по мнению членов Лондонского статистического общества (1885, 1889 гг.), относится, например, возможная депопуляция населения отдельных регионов [ibid: 287], о чем заявил Г. Лонгстафф, вместе с тем отмечая и обратную тенденцию к чрезмерной плотности населения для ряда благоприятных для миграции регионов. Смежную проблему чрезмерного перераспределения трудовых ресурсов из сельскохозяйственного в производственный сектор [Discussion..., 1885: 232] поднимает Преподобный Доксей (Rev. I. Doxsey). Проблему вытеснения местных рабочих приезжими мигрантами, которые занимают их рабочие места, как одну из важнейших проблем выделяет Р. Гамильтон (Mr. Hamilton Rowland), продемонстрировав пример со «строительством моста Форт (Forth Bridge)» [Discussion..., 1889: 305]. Среди остальных не менее важных проблем также были обсуждены проблемы связи миграции с ростом количества преступного элемента [Ravenstein, 1885: 167], негативного влияния миграции на социальную структуру национального общества [ibid: 233]. Также были затронуты вопросы опасности миграционного процесса для самих мигрантов, в частности, повышенные миграционные риски, основанные на недостатке достоверной информации о новом месте пребывания, продемонстрированные на конкретном примере рабочих из Норфолка в Дареме [Discussion..., 1885: 233] и влияние различия между номинальной и реальной заработной платой мигрантов на их собственное социальное и экономическое положение на новом месте, а также на финансовое планирование жизни их семей, оставшихся на родине [Discussion..., 1889: 304]. Кроме того, обсуждалась проблема некомпетентных комментариев, а иногда и попросту ложной информации о миграции в средствах массовой информации [Discussion..., 1885: 229]. Отдельно было подвергнуто критике утверждение, что мигранты перемещаются из худших условий в лучшие. В частности, английским дипломатом господином Боурном (Mr.S. Bourne) было отмечено, что это суждение ни экономически, ни политически не может быть обосновано, так как если взять пример перемещения из Англии в Соединенные Штаты, то в этом случае «страна, откуда уезжают, не может быть в лучшем положении, чем та, куда приезжают» [Discussion..., 1889: 229].

Все упомянутые вопросы и страхи в отношении негативных последствий миграции, озвученные в 1885, 1889 гг., конечно, требуют подробного разбора в ретроспективе 150 лет миграционных исследований, но их поверхностный анализ демонстрирует, что миграционная повестка за эти 150 лет совсем не изменилась, а значит задача построения дорожной карты, ведущей к общественному благу, еще выполняется.

Заключение: законы миграции. Авторы аналитических обзоров, описывающих теории миграционного поведения, ссылаясь на классические статьи Равенштайна, обычно предлагают для обсуждения одиннадцать законов миграции [Василенко, 2013; Яковлева, 2017]. Часть законов, представленных в этих обзорах, выдвинул сам Равенштайн, часть аналитики сами находили среди его рассуждений. Семь законов, выдвинутых непосредственно Равенштайном, следующим образом описывают миграционные процессы: 1. «Большая часть мигрантов перемещается лишь на короткие расстояния [Ravenstein, 1885: 198] ... это верно и для Америки, где условия миграции совершенно исключительные [Ravenstein, 1889: 286]»; 2. Закон всемирного тяготения применим к описанию вектора движения мигрантов: «Жители страны, окружающие быстрорастущий город, стекаются в него, уменьшая, таким образом, плотность ближайшего сельского населения, которое, в свою очередь, пополняется мигрантами из более отдаленных районов. Это происходит до тех пор, пока притягательная сила быстрорастущего города не распространит свое влияние на самый дальний уголок королевства» [Ravenstein, 1885: 198]; 3. «Мигранты, отправляющиеся на большие расстояния, предпочитают крупные центры торговли или

⁸ Уильям Роусон (1812–1899) – британский чиновник, статистик.

промышленности» [ibid: 199]; 4. «Процесс рассеивания жителей маленьких поселений обратно пропорционален процессу поглощения их большими городами и имеет аналогичные особенности» [ibid: 199]; 5. «Каждый поток миграции создает компенсирующий противоток (counter-current)» [ibid: 199]; 6. «Горожане реже мигрируют, чем жители сельских районов» [ibid: 199]; 7. «Женщины чаще мигрируют, чем мужчины» [ibid: 199], в случаях «длительных поездок на короткие расстояния» [Ravenstein, 1889: 288].

К законам, представленным самим Равенштайном, исследователи добавляют тезисы, обнаруженные ими в его рассуждениях. Некоторые из таких тезисов не являются очевидным следствием из его текстов, например, что «большинство мигрантов – взрослые люди. Семьи редко переезжают за пределы страны» [Василенко, 2013]. Некоторые же являются скорее уточнением законов Равенштайна, как, например, тезис о том, что «миграции в основном направлены из сельскохозяйственных регионов в центры промышленности» [там же]. Таким образом, на страницах аналитических статей семь законов превращаются в девять, десять и даже одиннадцать. Вместе с тем некоторые тезисы, представленные аналитиками как законы миграции, действительно можно вывести из его рассуждений в качестве самостоятельных утверждений. Например, что главные причины миграции – экономические и что население больших городов увеличивается больше за счет миграционного, чем естественного прироста [там же].

В настоящий обзор его теорий также можно добавить ряд тезисов, не выведенных ранее из работ Равенштайна, однако претендующих на звание законов: 1. Расстояние, на которое оказывает влияние сила притяжения большого города, должно измеряться не только в милях, но и в категориях социальной географии, основанных на доступности взаимодействия (facilities of communication), «которые часто могут компенсировать минусы дальнего расстояния» [Ravenstein, 1885: 199]; 2. Темпы миграции увеличиваются. «Увеличивается ли миграция? Я верю в это!» [Ravenstein, 1889: 288].

Вместе с тем, как уже было отмечено выше, ценность работы Равенштайна – это не ценность ответов, которые он дает, а ценность вопросов, которые он ставит и которые задают исследовательские рамки его последователям вплоть до текущего дня. Именно на их основе, переосмыслив оригинальный текст, стоило бы выделить *новые законы миграции*, сохранившие актуальность на сегодняшний день.

1. Мигранты требуют выделения из общего числа населения национального государства, так как обладают специфическими особенностями, способными оказать влияние как на их повседневные практики, так и на экономические, политические и социальные процессы всего государства. 2. Мигранты неоднородны, что требует выделения оснований для их внутригрупповой типологизации. 3. Определение причин миграции требует применения принципа историзма, при котором всякое явление является следствием предыдущих. 4. Миграция оказывает влияние на экономические, демографические и социальные показатели как регионов исхода, так и регионов прибытия. 5. Социальная интеграция и ассимиляция являются частью миграционного процесса. 6. Женщины, так же, как и мужчины, являются полноправными участниками миграционного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. № 16. 2013. С. 36–42. [Vasilenko P.V. (2013) Foreign theories of population migration. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. No. 16: 36–42. (In Russ.)]
- Введение в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Сарадова. М.: ТЕИС, 2002. [Introduction to demography. (2002) Ed. by V.A. Iontsev, A.A. Sorogradova. Moscow: THEIS. (In Russ.)]
- Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004 [Moiseenko V.M. (2004) *Internal migration of the population*. Moscow: THEIS. (In Russ.)]
- Плюснин Ю.М. и др. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. [Plyusnin U. et al. (2013) *Otkhodniki*. Moscow: Noviy hronograph. (In Russ.)]

- Рыбаковский Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 86–94. [Rybakovsky L.L. (2018) Prehistory of the emergence of the theory of three stages of the migration process. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of living of the population of the regions of Russia]. No. 2: 86–94. (In Russ.)]
- Яковлева Е.Б. История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 20–23. [Yakovleva E.B. (2017) History and theories of migration processes. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 3: 20–23. (In Russ.)]
- Durkheim E. Le suicide. Étude sociologique. Paris: Ancienne Librairie Germer Bailliere et Cie, 1987. [Durkheim E. (1897) *Suicide: A Study in Sociology*. (In Fr.)]
- Loua M.T. Rapport sur le vingt-cinquième anniversaire de la fondation de la Société // Journal de la Société de Paris. 1985. No. 26: 357–368. [Loua M.T. (1885) Report on the twenty-fifth anniversary of the foundation of the Society. *Journal of the Society of Paris*. No. 26: 357–368. (In Fr.)]
- Vogue E.-M. de. Les Écrivains russes contemporains. F.M. Dostoievsky // Revue des Deux Mondes. 1885. Vol. 72. No. 1. [Vogue E.-M. (1885) Contemporary Russian writers. F.M. Dostoevsky. In: *Revue des Deux Mondes*. Vol. 72. No. 1: 312–356. (In Fr.)]
- Banerjee A., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times*. New York: PublicAffairs.
- Brubaker R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Castles S. (2005) Nation and Empire: Hierarchies of Citizenship in the New Global Order. In: *International Politics* (42): 203–224.
- Discussion on Mr. Ravenstein's paper. (1885) *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 48: 167–235.
- Discussion on Mr. Ravenstein's paper. (1889) *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 52: 241–305.
- Kivisto P. (2002) *Multiculturalism in the global society*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Lang C., Pott A., Shinozaki K. (2021) Organizations and the production of migration and in/exclusion. *Comparative migration studies*. No. 9. DOI: 10.1186/s40878-021-00274-w.
- Lee E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1: 47–57.
- Lewis A. (1955) *The Theory of Economic Growth*. London: George Allen & Unwin Ltd.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3: 431–466.
- Portes A., Rumbaut G.R. (2014) *Immigrant America: A portrait*. 4th ed. Berkley: University of California Press.
- Ravenstein E.G. (1889) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 52. No. 2: 241–305.
- Ravenstein E.G. (1876) The Birthplace of the People and the Laws of Migration. *The Geographical Magazine*. Vol. 3: 173–177 (cit. according to the reed. 2010, Montana: Kessinger Publishing).
- Ravenstein E.G. (1885) The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 48. No. 2: 167–235.
- Remennick L. (2019) The Israel Diaspora in Berlin. *Israel Studies Review*. No. 34: 88–109.
- Sassen S. (2007) *A Sociology of globalization*. Columbia V.V. Norton Ed.
- Smith A. (1776) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (reed. 2007). Metalibri. Amsterdam.
- Smith S. (1974) *US neocolonialism in Africa*. New York: International publisher.
- Stark O., Bloom D. (1985) The New Economics of Labor Migration. *The American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Papers and Proceedings of the Ninety Seventh Annual Meeting of the American Economic Association: 173–178.
- Stouffer S.A. (1940) Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. Vol. 5. No. 6: 845–867.
- Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*. Vol. 61. No. 2: 219–249.
- Zipf G.K. (1949) *Human behavior and the principle of last effort. An introduction to human ecology*. Cambridge: Addison-Wesley Press.

Статья поступила: 04.05.22. Принята к публикации: 08.07.22.

NEW LAWS OF MIGRATION BY E. RAVENSTEIN**LISITSYN P.P., STEPANOV A.M.***St. Petersburg State University, Russia*

Pavel P. LISITSYN, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of Comparative Sociology Chair (fox_sociology@mail.ru); Alexander M. STEPANOV, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Prof. of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology Chair (a.m.stepanov@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Abstract. The article offers an analysis of the scholarly heritage of Ernest Ravenstein, who might be called the founding father of migration studies. Against the background of radical changes in the methods of data collection and processing since 1876 (the year of publication of his founding paper “Places of birth of people and the laws of migration with seven maps”), the authors of the article question relevance of his work for modern social science. Based on the work of Ravenstein, the article discusses issues related to: 1) characteristics of migrants as a special socio-demographic and economic group, 2) the reasons that encourage people to migrate, 3) the impact of migration on the host society, 4) gender aspects of migration processes, 5) prospects of studying migration. In the final part of the article, the authors point out significance of Ravenstein’s work for modern migration studies. At the same time, it is not the results obtained by Ravenstein that are particularly relevant at the present stage, but those questions that he formulated in his papers. The authors also suggest a number of new migration laws that have remained relevant to this day.

Keywords: migration, social integration, female migration, comparative analysis, migration theories.

Received: 04.05.22. Accepted: 08.07.22.

С.Я. СУЩИЙ

РУССКИЕ В СТРАНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, ФИЦ Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. Процесс этнокультурного отступления русских из Средней Азии, фиксируемый уже в 1970–1980-е гг., резко ускорился в постсоветский период. За 1989–2020 гг. русское население региона сократилось в 3,3 раза (с 3,29 млн до 0,93–1,04 млн чел.). Наиболее интенсивной депопуляция была в 1990-е гг. (–41–43,5%). В дальнейшем темпы убыли снижаются, но остаются очень высокими. В 1990–2000-е гг. во всех странах региона 85–95% демографических потерь русского населения были связаны с эмиграцией (прежде всего, в Россию). В 2010-е гг. основным фактором депопуляции становится естественная убыль, обусловленная нарастающей деформацией половозрастной структуры русских и быстрым сокращением группы женщин репродуктивного возраста. Во всех странах региона русские через межнациональные браки активно ассимилировали русскоязычные общины. Но в настоящее время этот ресурс демографического пополнения почти исчерпан, а в Таджикистане и Туркменистане ассимиляция увеличивает демографические потери русских (прежде всего, вследствие очень высокой межнациональной брачности женщин). Основным пространственным трендом являлось постепенное сужение географии русского населения. В настоящее время 50–60% русских проживает в столицах своих стран. Значительная группа сельских русских сохраняется только в Кыргызстане, прежде всего, в окрестностях Бишкека (Чуйская область). К столицам пространственно тяготеют и немногочисленные сельские русские остальных стран региона. Произошла удельная «перецентрировка» русских общин Средней Азии. Выросла доля Кыргызстана, до минимума сократился вес Таджикистана. В 2030–2035 гг. около 50% русских региона может проживать в Ташкенте и Бишкеке.

Ключевые слова: Средняя Азия • Кыргызстан • Узбекистан • Таджикистан • Туркменистан • русское население • геодемографическая динамика • форма расселения • половозрастная структура • эмиграция • ассимиляция

DOI: 10.31857/S013216250019640-7

С момента включения Средней Азии (далее – СА) – Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана – в состав российского государства численность русского населения этого обширного региона росла быстрыми темпами. Максимально ускорился этот рост в советский период, к концу которого в пределах четырех союзных республик СА проживало 3,3 млн русских. Этот опережающий рост был связан с общим курсом имперской и советской власти на социально-экономическую и социокультурную интеграцию региона. Но и в постсоветский период роль русского населения как этнокультурной основы сохранения данного региона в российском геодемографическом ареале, соединительной скрепы между Россией и странами СА, остается весомой.

Различные аспекты геодемографической динамики русских СА находились в сфере интереса демографов, географов, социологов с начала постсоветского периода. Среди комплексных исследований русского населения региона в 1990-е гг. могут быть выделены работы М.В. Кабузана, Н.М. Лебедевой, Л.Л. Рыбаковского, В.А. Тишкова, С.С. Савоскула [Кабузан, 1996; Лебедева, 1995; Рыбаковский, 1996; Савоскул, 1994; 2001; Тишков, 1993]. В последние

10–15 лет к данной проблематике обращались А.Л. Арефьев, Н.П. Космарская, С.Я. Суций, Л.Л. Хоперская [Арефьев, 2012; Космарская, 2006; Суций, 2020; Хоперская, 2012]. В ряде работ анализируются география и расселение русских отдельных стран региона [Население Кыргызстана..., 2011; Салиев, Федорко, 2014; Федорко, Курбанов, 2018].

Тем не менее многие аспекты данного проблемного комплекса нуждаются в более детальном изучении. Так, практически нет исследований геодемографической динамики русских Таджикистана, притом что темпы их депопуляции в постсоветский период были максимальными на постсоветском пространстве. На периферии интереса специалистов остаются особенности воспроизводственной, расселенческой динамики русских СА, сдвиги в их половозрастной структуре, ассимиляционные процессы.

В качестве информационной базы исследования могут быть использованы опубликованные результаты переписей населения Кыргызстана (1999, 2009), Таджикистана (2000, 2010), Туркменистана (1995)¹; сборники официальной статистики; данные текущего демографического учета населения, а также экспертные расчеты и оценки. Оговорим, что для всех стран региона (кроме Кыргызстана) почти отсутствуют данные о динамике воспроизводственных показателей русских, крайне ограниченной является информация об их половозрастной структуре, что затрудняет выполнение прогнозных расчетов. Серьезной проблемой является и недостоверность части демографической статистики.

Динамика русского населения СА в постсоветский период. Многие геодемографические тенденции оказались общими для русских всех стран региона. Но обнаруживалась и заметная специфика, определявшая динамику русского населения в каждой из них. Свою роль играли общая численность и удельный вес русских, форма их расселения, уровень социокультурной модернизации титульного сообщества, характер отношений между конкретным государством СА и Россией. Это предполагает самостоятельный анализ динамики русских общин региона.

Кыргызстан. Для него имеется наиболее полная, по сравнению с другими государствами СА, статистическая база – результаты переписей и данные текущего учета. В конце 1980-х гг. русское население Кыргызстана в пределах СА было вторым по численности (916,5 тыс. чел.) и первым по удельному весу в структуре населения (21,5%). Более 30% русских проживало в сельской местности (в других республиках региона – только 3–14%). Сельское население, с продолжительной историей проживания в республике, обладало достаточно высокой степенью укорененности. Тем не менее демографическая динамика русских Кыргызстана была типичной для постсоветских стран. Быстрое сокращение их численности фиксировалось с начала 1990-х гг. В целом за 1989–1999 гг. оно составило 313 тыс. чел. (–34%). Учитывая, что естественная убыль не превышала 20–30 тыс. чел., 90–95% потерь пришлось именно на миграционный отток населения. Подавляющее большинство выезжавших направлялось в Россию.

Ускоренным темпом в 1990-е гг. сокращалось число нестоличных горожан. Заметно лучше сохранялось русское население Бишкека и сельских территорий. Как результат, их общая доля в численности русских страны выросла с 67,8 до 76,4%, при общем снижении уровня урбанизации на 4,4% (рис. 1.1).

Неравномерной была убыль русского населения и по регионам. Максимальные темпы депопуляции демонстрировали южные области – Ошская, Баткенская, Нарынская, в которых численность русских сократилась в 3–4 раза (табл. 1). В целом, обнаруживалась обратная корреляция между размером местного русского населения и темпами его убыли. С максимальной скоростью русские оставляли территории, на которых они были немногочисленны. Тем самым при общем сокращении географии русского населения обнаруживалась его растущая концентрация в пределах столицы и прилегающих территорий (Чуйская область).

¹ Данные переписи 2012 г. остаются закрытыми.

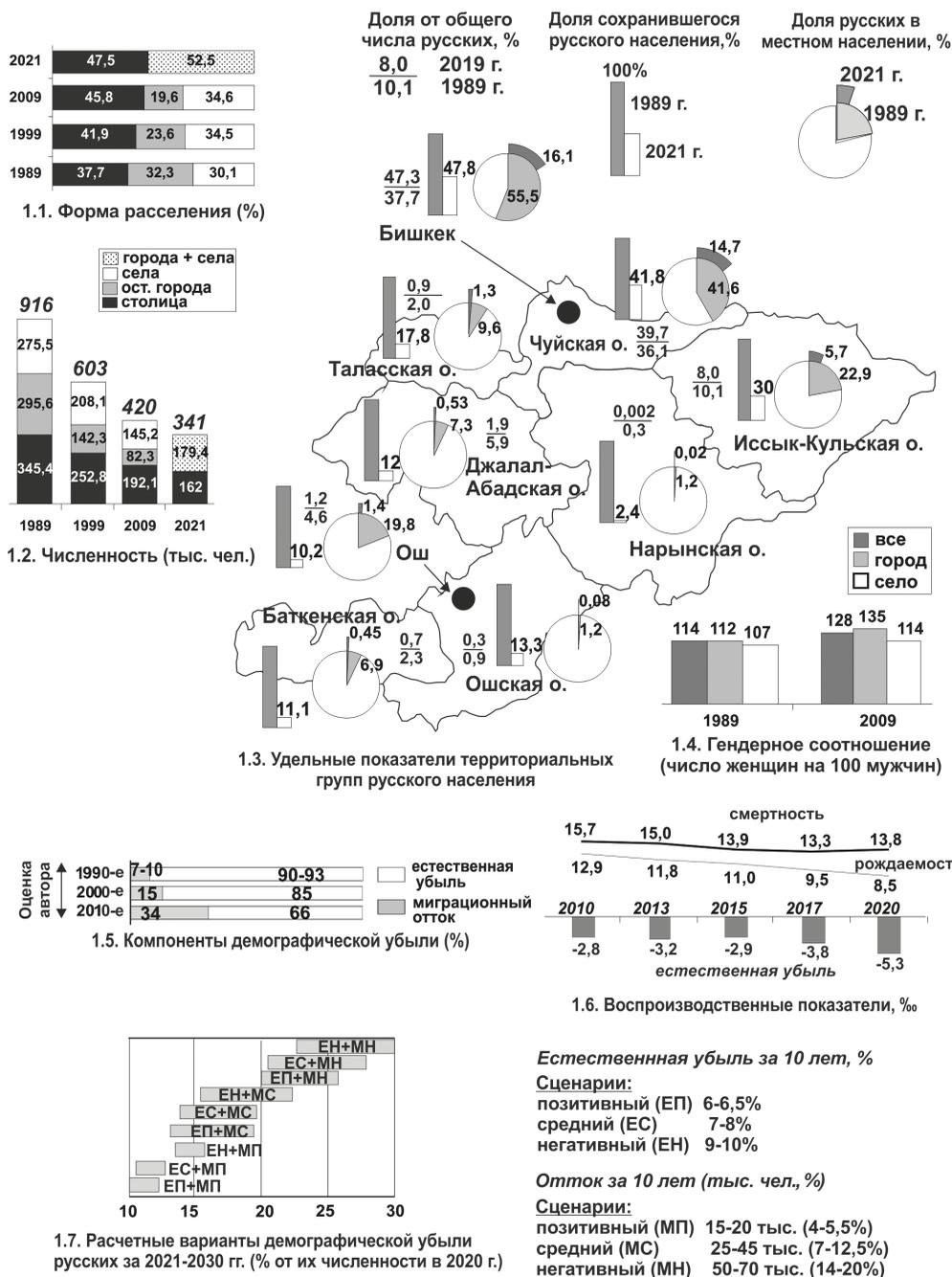

Рис. 1. Геодемографические характеристики русского населения Кыргызстана

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 28.11.2021); Population Statistics of Eastern Europe and the Former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения: 28.11.2021).

Таблица 1

Динамика русских по территории Кыргызстана, 1989–2019 гг.

Центры, территории	Численность русских, тыс. чел.		Динамика по периодам, %		
	1989	2019	1989–1999	1999–2009	2009–2019
Бишкек	345,4	165,0	-26,8	-24,0	-14,1
Ош	42,2	4,3	-70,9	-50,0	-31,7
Ошская	8,5	1,13	-68,0	-43,0	-27,1
Баткенская	21,4	2,37	-61,2	-56,6	-34,2
Иссык-Кульская	92,6	27,8	-41,3	-35,1	-21,2
Нарынская	2,9	0,07	-77,6	-75,4	-56,3
Джалал-Абадская	54,0	6,5	-66,8	-49,2	-28,6
Таласская	18,5	3,3	-57,3	-44,3	-25,0
Чуйская	331,0	138,5	-25,7	-32,0	-17,1
Весь Кыргызстан	916,5	348,9	-34,2	-30,4	-16,8

Начало XXI в. сохранило данные геодемографические тренды. За 1999–2009 гг. русское население страны сократилось на 184 тыс. чел. (-30,2%), из которых 157 тыс. чел. (более 85%) пришлось на эмиграцию [Население Кыргызстана..., 2011: 82]. Как и в 1990-е гг., наиболее быстро сокращалась группа провинциальных горожан, а в территориальном разрезе – малочисленные общины Нарынской, Баткенской, Ошской, Джалал-Абадской областей (табл. 1).

Несмотря на то что отток в значительной степени формировался людьми среднего возраста и молодежью, средний возраст русских страны в конце 2000-х гг. составлял 38,9 года (т.е. был ниже аналогичного показателя русских России – 39,5 года). Большую опасность для демографического воспроизводства русского населения Кыргызстана представлял нарастающий гендерный дисбаланс – за 1989–2009 гг. число женщин на 100 мужчин выросло со 114 до 128 (у горожан – 135) (рис. 1.4). Максимальный дисбаланс фиксировался в старших возрастных группах. Но и в репродуктивно активных когортах русских наблюдался заметный перевес женщин, способствовавший росту среди них межнациональной брачности.

Впрочем, в отличие от сопредельного Казахстана, русско-титовые браки, смешанное потомство которых в своей массе выбирало идентичность отца, в Кыргызстане были распространены значительно меньше. И данные ассимиляционные потери перекрывались процессом обрусения русскоязычных общин, получившим распространение еще в советский период. Так, 85% браков, заключаемых местными украинцами в 1980-е гг., были межнациональными [Население СССР, 1989: 300], а основными брачными партнерами являлись именно русские. Аналогичной была ситуация и в других крупных русскоязычных общинах. Сравнительные масштабы демографической убыли, воспроизводства, естественных и механических потерь украинской, белорусской, немецкой, еврейской общин позволяют в первом приближении определить общий масштаб ассимиляционного пополнения русской общины за 1990–2000-е гг. в пределах 25–30 тыс. чел. и нескольких тысяч – за 2010-е гг. Но к настоящему времени этот этнодемографический ресурс сведен к минимуму – совокупная численность представителей указанных общин сократилась за 1989–2021 гг. с 224,1 до 18,4 тыс. чел.²

² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 17.05.2022); Национальный состав населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 17.05.2022).

По прогнозу специалистов Института демографии ВШЭ, русская община Кыргызстана в 2010-е гг. должна была сократиться на 100 тыс. чел. [Население Кыргызстана..., 2011: 313]. Фактически разработчики прогноза экстраполировали на среднесрочную перспективу среднегодовые показатели оттока русских конца 2000-х гг. Реальный сценарий демографической динамики оказался более положительным, поскольку отрицательное сальдо миграции с 10–11,5 тыс. чел. в начале 2010-х гг. сократилось к концу десятилетия до 1,5–2,5 тыс. Общая убыль русских страны за 2011–2020 гг. составила 56,3 тыс. чел., из которых на миграцию пришлось 37 тыс. (65,7%). Причем в 2016–2020 гг. доля естественных и механических потерь была уже сопоставима, а в 2020 г. впервые в истории постсоветского Кыргызстана естественная убыль русских превзошла их отток из страны.

Снижение размеров убыли и темпов сокращения русских в 2010-е гг. не отменило устойчивого и повсеместного характера данного процесса (см. табл. 1), хотя темпы демографических потерь по регионам Кыргызстана несколько выровнялись. Но по-прежнему максимальные скорости были характерны для юга и центра (Нарынская, Ошская, Баткенская области). Расчеты показывают, что, помимо более активной эмиграции, местное русское население продолжало перемещаться в другие регионы страны, прежде всего концентрируясь в Бишкеке и его окрестностях (Чуйская область). В настоящее время в столичном регионе сосредоточено уже около 88% русских страны (47,5% – в самой столице).

Современный ареал их плотного расселения также включает сопредельную Иссык-Кульскую область – в ряде ее районов русские все еще составляют 10–15% населения. В четырех из пяти других областей страны русских остается по 2–5 тыс. чел. и они в значительной степени сосредоточены в региональных центрах (особенно в Оше и Талассе).

Данные текущего демографического учета не содержат информации о половозрастной структуре русского населения. Но в его оттоке из страны на младшие генерации и людей трудоспособного возраста в 2010-е гг. приходилось 80–83% мигрантов [Демографический ежегодник Кыргызской республики, 2011–2020], что позволяет предполагать повышение медианного возраста русских Кыргызстана за 2009–2021 гг. на 2–3 года (до 41–42 лет). Доля женщин в структуре русских могла увеличиться с 56,1% до 58–59%, поскольку в составе мигрантов в целом доминировали мужчины.

Данные сдвиги негативно сказались на воспроизводстве русского населения – его естественная убыль за 2010–2020 гг. выросла с 2,8‰ до 5,3‰ (рис. 1.6). Но центральная роль в данном процессе принадлежала быстрому сокращению группы женщин наиболее активного репродуктивного возраста (20–39 лет) и параллельному падению рождаемости – в 2020 г. в стране родилось 2,92 тыс. русских детей против 5,18 тыс. в 2010 г., коэффициент рождаемости упал с 12,9‰ до 8,5‰.

Негативные сдвиги в половозрастной структуре делают неизбежным и дальнейший рост естественной убыли русских страны. Репродуктивная группа женщин даже без учета фактора эмиграции за 2020–2030 гг. должна будет сократиться еще на 25–26% [Население Кыргызстана..., 2011]. Это неизбежно приведет к еще большему падению рождаемости и росту естественной убыли минимум на 1,5–3%. Наиболее вероятный размер последней за 2021–2030 гг. находится в диапазоне 7–8% от численности русского населения (что, согласно прогнозу Росстата РФ, сопоставимо с аналогичным показателем у почти половины регионов Центральной и Северной России)³.

Динамика русских Кыргызстана в 2020-е гг. и будет коррелировать с масштабами оттока. Сохранение его на уровне последних лет (1,5–2 тыс. чел. в год) позволит существенно сократить общие темпы убыли. Возвращение к показателю первой половины 2010-х гг. (4–5 тыс. чел.), не говоря о более ранних периодах, чревато реализацией ускоренного демографического «заката» русской общины, смоделированного в прогнозе Института демографии ВШЭ [Население Кыргызстана..., 2011: 313].

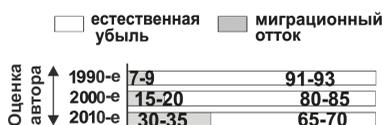
³ Прогноз по демографическим показателям до 2035 г. по РФ и ее субъектам // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 17.05.2022).

В зависимости от сочетания различных сценариев естественной и механической динамики общая убыль русских страны в 2020-е гг. может составить от 10–12% (35–43 тыс. чел.) до 23–30% (82–105 тыс. чел.), при наиболее вероятном диапазоне потерь 14–21% (50–75 тыс. чел.) (рис. 1.7). При реализации последнего варианта численность русских Кыргызстана в 2030 г. будет составлять порядка 275–300 тыс. чел. Учитывая геодемографические тренды последних десятилетий, более 90% этого населения уже будет сосредоточено в Бишкеке и Чуйской области (в том числе 50–52% – в самой столице).

Узбекистан. В 1950–1980-е гг. на Узбекистан приходилось около 50% всех русских С.А. Своего демографического максимума (1,67 млн чел.) русское население республики достигло в конце 1970-х гг. Но снижение доли их фиксировалось уже с начала 1960-х гг. Абсолютное сокращение началось только в 1980-е гг. и было незначительным (12,2 тыс. чел.). При этом чистый отток (разница между числом прибывших и выехавших русских) был куда большим – за десятилетие порядка 115–125 тыс. чел. Еще больше его масштабы возросли в начале 1990-х гг.

По данным специалистов ООН, эмиграция русских из Узбекистана только за 1990–1998 гг. составила более 642 тыс. чел. [Population Migration..., 2000: 61], российские эксперты оценивают чистый отток только в Россию в 407 тыс. чел. [Зайончковская, 1996: 9; Население России..., 2002]. Однако, поскольку в постсоветском Узбекистане переписи населения не проводились, определить уровень погрешности данных оценок не представляется возможным. Известное представление об этнодемографической динамике населения страны дают данные текущего демографического учета, публикуемые национальным Госкомстатом. Но есть серьезные основания относиться к этой статистике с осторожностью.

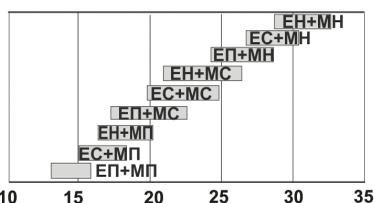
Существенно расходясь в оценках масштабов оттока, все исследователи сходятся в том, что именно 1990-е гг. стали периодом максимальных демографических потерь русского населения страны, убыль которого была быстрой и повсеместной и охватывала все регионы и уровни системы расселения от Ташкента до глубокой сельской периферии. Центральную роль в депопуляции играл миграционный отток в Россию. Естественная

2.1. Компоненты демографической убыли (%)

2.2. Среднегодовая убыль русских (официальные данные)

2.3. Расчетные варианты демографической убыли русских за 2021–2030 гг. (% от их численности в 2020 г.)

Естественная убыль за 10 лет, %

Сценарии:

позитивный (ЕП) 9–10%

средний (ЕС) 11–12%

негативный (ЕН) 13–14%

Отток за 10 лет (тыс. чел., %)

Сценарии:

позитивный (МП) 20–35 тыс. (4–6,5%)

средний (МС) 40–70 тыс. (8,5–12,5%)

негативный (МН) 75–100 тыс. (16–18,5%)

Рис. 2. Геодемографические характеристики русского населения Узбекистана

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=4 (дата обращения: 28.11.2021); [Федорко, Курбанов, 2018; Population Migration..., 2000].

убыль русских в 1990-е гг. (3–5% в среднем за год) ограничивалась 40–50 тыс. чел. (менее 10% общих потерь) (рис. 2.1). По данным Госкомстата Узбекистана, численность русских в стране в 2000 г. составляла 1199 тыс. чел. (–27,5% по сравнению с 1989 г.), по оценке экспертов ООН – около 800 тыс. чел. (–51,7%) [Салиев, Федорко, 2014; Population Migration..., 2000: 101]. Но эти цифры являются «крайними» оценками.

Если исходить из данных Ж.А. Зайончковской и Н.В. Мкртчяна, чистый отток русских в Россию за 1989–2000 гг. составил 450–460 тыс. чел., несколько десятков тысяч выехало в другие страны ближнего зарубежья. Но, как свидетельствуют результаты постсоветских переписей Казахстана и Кыргызстана, текущий учет на 20–25% занижал реальный размер оттока русских [Население Кыргызстана..., 2011: 82–83]. Едва ли Узбекистан был исключением. С учетом этой «теневого» составляющей эмиграции и имевшей место естественной убыли, общие демографические потери русских за 1990-е гг. могли составить 590–650 тыс. чел. В этом случае в 2000 г. их оставалось в Узбекистане 1000–1070 тыс. (–35–40% от уровня 1989 г.).

Геодемографическое отступление русских продолжилось в XXI в. По данным текущего учета, их число в 2009 г. составляло 895 тыс. чел., в начале 2021 г. – 720 тыс.⁴ Исследователи, не склонные доверять официальной статистике, оценивали размеры русской общины страны более скромно. По разным оценкам, в 2010 г. она составляла менее 700 тыс. чел. [Арефьев, 2012: 121] или даже менее 500 тыс. [Хоперская, 2012: 2].

Как представляется, данные национального Госкомстата, завысив численность русских в 2000 г., в дальнейшем (2000–2010-е гг.) достаточно точно фиксировали масштабы их текущей убыли. Хотя и эти цифры должны быть дополнены величиной оттока, не учитываемого миграционной службой. Исходя из данного вывода, демографические потери русских в Узбекистане в 2000-е гг. могли составить 370–380 тыс. чел. (327 тыс. «официальной» убыли + 40–50 тыс. неучтенной эмиграции), в 2010-е гг. – 145–150 тыс. чел. (130 тыс. + 15–20 тыс.). Итак, определенная нами ранее численность русских на рубеже XXI в. (1–1,07 млн чел.) к 2010 г. могла сократиться до 620–700 тыс. чел., а в начале 2021 г. – до 475–550 тыс. чел.

Масштабы среднегодовой убыли с 43 тыс. чел. (начало 2000-х гг.) снизились до 21–22 тыс. (конец 2000-х гг.) и 7,5 тыс. чел. (конец 2010-х гг.) (рис. 2.2), что в первую очередь было связано с сокращением оттока, доля которого в общих демографических потерях снижалась на протяжении всего постсоветского периода (с 95–98% в начале 1990-х гг. до 25–40% в конце 2010-х гг.). Таким образом, в последние годы основной причиной сокращения русских в Узбекистане, как и в Кыргызстане, стала уже естественная убыль.

Аналогично Кыргызстану, часть потерь русской общины Узбекистана компенсировалась ассимиляцией – русские, наряду с узбеками, выступали вторым полюсом этнокультурного притяжения для населения страны. Процесс обрусения ряда его русскоязычных групп приобрел ощутимые масштабы уже в советский период (существенная часть семейных представителей данных общин в 1970–1980-е гг. состояла в межнациональных браках с русскими).

Но согласно данным Госкомстата Узбекистана, размеры крупнейших русскоязычных общин в 1989–2021 гг. сокращались темпами, сопоставимыми с убылью русского населения. Даже принимая во внимание возможность значительных погрешностей текущего учета, едва ли масштабы ассимиляционного пополнения русских страны в 1990–2010-е гг. превышали 20–30 тыс. чел. И к началу 2020-х гг. данный источник демографического роста был в значительной степени исчерпан: общая численность украинцев, белорусов, немцев, евреев Узбекистана за 1989–2020 гг. сократилась с 317 тыс. до 90–95 тыс. чел.

Несмотря на полное отсутствие данных о половозрастной структуре русских современного Узбекистана, есть все основания полагать, что их отличает ощутимый количественный перевес женщин и повышенный средний возраст (более 40 лет). Одним

⁴ Госкомстат назвал количество русских в Узбекистане // SPUTNIK Узбекистан. 19.08.2021. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210819/goskomstat-nazval-kolichestvo-russkix-v-uzbekistane-20149387.html> (дата обращения: 17.02.2022).

из косвенных свидетельств этого является низкая рождаемость, составлявшая у русских в конце 2000-х гг. только 6–6,5% в год при высоком уровне естественной убыли (она приближалась к 7%) [Салиев, Федорко, 2014: 401].

Местное русское население и в советский период отличал заметный перевес женщин (в 1989 г. в республике на 100 мужчин приходилась 121 женщина). При усилении гендерной диспропорции в степени, сопоставимой с русскими постсоветского Казахстана и Кыргызстана, в Узбекистане к началу 2010-х гг. данный показатель мог вырасти до 133–135 женщин. Нарастающая деформация половозрастной структуры, а также вхождение в репродуктивный возраст малочисленной постсоветской генерации – основная причина роста естественной убыли, которая с 6–7% в 2000-е гг. к концу 2010-х гг. должна была подняться на 2–3% (т.е. до 8–10%) и неизбежно продолжит расти в 2020-е гг.

Центральное место в системе расселения русских Узбекистана исторически принадлежало столичному региону (Ташкенту и Ташкентской области) – в конце 1980-х гг. в нем проживало 61,4% русского населения республики. В 1990–2010-е гг. этот показатель рос за счет менее значительной эмиграции и притока из других областей страны. По официальным данным, на столичный регион в 2017 г. приходилось 64,9% русских Узбекистана. Но с большой вероятностью эта доля была еще выше (70–75%), причем на сам Ташкент

Таблица 2

Динамика русских по территории Узбекистана, 1989–2017 гг.

Столица и регионы	Число русских (тыс. чел.)		Доля русских (%):						живущих в обл. центре (2017*)
			во всем населении				от общей их численности		
	1989	2017*	1989	2005*	2013*	2017*	1989	2017*	
Ташкент	701,3	345,1	34,0	21,6	16,2	14,2	42,4	46,0	–
Андижанская обл.	44,7	19,0	2,6	0,9	0,7	0,6	2,7	2,5	61,4
Бухарская обл.***	133,2	26,2	8,2	2,0	1,6	1,4	8,1	3,5	59,6 (84,8)**
Навоийская обл.	–	17,6		4,5	2,5	1,9	–	2,3	58,4 (83,4)
Самаркандская обл.***	113,5	48,4	5,0	2,2	1,5	1,3	6,9	6,5	63,8
Джизакская обл.	–	15,1	4,4	1,7	1,3	1,2	–	2,0	53,0
Кашкадарьинская обл.	37,6	20,7	2,36	1,0	0,7	0,7	2,3	2,8	76,8
Наманганская обл.	27,2	11,9	1,85	0,7	0,5	0,4	1,6	1,6	79,6
Сурхандарьинская обл.	37,8	21,6	3,0	1,3	1,0	0,9	2,3	2,9	64,2
Сырдарьинская обл.****	88,4	23,3	6,8	4,4	3,3	2,9	5,3	3,1	28,9 (40,3)
Ташкентская обл.	313,9	141,8	14,6	7,4	5,6	5,0	19,0	18,9	70,8 (79,5)
Ферганская обл.	123,8	42,8	5,8	2,0	1,4	1,2	7,5	5,7	16,4 (28,0)
Хорезмская обл.	12,2	6,0	1,2	0,5	0,4	0,3	0,7	0,8	21,4
Каракалпакия	19,8	10,5	1,64	0,8	0,6	0,6	1,2	1,4	58,8
Весь Узбекистан	1653,4	750	8,35	3,8	2,7	2,3	100	100	

Примечания. * Данные текущего учета. Реальная численность русских могла быть меньше на 15–30%; ** в скобках с учетом второго города региона; *** в 1989 г. включала часть Навоийской обл.; **** в 1989 г. включала Джизакскую обл.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Узбекской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_uz.php (дата обращения: 17.11.2021); [Федорко, Курбанов, 2018].

приходилось 50–55% русских страны. В других регионах русские в максимальной степени сосредоточены в городах, прежде всего в областных центрах, на которые в большинстве областей Узбекистана приходится 60–70% местного русского населения (табл. 2).

Демографическая убыль русских сопровождалась «сжатием» их географии. Уже в конце советского периода уровень их урбанизации превышал 94%. Учитывая опережающую депопуляцию локальных групп, к настоящему времени в сельской местности может проживать 3–4% русских страны (15–20 тыс. чел.). Но и эта небольшая группа в основном сосредоточена в Ташкентской и Ферганской областях. Остальные сельские территории Узбекистана утратили почти все свое русское население.

Среднесрочные перспективы русских страны будут определяться неизбежным ростом естественной убыли и эмиграцией, масштабы которой будут зависеть от сочетания множества факторов.

В сфере воспроизводства положительным сценарием для русской общины в 2020-е гг. может быть повышение среднегодовой естественной убыли всего на 1–2‰ (с 8–10‰ до 9–12‰). При таком сценарии естественные потери в текущем десятилетии могут составить 9–10% от общей численности русских. Соответственно, средним и негативным вариантами естественной динамики может считаться повышение коэффициента убыли до 13–14‰ и 15–16‰, что приведет к потерям в 12–13% и 13–14%.

Расчеты показывают, что в 2017–2020 гг. среднегодовой чистый отток русских из Узбекистана составлял 2,5–3,5 тыс. чел. (минимальный показатель за весь постсоветский период). Сохранение или небольшое сокращение данного показателя можно считать позитивным сценарием миграционной динамики для текущего десятилетия (20–35 тыс. чел. за 10 лет). Возвращение к оттоку, характерному для начала 2010-х гг. (15–16 тыс. в год), представляется «запредельно» пессимистичным вариантом. В первом приближении средний и негативный сценарий оттока русских может располагаться соответственно в диапазонах 4–7 тыс. и 7,5–10 тыс. чел., что дает для всего десятилетия механическую убыль в размере 40–70 и 75–100 тыс.

По три перечисленных варианта естественной и механической динамики в различном сочетании образуют линейку из 9 сценариев возможной убыли русского населения страны в диапазоне 13–32,5% (65–175 тыс. чел.) (рис. 2.3). Варианты, расположенные в середине данной линейки (наиболее вероятные), при своей реализации приведут к сокращению русской общины на 100–130 тыс. чел. – до 375–420 тыс. чел., из которых, учитывая сложившиеся пространственные тренды, 75–80% будет приходиться на столичный регион (в том числе более 60% – на сам Ташкент).

Таджикистан. Масштабный отток русских из Таджикистана начался уже в советский период, после антирусских погромов, имевших место в Душанбе в середине февраля 1990 г. За 1989–1991 гг. русское население республики сократилось на 35% (с 388 тыс. до 250 тыс. чел.), более 136 тыс. чел. эмигрировали в 1992–1995 гг. К середине 1990-х гг. этническая дерусификация страны в значительной степени состоялась. Перепись 2000 г. зафиксировала в стране 68,2 тыс. русских [Национальный состав..., 2012: 8]. Около 97% демографических потерь русского населения 1989–2000 гг. пришлось на эмиграцию. Многократное сокращение численности русских было повсеместным. Причем, в отличие от остальных стран СА, русское население в столице в 1990-е гг. сократилось больше, чем в других городах и сельской местности (рис. 3.2). Свою роль, очевидно, сыграло то, что именно Душанбе был эпицентром погромов 1990 г.

Сценарий быстрой демографической убыли сохранился в начале XXI в. За 2000–2010 гг. число русских в стране сократилось почти в 2 раза (до 34,8 тыс. чел.). По официальным данным [Население России..., 2002; Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2012], отток русских из страны в этот период составил 18,7 тыс. чел. (56% общих потерь). Но в таком случае среднегодовой показатель их естественной убыли должен был находиться в районе 30‰, что не могло соответствовать действительности. Агентство по статистике Таджикистана не дает информации о воспроизводственных характеристиках отдельных

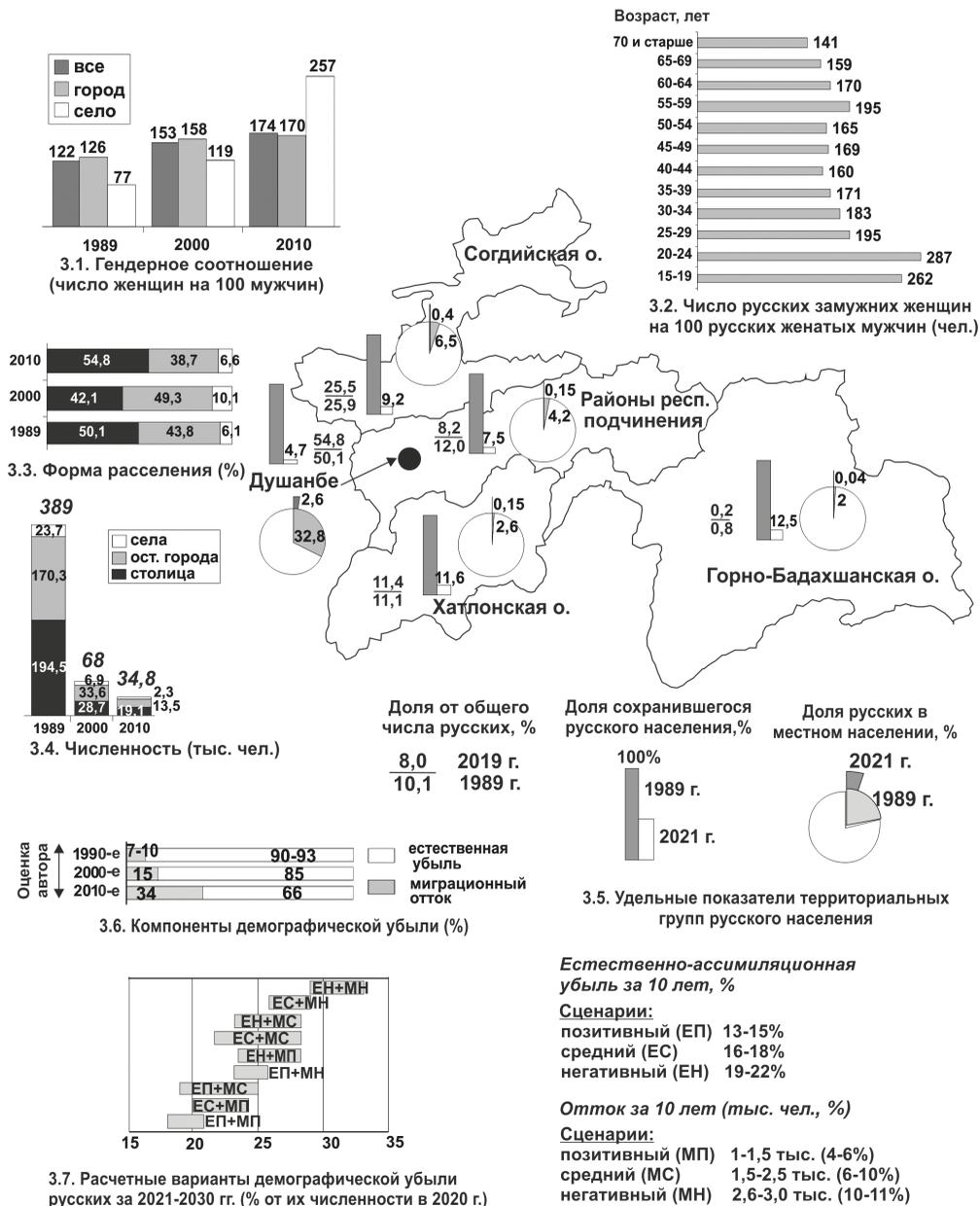

Рис. 3. Геодемографические характеристики русских Таджикистана

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=77 (дата обращения: 28.11.2021); Population Statistics of Eastern Europe and the Former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения: 28.11.2021); [Национальный состав..., 2012].

народов страны. Но если показатели местной русской общины были сопоставимы с характеристиками русского населения других стран СА, речь может идти о естественной убыли в диапазоне 5–8%.

Очевидно, что часть демографических потерь русских Таджикистана была связана с неучтенным оттоком из страны, который в первом приближении может быть оценен в 9–10 тыс. чел. То есть порядка 85% убыли русских в 2000-е гг. по-прежнему были связаны с их оттоком из страны (рис. 3.6). При этом подавляющая доля эмиграции (95–97%) приходилась на Россию [Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2012: 236].

Убыль русских оставалась повсеместной, но, в отличие от 1990-х гг., ее темпы по регионам и уровням системы расселения приобрели более типичную для постсоветских стран форму. И столичная группа демонстрировала повышенную демографическую устойчивость по сравнению с другими горожанами и сельским населением (рис. 3.3; 3.4). Но для этнического представительства в местных территориальных сообществах данные особенности демографической динамики большого значения уже не имели. Даже в населении Душанбе доля русских в 2010 г. составляла 2,63%, в других городах – 0,8–1,5%, в сельской местности – 0,03–0,07% (табл. 3).

Таблица 3

Динамика русских Таджикистана, 1989–2010 гг., тыс. чел.

Территории, города	1989 год			2010 год		
	всего	город	село	всего	город	село
Душанбе	194,7	194,7	–	19,06	19,06	–
Горно-Бадахшанская обл.	3,19	0,64	2,55	0,08	0,025	0,056
Согдийская обл.	100,5	97,2	3,4	8,89	8,39	0,50
Хатлонская обл.	43,3	34,6	8,7	3,96	3,21	0,75
Районы республ. подчинения	46,7	37,8	8,9	2,85	1,88	0,97
Весь Таджикистан	388,5	364,8	23,7	34,84	32,56	2,28

В 2010-е гг. масштабы чистого оттока продолжали сокращаться, составив в 2011–2017 гг. 1,89 тыс. чел. [Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2018: 264]. Но и при столь малых размерах эмиграция, с учетом ее «теневой» компоненты, за десятилетие могла сократить русскую общину на 3–4 тыс. чел. (т.е. на 9–11%). При этом, как и в других странах СА, ведущим фактором депопуляции с середины 2010-х гг. стала естественная убыль. Медианный возраст русских Таджикистана в 2010 г. (38,3 года) был сопоставим с показателем русского населения РФ [Национальный состав..., 2012: 136–144]. Но гендерные диспропорции у первых были существенно выше. Разница между медианным возрастом русских мужчин и женщин в Таджикистане составляла 13,9 года (30,1 и 44 года), т.е. женщины в среднем были почти в 1,5 раза старше мужчин [Национальный состав..., 2012: 136–144]. Значительным был и количественный перевес – на 100 мужчин в русской общине приходилось 174 женщины, а в сельской местности – 257.

Ощутимый женский перевес фиксируется не только в старших возрастных группах русского населения Таджикистана, но и в их репродуктивных когортах. Если среди детей и подростков половая структура была сбалансированной, то в группе 25–30-летних и 30–39-летних на 100 русских мужчин в 2010 г. приходилось соответственно 143 и 168 женщин, что могло быть связано со значительно более активной эмиграцией первых. В результате значительная доля молодых русских женщин не имела возможности найти супруга своей национальности, что оказывало ощутимое негативное воздействие на естественное воспроизводство всей общины.

Данные Агентства по статистике не содержат информации о числе и удельном весе межнациональных браков, но показательны количественные данные по возрастным группам семейного населения. Число русских замужних женщин по отдельным пятилетним группам в 2010 г. превышало число женатых русских мужчин в 1,8–3 раза, а в целом по

семейному русскому населению страны – в 1,8 раза (4,8 тыс. женатых и 8,5 тыс. замужних) (рис. 3.2). То есть, даже если бы все семейные русские мужчины были женаты на русских, порядка 44% семейных русских женщин имели бы мужа другой национальности. Но уже в 1980-е гг. более четверти русских мужчин Таджикистана вступали в межнациональные браки [Население СССР, 1989: 304]. В каком бы направлении не изменился этот показатель в дальнейшем, он оставался весьма значительным. С его учетом, не менее 55–60% русских семейных женщин страны в настоящее время имеет мужа другой национальности. Как результат, на одну русскую женщину в активном репродуктивном возрасте в 2010 г. приходилось только 1,18 русского ребенка, поскольку дети, рожденные в межнациональных браках, учитывались в основном по национальности отца.

При этом необходимо учитывать расселенческую специфику данного явления. В сельской местности уже в конце советского периода 48,7% русских женщин вступали в межнациональные браки (у горожанок данный показатель составлял 31%) [Население СССР, 1989: 304]. К началу 2010-х гг. сельская компонента русской общины сократилась до 2,2 тыс. чел., а в ее гендерной структуре на 100 мужчин приходилось 274 женщины (в 1989 г. – 77) (рис. 3.1). Одной из основных причин столь резкой трансформации являлся более интенсивный отток всех групп русского населения, за исключением женщин, имевших мужа титульной или автохтонной для региона национальности. Данная группа женщин и составляет весомую долю сельских русских современного Таджикистана.

Центральным фактором, определявшим естественную динамику русского населения страны в 2010-е гг., стало сокращение на 17% (даже без учета эмиграции) группы русских женщин в возрасте 20–39 лет⁵. Данное обстоятельство дает основание полагать, что естественная убыль русских за десятилетие была не меньше 7–8%. Несколькими процентами могла добавиться ассимиляционная составляющая. С учетом миграционных потерь, которые были выше определены в 9–11%, русская община могла потерять за десятилетие 20–25%, сократившись к началу 2020-х гг. до 26–28 тыс. чел. Исходя из геодемографических трендов начала XXI в., связанных с ростом доли столичной группы русских, порядка 15,5–17,0 тыс. чел. (60–65%) могло быть сосредоточено в Душанбе; 9–10 тыс. – расселено в других центрах, 1,3–1,7 тыс. чел. оставалось в сельской местности.

Русское этническое присутствие в Таджикистане связано не только со старожильческим населением, проживающим в стране на постоянной основе. Некоторое число русских находится на дислоцируемой в Душанбе и Бохтаре 201-й российской военной базе. Однако речь идет о сменяемом воинском контингенте, который не имел прямого отношения к русской общине и не может учитываться при анализе ее демографических перспектив. В еще большей степени данный вывод относится к туристическому потоку из России, который во второй половине 2010-х гг. составлял 140–160 тыс. в год (в зависимости от сезона в Таджикистане могло одновременно находиться 2,5–4,5 тыс. русских туристов при условии, что на них приходилось 70–80% турпотока)⁶.

Количественная динамика русской общины страны в 2020-е гг. будет в значительной степени определяться дальнейшим быстрым сокращением группы репродуктивных женщин (их число в возрасте 20–39 лет сократится за 10 лет с 5,2 до 3,7 тыс. чел.) и неизбежным ощутимым снижением рождаемости. В такой ситуации рост естественных потерь за десятилетие на 2–3% (до 10–11%) является положительным сценарием. Серьезную угрозу представляет и ассимиляционный фактор, связанный с крайне высоким уровнем межнациональной брачности русских женщин, достигающим в репродуктивных возрастных когортах 60–70% (рис. 3.2). Связанные с этим обстоятельством ежегодные демографические

⁵ Их число сократилось с 6,2 тыс. чел. до 5,16 тыс. [Национальный состав..., 2012: 136–144].

⁶ Сравнительная статистика выезда российских граждан за рубеж в 2018 и 2019 гг. // Ассоциация туроператоров. 13.02.2020. URL: https://www.atorus.ru/ratings/analitic_mrch/new/50476.html (дата обращения: 17.11.2021).

потери могут составлять несколько промилле, и при неблагоприятном сценарии естественно-ассимиляционная убыль в 2020-е гг. может достигать 18–20%.

Масштабы оттока русских из Таджикистана снижались на протяжении всего постсоветского периода и во второй половине 2010-х гг. находились в диапазоне 120–240 чел. в год [Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2018: 264]. При сохранении данного тренда (положительный сценарий) миграционная убыль в 2020-е гг. может составить 1–1,5 тыс. чел. Негативным сценарием было бы возвращение относительного показателя миграции к уровню начала 2010-х гг., когда ежегодный отток составлял 1–1,1% от общей численности русских. При таком сценарии отток в текущем десятилетии составит 2,6–3,0 тыс. чел.

В зависимости от сочетания вариантов естественно-ассимиляционной и миграционной убыли общие демографические потери русских Таджикистана в 2020-е гг. могут находиться в диапазоне 4,5–8,5 тыс. чел. (18–33%) (рис. 3.7). При реализации одного из наиболее вероятных сценариев демографической динамики численность русских в 2030 г. может составлять 20–21 тыс. чел.

Туркменистан. Анализ геодемографической динамики русского населения страны затруднен низкой достоверностью переписи 1995 г. и статистикой национального Госкомстата, согласно которой население Туркменистана уже в 1999 г. превысило 5 млн чел., а к середине 2007 г. приблизилось к 7 млн (почти двукратный рост за 1989–2007 гг.). После 2007 г. Госкомстат вообще перестал публиковать демографическую статистику. Остались закрытыми и результаты проведенной в декабре 2012 г. переписи населения, что заставляет специалистов в своих расчетах ориентироваться на косвенные данные.

Период интенсивного оттока русских из Туркменистана оказался более затяжным, чем в других странах региона, и завершился только к 1997–1998 гг. Учетный отток русских в Россию за 1989–2000 гг. составил 94 тыс. чел. [Зайончковская, 1996: 9; Население России..., 2002]. Принимая во внимание неучтенную миграцию в РФ (20–25 тыс. чел.), другие страны СНГ и дальше зарубежье (5–8 тыс. чел.), а также естественную убыль (15–20 тыс. чел.), можно оценить общий масштаб потерь, составляющий 134–145 тыс. чел. и сокративший численность русских в стране с 333,9 тыс. до 190–200 тыс. чел.

Ликвидация в 2008 г. возможности иметь двойное российско-туркменское гражданство вновь заметно активизировала отток русского населения. По оценке Л.Л. Хоперской, в 2008 г. численность русских в Туркменистане составила 100–165 тыс. чел. [Хоперская, 2012: 2]. Специалисты Метеожурнала определили численность русского населения на 2010 г. в 140 тыс. чел.⁷ К середине 2012 г., по расчетам А.Л. Арефьева, в стране осталось 120 тыс. русских [Арефьев, 2012: 147].

В 2015 г. представители официальной туркменской делегации на заседании Комитета ООН по правам ребенка озвучили некоторые результаты закрытой переписи 2012 г., согласно которым русские составляли 2,2% населения страны, при общем его размере 4,75 млн человек⁸. Эти цифры, существенно уступающие данным текущего демографического учета 2000-х гг., представляются более достоверными. Ориентируясь на них, можно определить численность русских в 2010 г. в 115–125 тыс. чел. В этом случае масштабы убыли в 2000-е гг. составили порядка 70 тыс. чел. (–35–37%). Учитывая, что естественные потери не превышали 10–15 тыс. чел. (7–10% в среднем за год), на миграцию пришлось 79–86% общей убыли русского населения (рис. 4.5).

В отличие от остальных стран СА, отток русских оставался значительным и в 2010-е гг. По мнению специалистов, возросшие социально-экономические проблемы во второй

⁷ Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метеожурнал. 21.04.2021. URL: <https://meteojournal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/> (дата обращения: 12.10.2021).

⁸ Результаты переписи населения в Туркменистане // Хроники Туркменистана. 03.02.2015. URL: <https://www.hronikatm.com/2015/02/rezultaty-perepisi-naseleniya-v-turkmenistane/> (дата обращения: 14.11.2021).

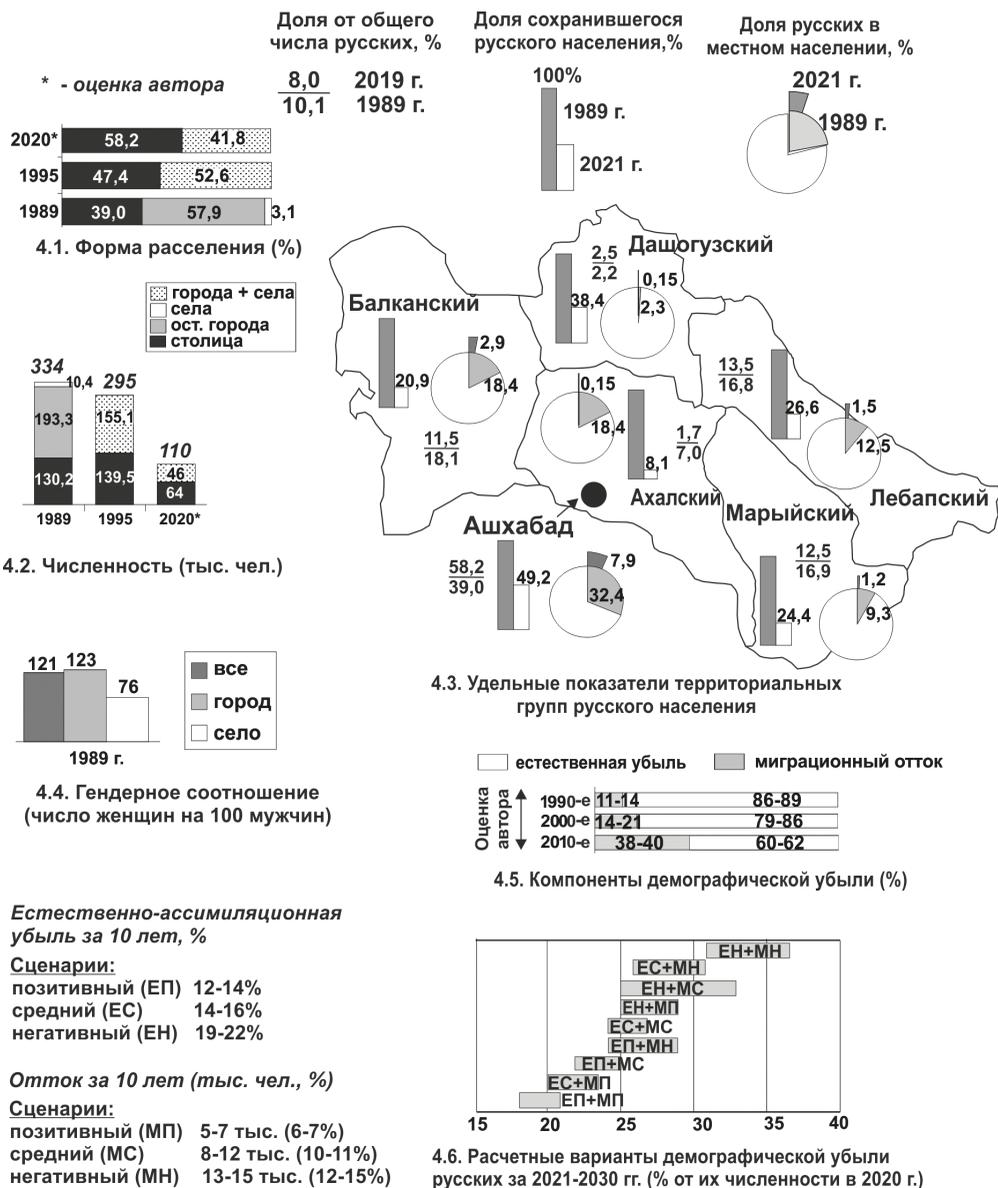

Рис. 4. Геодемографические характеристики русских Туркменистана

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Туркменской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_tu.php (дата обращения: 12.10.2021); Перепись населения Туркменистана в 1995 году // Метеожурнал. 17.11.2019. URL: <https://meteojournal.ru/perepis-naseleniya-turkmenistana-v-1995-godu/> (дата обращения: 12.10.2021); Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году (оценка) // Метеожурнал. 19.10.2020. URL: <https://meteojournal.ru/naselenie-turkmenistana-i-ego-natsionalnyj-sostav-v-2020-godu-ocenka/> (дата обращения: 12.10.2021).

половине десятилетия могли даже его увеличить⁹. Учитывая ограниченные размеры русской общины и в целом состоявшуюся ее адаптацию, подобный рост эмиграции представляется крайне маловероятным. Но даже если предположить, что отток русских в сравнении с «нулевыми» сократился в 3 раза (до 1,5–2 тыс. чел. в год), миграционная убыль за 2010-е гг. могла составить порядка 15–20 тыс. чел., т.е. большую часть от общих демографических потерь (рис. 4.5).

Отсутствие данных о половозрастной структуре и воспроизводственных показателях русских страны не позволяет определить особенности их естественной динамики. Но очевидно, что существовавший уже в советский период гендерный дисбаланс – в 1989 г. число женщин на 100 русских мужчин составляло 121 (рис. 4.4) – в 1990–2010-е гг. должен был заметно возрасти, как это произошло во всех других странах СА. Это, в свою очередь, увеличивало межнациональную брачность и негативно сказывалось на уровне рождаемости и естественной убыли, которая едва ли была ниже, чем у русских Узбекистана и Таджикистана (9–10% в год). Естественные потери русских Туркменистана в 2010-е гг. могли составить порядка 10–12 тыс. чел., а общая убыль – 25–30 тыс. чел. При таком сценарии численность русских в 2020 г. могла сократиться до 80–110 тыс. чел.

Растущая концентрация русских в Ашхабаде фиксировалась с начала постсоветского периода. За 1989–1995 гг. доля их столичной группы выросла с 39 до 47,4% (рис. 4.1). Данный процесс продолжился в последующие годы. Специалисты сходятся в том, что в 2010-е гг. на столицу приходилось порядка 60% русского населения страны¹⁰ [Арефьев, 2012: 147]. Заметная часть остальных русских была сосредоточена в административных центрах регионов (веляатов) (табл. 4).

Таблица 4

Динамика русских по территории Туркменистана, 1989–2010 гг.

Столица и веляаты	Число русских (тыс. чел.)			Доля русских, живущих в администр. центре веляята, 1995
	1989	1995	2020	
Ашхабад	130,2	139,9	64	–
Балканский	83,8	39,6	12,6	32,2 (86,7)*
Ахалский		15,3	1,9	56,5
Дашогузский	7,3	8,1	2,8	75,2
Лебапский	56,1	47,8	14,9	82,0
Марыйский	56,5	43,9	13,8	62,1 (78,7)
Весь Туркменистан	333,9	294,6	110	

Примечание. * В скобках с учетом второго центра веляята.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Туркменской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_tu.php (дата обращения: 12.10.2021); Перепись населения Туркменистана в 1995 году // Метеожурнал. 17.11.2019. URL: <https://meteojournal.ru/perepis-naseleniya-turkmenistana-v-1995-godu/> (дата обращения: 12.10.2021); Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году (оценка) // Метеожурнал. 19.10.2020. URL: <https://meteojournal.ru/naselenie-turkmenistana-i-ego-naczionalnyj-sostav-v-2020-godu-ocenka/> (дата обращения: 12.10.2021).

В конце советского периода уровень урбанизации местных русских уже был максимальным (96,9% в 1989 г.), в 1990–2000-е гг. сельская местность страны могла быть ими

⁹ Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метеожурнал. 21.04.2021. URL: <https://meteojournal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/> (дата обращения: 12.10.2021).

¹⁰ Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году (оценка) // Метеожурнал. 19.10.2020. URL: <https://meteojournal.ru/naselenie-turkmenistana-i-ego-naczionalnyj-sostav-v-2020-godu-ocenka/> (дата обращения: 12.10.2021).

почти полностью оставлена. Тем более что и в конце 1980-х гг. данная группа насчитывала почти 10,4 тыс. чел.¹¹ Современное сельское русское население страны едва ли превышает 2–3 тыс. чел., представляя дисперсно расселенное множество. Есть все основания полагать, что, как и в Таджикистане, оно в настоящее время преимущественно состоит из женщин, имеющих мужа одной из коренных для СА национальностей (именно такие семьи отличали минимальные масштабы эмиграции). Здесь следует учесть и значительную распространенность таких семей. Уже в 1980-е гг. 62,4% сельских русских женщин Туркмении вступали в межнациональные браки [Население СССР, 1989: 315].

Но и в целом русское население советской Туркмении отличал максимальный для СА уровень межнациональной брачности (27,2% у мужчин и 34,9% у женщин). Причем если в постсоветских Узбекистане и Кыргызстане, располагавших значительным массивом русского населения и крупными русскоязычными диаспорами, межнациональная брачность работала преимущественно на ассимиляционное пополнение русских, а в дерусифицированном Таджикистане вела к их ассимиляционным потерям, то Туркменистан мог занимать промежуточное положение. Но по мере сокращения демографического потенциала русской общины страны ее ассимиляционные потери могли все отчетливее доминировать, превращаясь в основную причину убыли русских, наряду с естественной компонентой.

По одной из расчетных оценок, демографические потери русских в первой половине 2020-х гг. способны вырасти до 4–4,5% в год (уровень начала XXI в.)¹². Но в масштабах десятилетия такой вариант можно считать сверхнегативным сценарием демографической динамики. Положительным вариантом представляется сочетание небольшого роста естественной убыли (10–11% за десятилетие), среднегодового оттока в 0,5–0,7 тыс. чел. и ассимиляционных потерь в несколько процентов от общей численности русских, дающих в сумме потерю за 2020-е гг. порядка 18–21% демографического потенциала русской общины. Но более вероятным представляется сценарий убыли на 25–29% (рис. 4.6), при котором численность русских сократится к 2030 г. до 60–80 тыс. чел., 2/3 которых может быть сосредоточено в Ашхабаде.

Выводы. Этническое отступление русских из СА фиксировалось уже в 1960–1970-е гг. Распад СССР существенно ускорил этот процесс. Наиболее интенсивной убыль была в 1990-е гг. (–41–43,5%). В дальнейшем ее темпы снижаются, но остаются очень высокими (в 2010-е гг. – 18–21%) (рис. 5). В начале 2020-х гг. в пределах региона проживало 0,93–1,04 млн русских – около 30% от уровня 1989 г. Еще выше были удельные потери, поскольку сокращение численности русских происходило на фоне быстрого роста титульных и других автохтонных народов региона. За 1989–2020 гг. доля русских сократилась в Таджикистане в 27–28 раз, в остальных странах СА в 4–5,5 раза.

В 1990–2000-е гг. порядка 85–95% демографических потерь русских приходилось на эмиграцию, прежде всего в Россию. Некоторая часть убыли компенсировалась ассимиляцией, поскольку по всей СА (особенно в Узбекистане и Кыргызстане) русские выступали эпицентром этнического притяжения для русскоязычных общин. Но в настоящее время данный ресурс демографического пополнения практически исчерпан, а в Таджикистане и отчасти Туркменистане, наиболее дерусифицированных странах СА, ассимиляция увеличивает демографические потери русского населения (прежде всего, вследствие очень высокой межнациональной брачности женщин).

Сокращение русских в регионе сопровождалось деформацией их половозрастной структуры. Повышение медианного возраста было ограниченным, но существенно выросла доля женщин: во всех странах СА они в настоящее время составляют 55–60% русского

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Туркменской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_tu.php (дата обращения: 12.10.2021).

¹² Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метеожурнал. 21.04.2021. URL: <https://meteojournal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/> (дата обращения: 12.10.2021).

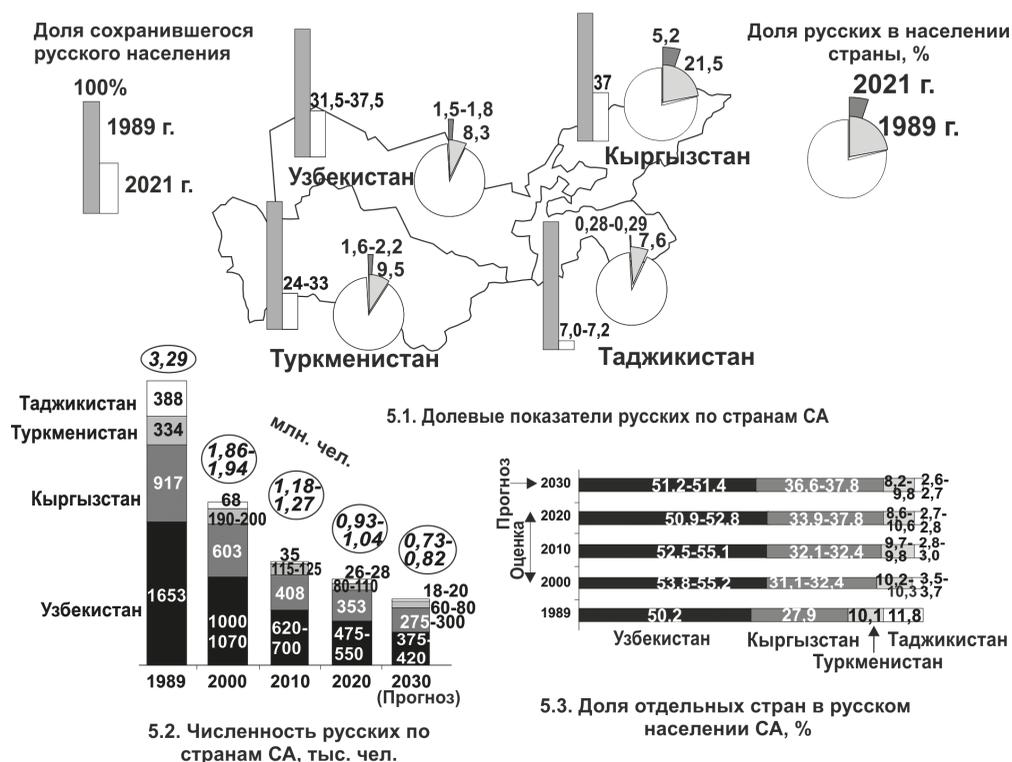

Рис. 5. Геодемографические характеристики русских Средней Азии

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения республик СССР по полу и национальности // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg=11 (дата обращения: 28.11.2021); Population Statistics of Eastern Europe and the Former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения: 28.11.2021); Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году (оценка) // Метеожурнал. 19.10.2020. URL: <https://meteojournal.ru/naselenie-turkmenistana-i-ego-nacziionalnyj-sostav-v-2020-godu-ocenka/> (дата обращения: 12.10.2021); [Национальный состав..., 2012].

населения (причем перевес женщин обнаруживается и в репродуктивных возрастах, способствуя межнациональной брачности). Данный фактор в сочетании с происходящим быстрым сокращением группы 20–30-летних женщин способствует росту естественной убыли, которая с середины 2010-х гг. становится основным фактором депопуляции русских в СА. В 2020-е гг. ведущая роль естественной компоненты в их демографических потерях станет еще отчетливей. К 2030 г. численность русских в пределах региона может сократиться до 730–820 тыс. чел.

Основным пространственным трендом постсоветского периода являлось постепенное сужение географии русских. В первую очередь они оставляли отдаленные сельские территории и небольшие региональные центры, постепенно концентрируясь в столичных регионах и крупных городах. Тем самым из территориальной формы, характерной для советского периода, система расселения русских уже в 1990-е гг. превратилась в ареальную, а затем все отчетливей эволюционировала в анклавную, в которой центральное значение принадлежит столицам. В настоящее время около 45% русских СА – жители двух центров (Ташкента и Бишкека), а в целом на четыре столицы приходится более половины русского населения региона. Общий уровень его урбанизации в трех странах составляет 93–97%. Значительная группа сельских русских сохраняется только в Кыргызстане,

концентрируясь в «столичной» Чуйской области. Малочисленное сельское русское население остальных государств региона в расселенческом плане представляет дисперсные множества с повышенной долей женщин, имеющих супруга титульной (или коренной для СА) национальности.

Произошла удельная перецентрировка русского населения СА – заметно выросла доля Кыргызстана, до минимума сократился удельный вес Таджикистана. Есть основания полагать, что с течением времени численность русских Кыргызстана и Узбекистана будет постепенно сближаться вследствие опережающих темпов убыли русской общины последнего. К середине века общины могут иметь сопоставимый размер.

Все еще значительная численность русского населения Узбекистана и Кыргызстана позволит ему при ограниченных масштабах оттока сохранять достаточно весомое этническое присутствие в этих странах на протяжении многих десятилетий. Но возрастающая доля русских всей СА будет концентрироваться в Ташкенте и Бишкеке: к 2030–2035 гг. – порядка 50%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI вв. М.: Центр социального прогнозирования, 2012.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2011.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2012.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2013.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2014.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2015.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2016.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2017.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2018.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2019.
- Демографический ежегодник Кыргызской республики. Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2020.
- Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012.
- Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2018.
- Зайончковская Ж.А. Русский вопрос // Миграция. 1996. № 1. С. 7–14.
- Кабузан В.М. Русские в мире. СПб.: Блиц, 1996.
- Костарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии. Евразия. Новые исследования. М.: Наталис, 2006.
- Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Население Кыргызстана в начале XXI века / Под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек, 2011.
- Население России 2001: девятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Университет, 2002.
- Население СССР. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан. Т. III. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012.
- Рыбаковский Л.Л. Русские и новое зарубежье: Миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М.: ИСПИ, 1996.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 90–101.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.

- Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. С. 398–433.
- Суций С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.
- Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–54.
- Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 5–12.
- Population Migration in Uzbekistan (1989–1998) / Ed. by A. Alikhan. Tashkent: UN High Commissioner for Refugees, 2000.

Статья поступила: 30.03.22. Финальная версия: 07.06.22. Принята к публикации: 08.07.22.

RUSSIANS IN THE CENTRAL ASIA COUNTRIES: POST-SOVIET GEODEMOGRAPHIC TRENDS

SUSHCHIY S.Ya.

FIC Southern Scientific Center of RAS, Russia

Sergey Ya. SUSHCHIY, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, FIC Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The work was performed as part of the State Assignment of the Russian Academy of Sciences Southern Scientific Centre, state registration of the project No. 122020100349-6.

Abstract. The process of ethnocultural retreat of Russians from Central Asia, recorded already in the 1970s and 1980s, accelerated sharply in the post-Soviet period. From 1989 to 2020, the Russian population of the region decreased from 3.29 million to 0.93–1.04 million people. Its most intensive depopulation occurred in the 1990s (–41–43.5%). Afterwards, the rate of decline decreases: in the 2000s it was equal to 35–36.5%, in the 2010s – 18–21%. In the 1990–2000s, the vast majority of the demographic losses of Russians (85–95%) in all countries of the region was associated with emigration, primarily with the outflow to Russia. The depopulation was accompanied by a gradual deformation of the age and sex structure, primarily by an increase in the proportion of women, who currently account for 55–60% of Russians in all countries of Central Asia. This disproportion, along with the reduction in the female group in reproductive age, is the main reason for a gradual increase in natural decline, which has become the main factor in the depopulation of Russians in the region in the last 5–10 years. In all countries of the region, Russians (through interethnic marriages) actively assimilated Russian-speaking communities. But at present, this demographic replenishment resource is almost exhausted. The main geodemographic trend of the post-Soviet period was gradual narrowing of the geography of the Russian population.

Primarily, Russians left remote rural areas and small centers. Currently, 50–60% of Russians live in the capitals of their countries. A significant group of rural Russians remains only in Kyrgyzstan, primarily in the vicinity of Bishkek (Chuy region). The few rural Russians in other Central Asian countries Asia also spatially gravitate towards the capitals. There was a certain “re-centering” of the Russian masses in the region. The share of Kyrgyzstan and Uzbekistan has increased, while the weight of Tajikistan has significantly decreased, retaining only 6–7% of its Russian population. Already in 2030–2035, about 50% of Russians in the region may live in Tashkent and Bishkek.

Keywords: Central Asia, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Russian population, geodemographic dynamics, form of settlement, age and sex structure, emigration, assimilation.

REFERENCES

- Alikhan A. (ed.) (2000) *Population Migration in Uzbekistan (1989–1998)*. Tashkent: UN High Commissioner for Refugees.
- Aref'ev A.L. (2012) *Russian Language at the Turn of the XX–XXI Centuries*. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2011) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2012) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2013) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2014) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2015) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2016) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2017) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2018) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2019) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic*. (2020) Bishkek: Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan*. (2012) Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of the Republic of Tajikistan*. (2018) Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan. (In Russ.)
- Denisenko M.B. (ed.) (2011) *Population of Kyrgyzstan at the Beginning of the XXI Century*. Bishkek. (In Russ.)
- Fedorko V.N., Kurbanov Sh.B. (2018) Ethnogeographic Zoning of Uzbekistan. *Izvestiya geograficheskogo obshchestva Uzbekistana* [Proceedings of the Geographical Society of Uzbekistan]. Vol. 54: 42–54. (In Russ.)
- Kabuzan V.M. (1996) *Russians in the World*. St. Petersburg: Blitz. (In Russ.)
- Khoperskaya L.L. (2012) Russian Compatriots in Central Asia – A Demographic Resource, a Cut Piece or the Guardians of the Russian World? *Ethnopanorama*. No. 3–4: 5–12. (In Russ.)
- Kosmarskaya N.P. (2006) "Children of Empire" in Post-Soviet Central Asia. *Eurasia. New Research*. Moscow: Natalis. (In Russ.)
- Lebedeva N.M. (1995) *New Russian Diaspora: A Socio-Psychological Analysis*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- National Composition, Language Proficiency and Citizenship of the Population of the Republic of Tajikistan* (2012) Vol. III. Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan. (In Russ.)
- Population of the USSR*. (1989) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Rybakovsky L.L. (1996) *Russians and the New Abroad: Migration Exchange and Its Influence on Demographic Dynamics*. Moscow: ISPI. (In Russ.)
- Saliev A.S., Fedorko V.N. (2014) Russian Culture in the Republic of Uzbekistan: Socio-Geographical Analysis. In: *The Phenomenon of Culture in Russian Social Geography*. Rostov-on-Don: YuFU: 398–433. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (1994) Russians of the New Abroad. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 90–101. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the New Diaspora: The Choice of Destiny*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Suschiy S.Ya. (2020) Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the Post-Soviet Period. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 2: 6–30. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1993) *Russians in Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Vishnevskiy A.G. (ed.) (2002) *Population of Russia 2001: 9th Annual Demographic Report*. Moscow: University. (In Russ.)
- Zaionchkovskaya Zh.A. (1996) Russian Issue. *Migratsiya* [Migration]. No. 1: 7–14. (In Russ.)

Received: 30.03.22. Final version: 07.06.22. Accepted: 08.07.22.

А.А. АВДАШКИН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ И КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РАКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: УРАЛЬСКИЕ И СИБИРСКИЕ КЕЙСЫ

АВДАШКИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия (adrianmaricka@mail.ru).

Аннотация. В условиях растущей убыли населения, в особенности в регионах азиатской части России, и дефицита рабочей силы актуальность приобретают оценки миграции в оптике общественного мнения. На материалах опросов жителей Челябинской, Свердловской, Омской, Новосибирской областей и Красноярского края, прошедших в сентябре – ноябре 2020 г., показаны траектории трансграничной мобильности, выявлены установки в отношении мигрантских групп, охарактеризовано влияние миграции на локальные сообщества. Распространенность безразлично-негативных установок в отношении миграции демонстрирует рост запросов на решение проблем в отношении мигрантского и немигрантского населения, что является индикатором скрытой социальной напряженности. Отрицательное отношение к выходцам из КНР и Средней Азии вызвано их низкой интегрированностью в местные сообщества, проявлениями стереотипов, спецификой опыта коммуникаций. Создание условий для повседневных взаимодействий на основе разнообразных социальных и культурных ресурсов представленных территорий позволит понизить уровень недоверия и тревожности в ситуации контакта с «другим».

Ключевые слова: миграция • общественное мнение • китайцы • ксенофобия • среднеазиатская миграция • азиатская часть России

DOI: 10.31857/S013216250016149-6

Постановка проблемы и источниковая база. Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения нанесли удар по уровню жизни населения, снизилась мобильность и актуализировались фобии «другого»¹ [Croucher et al., 2021; Ruget, Usmanalieva, 2021]. Нельзя забывать, что наше исследование проходило на фоне заметного роста обеспокоенности населения «мигрантской тематикой». Масштабные ограничительные меры и спад российской экономики привели к еще большей социальной изоляции мигрантов [Golunov, Smirnova, 2021; Murzakulova et al., 2021]. Еще в 2018 г. опросы общественного мнения фиксировали рост мигрантофобии, фокус которой сосредоточился на выходцах из азиатских стран². Между тем ведущими поставщиками рабочей силы на российский рынок труда

Статья подготовлена в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России (Проект «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски», рук. Т.Б. Смирнова (Омск), исполнители А.А. Авдашкин (Челябинск), А.Н. Старостин (Екатеринбург), Е.В. Шевцова (Новосибирск), А.В. Задорин (Красноярск)). Кроме того, автор благодарит заведующую кафедрой «Социологии» Южно-Уральского государственного университета Е.И. Салганову за помощь в сборе материалов в Челябинской области.

¹ Подробнее см.: Неудобные гости. Коронавирус может вызвать в России рост преступности среди мигрантов // Российская газета. 07.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/07/koronavirus-mozhet-vyzvat-v-rossii-rost-prestupnosti-sredi-migrantov.html> (дата обращения: 19.06.2021); Медведев: ситуация с застрявшими в России мигрантами может привести к росту преступности // Коммерсантъ. 09.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565309> (дата обращения: 19.06.2021).

² Представители Республики Беларусь (25%), Украины (21%), Германии (16%) и Казахстана (15%) находятся на первых строчках в «народном» рейтинге для въезда в Россию. В антирейтинге оказались

в последние два десятилетия являются Узбекистан и Таджикистан³. На фоне кризисов, вызванных пандемией, обострилась потребность российской экономики в рабочей силе, а убыль населения в 2020 г. показала рекордные значения в 500 тыс. чел.⁴

Положение осложняется неравномерным распределением населения по территории РФ. Азиатская часть России занимает 77% площади страны, а ее население – 37,8 млн чел., т.е. не более четверти, и продолжает сокращаться⁵ [Зиверт и др., 2011; Рыбаковский и др., 2018; Смирнова, 2020]. Учитывая стратегическое значение этих территорий, возрастает потребность в оценке конфликтного потенциала взаимодействия мигрантов и принимающей стороны. Особенно это касается регионов, центрами которых являются миллионники (Челябинск, Екатеринбург, Омск, Новосибирск и Красноярск)⁶. В представленной статье мы определим траектории трансграничной мобильности, выявим установки населения в отношении мигрантских групп и обсудим оценки влияния миграции на региональные сообщества Урала и Сибири.

Источниковую базу составили материалы опросов населения Омской (ОО), Новосибирской (НО), Свердловской (СО), Челябинской областей (ЧО) и Красноярского края (КК), прошедшие в сентябре – ноябре 2020 г. Среди массива полученных данных нас интересовало отношение к миграции из Средней Азии и Китая. Задействовано две тыс. респондентов (в каждой области по 400), гендерное соотношение 46% мужчин, 56% женщин, в возрасте от 18 до 81 года. Выборка репрезентативная, соответствует социально-демографическим характеристикам взрослого населения данных регионов, обеспечена погрешность не более 5%.

Международная миграция: «за» и «против». Реакция защиты «своего» пространства, выраженная в установке не пускать «чужих», достаточно равномерно представлена во всех регионах (см. табл. 1). На наш взгляд, здесь выделяются «противники», стабильные «благожелатели», «конъюнктурщики», чье мнение колеблется, и «равнодушные». Соотношение определяет позиция последних. Создание условий для регулярных и продолжительных взаимодействий разных групп мигрантского и немигрантского населения на основе разнообразных ресурсов соответствующей территории позволит ослабить негативные стереотипы и понизить уровень тревожности в ситуации контакта с «другим» (подробнее см.: [Nasritdinov, 2016; Варшава и др., 2017]).

представители таких стран, как Таджикистан (15%), Узбекистан (14%), Украина (13%), США (11%), Китай (9%). См.: Иммиграция в Россию: благо или вред? // ВЦИОМ. 19.12.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigraciya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (дата обращения: 19.06.2021).

³ Щербакова Е.М. Больше всего иностранных работников в России из Узбекистана и Таджикистана // Демоскоп Weekly. 2021. № 901–902. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom02.php> (дата обращения: 19.06.2021).

⁴ Население РФ впервые за 15 лет сократилось более чем на 0,5 млн // Интерфакс. 28.01.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/748286> (дата обращения: 19.06.2021); Кремль заявил о нехватке мигрантов для «реализации амбициозных планов» // Коммерсантъ. 08.04.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4762877> (дата обращения: 19.06.2021); Хуснуллин: ситуация с мигрантами в стройке становится катастрофической // РИА Новости. 03.06.2021. URL: https://realty.ria.ru/20210603/migranty-1735409644.html?fbclid=IwAR0Me_ZKvtiBMP-B28fDggTKEYWHH-WKQNmGVy9t0O7qnCpFfHJE_bL8LY (дата обращения: 19.06.2021).

⁵ По оценкам Росстата на 1 января 2020 г. Щербакова Е. Население Азиатской России сокращается особенно быстро // Демоскоп Weekly. 2002. № 87–88. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/tema02.php> (дата обращения: 19.06.2021); Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Щербакова Е.М. Несоответствие численности населения и размера территории // Демоскоп Weekly. 2017. № 749–750. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema04.php> (дата обращения: 19.06.2021).

⁶ Челябинск вошел в тройку городов России, где хуже всего относятся к мигрантам // Коммерсантъ. 02.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475810> (дата обращения: 19.06.2021); Четверть жителей УрФО негативно относятся к мигрантам. Это худший показатель в стране // Коммерсантъ. 09.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4849384> (дата обращения: 19.06.2021); Жители регионов УрФО стали хуже относиться к мигрантам // Коммерсантъ. 10.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4849786> (дата обращения: 19.06.2021).

Таблица 1

Надо ли ограничить приезд иностранцев в Россию? (в %)

Ответы	ЧО	СО	ОО	НО	КК
Нет	36	29,5	25	24	27
Да	48,5	42,5	47,5	51,5	47,5
Затрудняюсь ответить	15,5	28	27,5	24,5	25,5

В условиях оттока населения и естественной убыли в большинстве регионов Урала и Сибири пристальное внимание приковано к трансграничным миграциям. В последние годы основной точкой притяжения внутрироссийских и международных мигрантов на просторах Сибири является НО (в 2019 г. общий прирост 4,7 тыс.)⁷. Остальные регионы теряют население⁸.

Траектории международных миграций. Отражение географии стран исхода в оптике общественного мнения, его чувствительность к факту присутствия той или иной группы влияют на риски восприятия миграции. В оценках «заметности» участников трансграничной мобильности игнорируются возвратные миграции, влияние экономических спадов на динамику трудовой миграции, развитие практик возвращения «домой» и др. В каждом российском регионе преобладают выходцы из той или иной страны. Москва и Красноярск обозначаются экспертами как города с высоким удельным весом кыргызов, Санкт-Петербург – узбеков, СО – таджиков и китайцев и др.⁹ [Варшавер и др., 2020].

По данным Росстата и результатам обследования труда мигрантов в 2019 г.¹⁰ на Урале и в Сибири были представлены в основном казахстанцы. Выходцы из Таджикистана и Узбекистана являлись второй по численности группой мигрантов в восточных регионах России (см. табл. 2 и 3). Удельный вес кыргызстанцев незначителен на Урале (6,9%), но повышается в Сибири (9,97%).

Несоответствие численности приезжих из КНР¹¹ (весьма скромной в сравнении с выходцами из Средней Азии) распределению по регионам и «заметности» для населения

⁷ Новосибирская область показала наибольший миграционный прирост в Сибири // РБК. 02.05.2020. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/02/05/2020/5e9ffa579a7947e43a72b9a1> (дата обращения: 19.06.2021); Маленькая Москва: Новосибирск обогнал все сибирские города по числу мигрантов // NGS.ru. 06.06.2019. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/06/06/66115717/> (дата обращения: 19.06.2021); Город мигрантов: как приезжие влияют на Новосибирск? // РБК. 02.05.2019. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/02/05/2019/5c94bdb59a7947e6dc6c3d60> (дата обращения: 19.06.2021); Все к нам: Новосибирск лидирует в Сибири по числу мигрантов // 09.12.2019. Новосибирские новости. URL: <https://nsknews.info/materials/vse-k-nam-novosibirsk-lidruet-v-sibiri-po-chislmu-migrantov/> (дата обращения: 19.06.2021).

⁸ По данным Росстата, в 2019 г. население ЧО сократилось на 9,3 тыс. чел., СО – на 5 тыс., ОО – на 17,5 тыс., КК – на 7,7 тыс. В ЧО и СО естественная убыль превышает миграционный прирост, в ОО и КК это произошло за счет убыли и миграционного оттока. В НО миграционный прирост превышает естественную убыль.

⁹ Гетто нет: Этнограф Андрей Якимов – про узбекский Петербург // The Village. 15.01.2016. URL: <https://www.the-village.ru/city/people-about/228979-uzbek> (дата обращения: 19.06.2021); Мы – искренние сибиряки // Наш Красноярский край. 06.11.2014. URL: <https://gnkk.ru/articles/my-iskrennie-sibiryaki/> (дата обращения: 19.06.2021); Красноярск стал популярнее у киргизов и таджиков // Newslab.ru. 28.03.2017. URL: <https://newslab.ru/news/761460> (дата обращения: 19.06.2021); «Китай нам как родной!» – где в Екатеринбурге найти типичный уголок Поднебесной // Новый день. 07.07.2015. URL: <https://newdaynews.ru/ekb/537457.html> (дата обращения: 19.06.2021); «Такой вот Киргиз-таун». Почему гастарбайтеры создают в Москве параллельный город // Lenta.ru. 18.05.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/18/migration/> (дата обращения: 19.06.2021).

¹⁰ На момент проведения исследования (сентябрь-октябрь 2020 г.) миграция в РФ достигла минимальных значений за десятилетие [Флоринская, Мкртчян, 2021]. По этой причине мы оперировали данными Росстата о миграции и результатами обследования труда мигрантов 2019 г.

¹¹ По данным Росстата, из 1966 граждан КНР, прибывших в 2019 г. в регионы УФО, 1783 приехали в СО. По СФО зафиксировано 3174 чел. (1331 – в КК, 1004 – в Иркутской области, в НО – 158, ОО – 20). Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 19.06.2021).

Таблица 2

Миграция населения субъектов РФ со странами СНГ в 2019 г.

Показатели	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан	Украина
ЧО								
Приб.	432	1188	90	7438	1055	2687	841	709
Уб.	183	369	55	3970	345	1271	499	899
Прир.	249	819	35	3468	710	1416	342	-190
СО								
Приб.	1036	1238	136	3490	2475	6245	1459	1522
Уб.	297	293	43	1110	644	1094	478	1102
Прир.	739	945	93	2380	1831	5151	981	420
ОО								
Приб.	206	173	38	5159	195	274	273	219
Уб.	154	242	22	5758	190	178	215	380
Прир.	52	-69	16	-599	5	96	58	-161
НО								
Приб.	424	489	34	8820	1489	3682	1042	932
Уб.	222	223	30	4625	727	2272	809	711
Прир.	202	266	4	4195	762	1410	233	221
КК								
Приб.	1649	1124	106	1460	3244	4421	765	1542
Уб.	1091	891	175	1525	3248	3276	678	1300
Прир.	558	233	-69	-65	-4	1145	87	242

Примечание. Приб. – прибывшие, уб. – убывшие, прир. – прирост.

Источник: Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 19.06.2021).

служит индикатором китаефобии, стереотипов о многочисленности китайцев (Челябинск и Омск). В Челябинске сохранился «Китайский» рынок, но сегодня большую часть торговцев на нем составляют среднеазиатские мигранты.

Российско-казахстанский фронтир во многом определяют миграционную ситуацию на Урале и в Сибири. С 1990-х гг. приграничные области РФ испытали масштабный приток русскоязычного населения из Северного Казахстана¹², который продолжается до сих пор. В 2021 г. Челябинск вошел в топ-10 российских городов, привлекательных для квалифицированных мигрантов. В столице Южного Урала ищут работу обычно граждане Казахстана¹³. Будучи в большинстве русскими, мигранты из Казахстана не выделяются этнокульту-

¹²В нашем случае это ЧО, ОО, НО. См.: Мкртчян Н. Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в российское приграничье // Демоскоп Weekly. 2002. № 87–88. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/analit03.php#3> (дата обращения: 19.06.2021).

¹³Челябинск вошел в топ-10 городов, привлекательных для мигрантов с профессией // Южно-уральская панорама. 09.03.2021. URL: <https://up74.ru/articles/news/128485/> (дата обращения: 19.06.2021). В десятку лидеров рейтинга вошли Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар, Новосибирск, Екатеринбург, Воронеж, Сочи и Красноярск.

Таблица 3

Международные мигранты в возрасте 15 лет и старше, обычно проживающие на территории регионов РФ, по стране происхождения (в тыс. чел., 2019 г.)

Регионы	Всего международных мигрантов	Страны СНГ	Страны дальнего зарубежья	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
УФО	443,4	427,1	16,3	127,6 (28,7%)	30,9 (6,9%)	51,0 (11,5%)	46,7 (10,5%)
СО	130,2	126,9	3,4	22,5 (17,2%)	23,3 (17,9%)	27,8 (21,3%)	26,1 (20%)
ЧО	102,1	99,8	2,3	56,2 (55%)	3,0 (2,94%)	11,8 (11,5%)	5,0 (4,9%)
СФО	554,5	533,2	21,2	262,0 (47,2%)	55,3 (9,97%)	46,3 (8,3%)	57,8 (10,4%)
КК	74,0	70,6	3,4	20,0 (27%)	8,1 (10,95%)	4,4 (5,95%)	5,5 (7,4%)
НО	125,4	120,9	4,5	66,8 (53,2%)	6,9 (5,5%)	21,0 (16,7%)	10,7 (8,5%)
ОО	90,6	88,5	2,1	70,3 (77,5%)	3,2 (3,5%)	1,1 (1,2%)	7,0 (7,7%)

Примечание. Для федеральных округов и регионов указан удельный вес в % от общего числа международных мигрантов. Международные мигранты – это та часть постоянного населения, которая когда-либо меняла страну обычного проживания. Применительно к России – лица, приехавшие на постоянное место жительства после 1992 г. Для государств Средней Азии указан удельный вес в %, не вошли в таблицу Туркмения, государства Закавказья, Украина и Беларусь.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Выборочное наблюдение труда мигрантов 2019. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 19.06.2021).

турной спецификой. В ЧО и ОО казахстанцы, по мнению опрошенных, являются основными участниками международных миграций (для 22 и 36%) (см. табл. 4).

После граждан Казахстана в ЧО и СО преобладают выходцы из Таджикистана и Узбекистана. От четверти до примерно трети опрошенных указывали Таджикистан основным источником международных миграций за исключением респондентов из ОО (10%). Там этот показатель соответствует облику международной миграции. Екатеринбург входит в число пяти российских городов, куда чаще всего следуют мигранты из этой страны¹⁴. В Челябинске есть места концентрации мигрантов, где представлены преимущественно таджики (окрестности «Китайского» и «Каширинского» рынков). В 2019 г. домохозяйства активно привлекали на работу иностранных трудовых мигрантов¹⁵, в основном таджикистанцев (15,5 тыс. – ЧО, 4,5 тыс. – СО, 12,8 тыс. – КК).

¹⁴ Пять российских городов, которые чаще всего выбирают таджикские мигранты // Asia-Plus. 15.08.2020. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200815/pyat-rossiiskih-gorodov-kotorieshatshe-vsego-vibrayut-tadzhikskie-migranti> (дата обращения: 19.06.2021).

¹⁵ Иностранцы активно привлекали на работу иностранных трудовых мигрантов – граждане других государств, которые в течение определенного периода находятся и выполняют оплачиваемую работу в России, но обычно проживают за ее пределами.

Таблица 4

Из каких стран приезжает больше всего мигрантов в ваш регион? (в %)

Страны исхода мигрантов	ЧО	СО	ОО	НО	КК
Китай	17	10	16	4	12
Таджикистан	25	33	10	27	28
Узбекистан	15	25	22	29	17
Казахстан	22	12	36	17	7
Кыргызстан	1,4	7	5	11	15
Азербайджан	12	9	6	6	13
Армения	9	4	5	7	7

Примечание. Указаны только основные государства исхода мигрантов, набравшие в оценках респондентов от 9%.

Мигранты из Узбекистана заметны в СО (25%), ОО (22%) и НО (29%), что не противоречит их количественному распределению (см. табл. 4 и табл. 3). В дополнение к этому домохозяйства НО привлекли наибольшее число узбекистанцев среди всех рассматриваемых регионов – 16,3 тыс. Полученные данные отразили присутствие кыргызстанцев. Прослеживается тренд на сибирские регионы, где их удельный вес в целом выше, нежели на Урале. Кроме того, только в КК зафиксировано привлечение домохозяйствами на работу граждан Кыргызстана (1,8 тыс.).

Фокусировка этнофобий. По оценкам экспертов сложилась устойчивая «этническая иерархия» отношения к приезжим. Украинцев и белорусов воспринимают более благожелательно, чем выходцев с Кавказа или из стран Азии [Мукомель, 2017; Кузнецов, 2017; Bessudnov, 2016]. Отношение к большинству иноэтничных мигрантов носит устойчивый негативно-безразличный характер. Для большинства уральских и сибирских регионов, переживающих миграционную и естественную убыль, источником роста этнофобий служит тренд на сокращение численности «славянского» населения, скрытое или явное опасение стать «меньшинством» [Соловей, 2006; Kupiszewski et al., 2017].

Симпатии респондентов сосредоточены на мигрантах из Украины, Беларуси и Казахстана, а антипатии – на азиатах и кавказцах. Высокие нейтральные значения (от 49 до 70,5%) могут скрывать вполне определенные отрицательные установки (отчуждение, дегуманизация и т.д.). С точки зрения функционирования мнения группы в динамике наименее предсказуемо поведение настроенных нейтрально. Эта категория может при некоторых условиях определять уровень напряженности и основные реальные последствия конфликтных ситуаций.

Приезжие из Средней Азии слабо защищены от различных форм дискриминации, проживают изолированно от принимающей стороны, составляя группу мигрантов наименее интегрированных в общество [Эндрюшко, 2020; Kuznetsova, Round, 2019]. Не без активного участия медиа распространились негативные стереотипы, у принимающей стороны укоренилась настороженная позиция и отстраненность (подробнее см.: [Ruget, Usmanalieva, 2021]). Например, в Екатеринбурге в отношении таджиков зафиксирована наибольшая социальная дистанция населения по методике Богардуса [Бритвина и др., 2018: 139].

В восприятии большей части российского общества среднеазиатская миграция и ее участники обделены («все на одно лицо»), воспринимаются с помощью простых образов («таджик как собирательный образ») [Dyatlov, Dyatlova, 2020: 631; Мукомель, 2017: 34]. Даже в регионах, где кыргызстанцы представлены незначительно, интенсивность отрицательных установок к ним не отличается от восприятия более многочисленных узбекистанцев и таджикистанцев (ЧО – 34% и ОО – 32%) (см. табл. 5).

В этих же регионах китаефобия выражена более рельефно (29 и 32% соответственно). В ЧО это может быть связано с деятельностью «китайских» теплиц, вызвавших волну возмущения общественности и серию тревожных публикаций в медиа (опасения китаизации

Таблица 5

Как вы относитесь к мигрантам из следующих стран? (в %)

Ответы	Китай	Таджикистан	Узбекистан	Казахстан	Кыргызстан	Азербайджан	Армения	Грузия	Украина	Белоруссия
ЧО										
Пол.	14	9,5	10,5	28	9	13	15	15,5	22	32,5
Нейтр.	57	47,5	55	64	57	49	56,5	56	58,5	62
Отриц.	29	43	34	7,5	34	37	28,5	28,5	19,5	5,5
СО										
Пол.	11	14	16,5	24	15,5	15,5	21	21	24,5	34
Нейтр.	70,5	58,5	62	65	61	64	67,5	67,5	67	63
Отриц.	18	27,5	21,5	11	23,5	20,5	11,5	11,5	8,5	3
ОО										
Пол.	12	11	12	18	12,5	12	14	15,5	20	29,5
Нейтр.	56	52	52	59,5	55,5	59	62	61	66	65,5
Отриц.	32	37	35	22	32	28	24	23,5	14	5
НО										
Пол.	19,5	9,5	12	27	11,5	13,5	19,5	16,5	27	34,5
Нейтр.	53,5	52	54	55	52	58	60	60,5	54	57,5
Отриц.	27	38	34	18	36,5	28,5	20,5	23	19	8
КК										
Пол.	14,5	10,5	11	19,5	11	9	10	13,5	30,5	38
Нейтр.	63,5	62,5	61,5	66	62	59,5	68,5	64,5	60,5	57,5
Отриц.	22	27	27,5	14,5	27	31,5	21,5	22	9	4,5

Примечание. Здесь и далее: пол. – положительное, нейтр. – нейтральное, отриц. – отрицательное.

уральского села, разорение аграриев и др.)¹⁶. Беспокойство жителей пригорода Омска в последние несколько лет вызвано строительством поселка для китайских рабочих¹⁷.

Влияние «другого» на ситуацию в регионах Урала и Сибири. По данным ВЦИОМ (ноябрь 2021 г.), с 2005 г. показатели позитивного отношения россиян к трудовой миграции выросли, но общественное мнение по-прежнему неоднозначно воспринимает это явление. Для 60% соотношение положительных и отрицательных сторон трудовой миграции примерно равное. По мнению 27%, эффекты отрицательны, и лишь 11% оценили последствия положительно¹⁸. Схожие оценки мы наблюдали и в нашем исследовании.

¹⁶ «Скелеты» парников, мигранты и следы химикатов: что стало со скандальными китайскими теплицами под Челябинском // 74.ru. 13.08.2021. URL: <https://74.ru/text/gorod/2021/08/13/70060256/> (дата обращения: 21.11.2021).

¹⁷ Чайна-таун под Омском: разбираемся, почему соседство с рабочими из Поднебесной не нравится омичам // NGS55.ru. 27.03.2019. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2019/03/27/66026689/> (дата обращения: 24.06.2021); Городок для китайцев под Омском: полная история конфликта // Город 55. 14.12.2018. URL: <https://gorod55.ru/news/society/14-12-2018/gorodok-dlya-kitaytsev-pod-omskom-polnaya-istoriya-konflikta> (дата обращения: 24.06.2021); В городок в поселке Омский начали заселяться рабочие из Китая // NGS55.ru. 03.06.2019. URL: <https://ngs55.ru/text/gorod/2019/06/03/66111793/> (дата обращения: 24.06.2021).

¹⁸ Трудовые иммигранты в России: вклад, положение, отношение // ВЦИОМ. 18.11.2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudovye-immigranty-v-rossii-vklad-polozhenie-otnoshenie?fbclid=IwAR3csBzR2xBUSqn5_3MShp84qpVtjWlF2MWRh9lp_D_ablL1sEyg2tyT6x8 (дата обращения: 21.11.2021).

Таблица 6

Как вы считаете, какое влияние оказывают иностранные мигранты на ситуацию в регионе? (в %)

Ответы	Экономика	Политика	Экология	Демография	Медицина	Образование	Цены	Безработица	Преступность	Социальная инфраструктура	Стоимость жилья	Сельское хозяйство
ЧО												
Пол.	42,5	5,5	4,5	46	7,5	5	12,5	15,5	5,5	7	6,5	21,5
Нейтр.	35	26,5	26,5	28	18	30	20,5	43,5	64,5	31,5	22,5	14,5
Отриц.	22,5	68	69	24,5	74	65	67	41	30	61,5	71	64
СО												
Пол.	44,5	12	8,5	50	13,5	13	17,5	17	9,5	14,5	11,5	35
Нейтр.	34,5	38,5	53	36	35,5	44,5	37	63	66,	45	42,5	24
Отриц.	21	49,5	38,5	14	51	42,5	45,5	20	24,5	40,5	46	41
ОО												
Пол.	23	6	3,5	29	7	11,5	9,5	7,5	6	8	6	19
Нейтр.	20	15	20	18,5	11	8,5	17,5	35	34,5	19	14,5	15
Отриц.	39	59,5	57	39,5	66	78	55	30,5	31	56,5	62	52
НО												
Пол.	36,5	4,5	7	40,5	9,5	6,5	15,5	9,5	2,5	8	5	26
Нейтр.	41	35,5	51,5	34,5	35,5	39	41,5	74	78,5	48,5	40	22
Отриц.	22,5	60	41,5	25	55	54,5	43	16,5	19	43,5	55	52
КК												
Пол.	23,5	4	3,5	36	4	9,5	12,5	7	3,5	6	4	23
Нейтр.	36	24,5	38	30	29,5	25,5	28	57,5	55,5	23,5	25,5	15,5
Отриц.	40,5	71,5	58,5	34	66,5	65	59,5	35,5	41	70,5	71,5	61,5

Реакция защиты «своего» пространства проявилась в оценках воздействия «другого» на социальные институты. Это показывает стремление сохранить определенный статус для большинства «своего» (русского или, в крайнем случае, немигрантского) населения, остро ощущающего социальную незащищенность, малочисленность и неуверенность в будущем. Положительны оценки в сфере демографии, экономики и сельского хозяйства, остальные эффекты восприняты респондентами негативно (см. табл. 6).

По мнению уральцев, миграция благотворно сказывается на демографической ситуации и экономике (42,5 и 46% в ЧО и 44,5 и 50% в СО). Позиция относительно последствий миграции для этих сфер в сибирских регионах более сдержанна. Только в НО по этим параметрам заметны позитивные показатели (36,5 и 45%). Несмотря на некоторое присутствие положительных оценок, во всех регионах влияние миграции на сельское хозяйство оценивается деструктивно. Это вызвано стремительным упадком села, зависимостью аграриев от рабочей силы из-за рубежа и активной деятельностью «китайских» теплиц¹⁹. В большей степени такие результаты мы видим у респондентов ЧО (64%) и КК (61,5%).

¹⁹ В Омской области взяли на особый контроль китайцев // Омск-Информ. 22.10.19. URL: <https://www.omskinform.ru/news/134954> (дата обращения: 24.06.2021); Помидоры для северных варваров: китайские плантаторы рассказали о своей работе // Проспект мира. 20.08.2015. URL: <https://prmira.ru/article/pomidoryi-dlya-severnyih-varvarov-kitajskie-plantatoryi-rasskazali-o-svoej-rabote/> (дата обращения: 24.06.2021); Это не репа, а помидор. Специально для вас отравленный // URA.ru. 15.08.2014. URL:

Наиболее негативные оценки смещены на общественно-политическую ситуацию (от 49,5 до 71,5%), динамику цен на товары, услуги и недвижимость (от 46 до 71,5%), медицину (от 51 до 74%). Примечательно, что, по мнению учащейся молодежи (18–20 лет), миграция ухудшает криминогенную ситуацию и создает давление на рынок труда. В НО этого мнения придерживались 70 и 68% респондентов этой возрастной группы, в ЧО – это 53 и 52%, в СО – 60 и 56%. При этом иностранные граждане в этих регионах совершили в 2019–2020 гг. не более 2–3% от общего количества зарегистрированных преступлений²⁰.

Миграция воспринимается как явление, связанное с некачественным управлением в регионах, недоверием власти и институтам, нарастающей социальной несправедливостью (подробнее см.: [Мукомель, Рыжова, 2017]). Потребность в ее восстановлении, не реализуемая в соответствии с актуальными запросами, скрыто или явно формирует резко негативные представления о влиянии миграции на качество жизни. Трансграничная мобильность квалифицируется как вторжение «чужих», становясь мощным раздражителем. Повышение нагрузки на социальную инфраструктуру формирует и легитимизирует представление о сферах, где мигранты «допустимы», а где их присутствие неприемлемо.

Заключение. В условиях динамичного оттока населения, непростой социально-экономической ситуации на востоке России, необходимо направлять усилия на интеграцию среднеазиатских мигрантов. Концептуальной рамкой для интеграции представляется интеркультурализм, где индивиды являются не носителями своих «культур», а самостоятельными участниками социальных взаимодействий, обладающие определенным культурным багажом. Акцент на индивидуальных правах представителей разных «культур» позволяет создавать пространства и ситуации для взаимодействия различных групп мигрантов и немигрантов на локальном уровне. Ключевыми акторами здесь должны выступить НКО и государственные культурно-образовательные институты. Требуется активизировать эту работу в городских округах и муниципальных образованиях, принимающих среднеазиатских мигрантов, а также там, где присутствуют объекты, маркированные как мигрантские²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Савчук Г.А. Отношение жителей уральского мегаполиса к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 137–146. DOI: 10.17223/1998863X/44/14.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110–117.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253.
- Зиверт Ш., Захаров С., Клигхольц Р. Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств. Берлин: Берлинский институт населения и развития, 2011.
- Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.

<https://ura.news/articles/1036262733> (дата обращения: 24.06.2021); КНР вытравит земли Челябинской области пестицидами // Правда УРФО. 22.07.2013. URL: <https://pravdaurfo.ru/articles/knr-vytravit-zemli-chelyabinskoy-oblasti-pestitsidami> (дата обращения: 24.06.2021); Китайские теплицы испортили землю под Новосибирском // NGS.ru. 22.10.2015. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2015/10/22/2288783/> (дата обращения: 24.06.2021).

²⁰ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 24.06.2021). Так, в ЧО зарегистрировано в 2019 г. 65 тыс. преступлений (845 совершили иностранные граждане), в 2020 г. – 63 тыс. (708 совершили иностранные граждане); в СО этот показатель составил 720 из 57 тыс. в 2019 г., в 2020 г. 896 из 58 тыс.; в НО – 494 из 52 тыс. в 2019 г., 487 из 54 тыс. в 2020 г.

²¹ Районы резидентной концентрации мигрантов, рабочие общежития, «мигрантские» школы, «этнические» рынки и др.

- Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57.
- Мукомель В.И., Рыжова С.В. Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37–46.
- Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие Азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 64–74. DOI: 10.31857/S013216250002786-7.
- Смирнова Т.Б. Современные этнодемографические процессы в регионах Сибири и Дальнего Востока // Власть и управление на востоке России. 2020. № 4 (93). С. 198–206. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-198-206.
- Соловей В.Д. Революция русской идентичности Россия для русских? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 4. С. 51–67.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. № 1. 2021. С. 50–54.
- Эндрюшко А.А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9.
- Bessudnov A. Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. 2016. No. 5. Vol. 32. P. 567–580. DOI: 10.1093/esr/fjcw002.
- Croucher S., Permyakova T., Turdubaeva E. Prejudice toward Asians and migrants during the COVID-19 pandemic in Russia and Kyrgyzstan // Russian Journal of Communication. 2021. DOI: 10.1080/19409419.2021.1958697.
- Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. No 5. Vol. 13. P. 623–638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594.
- Golunov S., Smirnova V. Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications // Problems of Post-Communism. 2021. DOI: 10.1080/10758216.2021.1920839.
- Kuznetsova I., Round J. Postcolonial migrations in Russia: the racism, informality and discrimination nexus // International Journal of Sociology and Social Policy. 2019. Vol. 39. No. 1/2. P. 52–67. DOI: 10.1108/IJSSP-08-2018-0131.
- Kupiszewski M., Kupiszewska D., Brunarska Z. The futures of ethnic groups in the Russian Federation // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58. Iss. 3. P. 279–296. DOI: 10.1080/15387216.2017.1340171.
- Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N. Examining migration governance: evidence of rising insecurities due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand // Comparative Migration Studies. 2021. DOI: 10.1186/s40878-021-00254-0.
- Nasritdinov E. “Only by learning how to live together differently can we live together at all”: readability and legibility of Central Asian migrants’ presence in urban Russia // Central Asian Survey. 2016. Vol. 35. Iss. 2. P. 257–275. DOI: 10.1080/02634937.2016.1153837.
- Ruget V., Usmanalieva B. Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic // Problems of Post-Communism. 2021. DOI: 10.1080/10758216.2021.1940207.

Статья поступила: 02.07.21. Финальная версия: 24.11.21. Принята к публикации: 27.07.22.

CENTRAL ASIAN AND CHINESE MIGRANTS IN PUBLIC OPINION: URAL AND SIBERIAN CASES

AVDASHKIN A.A.*

*South Ural State University, Russia

Andrey A. AVDASHKIN, *Cand. Sci. (Hist.)*, Senior Researcher, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia (adrianmaricka@mail.ru).

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the program “Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity” 2020–2022.

Abstract. In the modern context of a growing population decline, especially in the regions of the Asian part of the Russian Federation, and a labor shortage, assessments of migration in terms of public opinion are becoming relevant. Based on surveys of residents of the Chelyabinsk, Sverdlovsk, Omsk, Novosibirsk regions and Krasnoyarsk Territory, held in September–November 2020, the trajectories of cross-border mobility are shown, sympathies and antipathies in relation to migrant groups are revealed, and the impact of migration on local communities is characterized. The prevalence of indifferent negative attitudes towards migration demonstrates the growth of requests for solving problems in relations between the migrant and non-migrant population. This is an indicator of latent social tension. In general, the negative attitude towards immigrants from China and Central Asia is caused by their low integration into local communities, manifestations of stereotypes, as well as the specific experience of communication between host society and migrants. Creation of conditions for everyday interactions based on various social and cultural resources of the presented territories will help to reduce the level of mistrust and anxiety in a situation of contact with the “other”.

Keywords: migration, public opinion, Chinese, xenophobia, Central Asian migration, Asian part of Russia.

REFERENCES

- Bessudnov A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. No. 5: 567–580. DOI: 10.1093/esr/jcw002.
- Britvina I.B., Mogilchak E.L., Savchuk G.A. (2018) The attitude of residents of the Ural metropolis to migrants of other ethnicities from Central Asian countries: factor analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 44: 137–146. DOI: 10.17223/1998863X/44/14. (In Russ.)
- Croucher S., Permyakova T., Turdubaeva E. (2021) Prejudice toward Asians and migrants during the COVID-19 pandemic in Russia and Kyrgyzstan. *Russian Journal of Communication*. DOI: 10.1080/19409419.2021.1958697.
- Dyatlov V.I., Dyatlova E.V. (2020) From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No. 5: 623–638. DOI: 10.17516/1997-1370-0594.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V. (2021) Migration to Russia: the lowest level in a decade. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic development of Russia]. No. 1: 50–54. (In Russ.)
- Golunov S., Smirnova V. (2021) Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2021.1920839.
- Endryushko A.A. (2020) Integration into Russian society of migrants from Azerbaijan and other post-Soviet countries: a comparative analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 84–95. DOI: 10.31857/5013216250009906-9. (In Russ.)
- Kuznetsova I., Round J. (2019) Postcolonial migrations in Russia: the racism, informality and discrimination nexus. *International Journal of Sociology and Social Policy*. No. 1/2: 52–67. DOI: 10.1108/IJSSP-08-2018-0131.
- Kupiszewski M., Kupiszewska D., Brunarska Z. (2017) The futures of ethnic groups in the Russian Federation. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 58. Iss. 3: 279–296. DOI: 10.1080/15387216.2017.1340171.
- Kuznetsov I.M. (2017) Balance of interethnic attitudes as an indicator of the state of inter-ethnic relations. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 1: 58–80. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (2017) Xenophobes and Their Antipodes: Who Are They?. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 1: 32–57. (In Russ.)

- Mukomel V.I., Ryzhova S.V. (2017) Trust and Mistrust in Interethnic Relations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1: 37–46. (In Russ.)
- Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N. (2021) Examining migration governance: evidence of rising insecurities due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand. *Comparative Migration Studies*. DOI: 10.1186/s40878-021-00254-0.
- Nasritdinov E. (2016) "Only by learning how to live together differently can we live together at all": readability and legibility of Central Asian migrants' presence in urban Russia. *Central Asian Survey*. Vol. 35. Iss. 2: 257–275. DOI: 10.1080/02634937.2016.1153837.
- Ruget V., Usmanalieva B. (2021) Media Coverage of Labor Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Problems of Post-Communism*. DOI: 10.1080/10758216.2021.1940207.
- Rybakovsky L.L., Savinkov V.I., Kozhevnikova N.I. (2018) Demographic development of Asian Russia in the XX–XXI centuries: evaluation of the results. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 11: 64–74. DOI: 10.31857/S013216250002786-7. (In Russ.)
- Smirnova T.B. (2020) Modern ethnodemographic processes in the regions of Siberia and the Far East. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. No. 4: 198–206. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-198-206. (In Russ.)
- Solovei V.D. (2006) Revolution of Russian Identity Russia for Russians? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 4: 51–67. (In Russ.)
- Sievert Sh., Zakharov S., Klingholz R. (2011) *The Vanishing World Power. Demographic Future of Russia and Other Former Union States*. Berlin, Berlin Institute for Population and Development. (In Russ.)
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2017) Integration of migrants at the local level: results of a scientific and practical project. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. No. 5: 110–117. (In Russ.)
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. (2020) Places of Resident Concentration of Migrants in Russian Cities: Is there a Pattern?. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. No. 2: 225–253. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-225-253. (In Russ.)

Received: 02.07.21. Final version: 24.11.21. Accepted: 27.07.22.

ВАН НА, Э.О. ЛЕОНТЬЕВА

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

ВАН На – аспирант (wangnazoya@yandex.ru); ЛЕОНТЬЕВА Эльвира Октавьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Высшей школы международных исследований и дипломатии (elvira.leontyeva@gmail.com). Оба – Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия.

Аннотация. На основе данных глубинных интервью с семьями китайских мигрантов (N = 33) авторы выявляют и описывают ситуацию смешения гендерных ролей в процессе их адаптации. Показывается, что сейчас сформировалась небольшая, но устойчивая общность китайских мигрантов, ориентированных на долгосрочное проживание и работу в России. В этих семьях женщины сочетают выполнение традиционных женских ролей с зарабатыванием денег, а также реализуют важную коммуникативно-дипломатическую функцию. Именно они отвечают за контакт с окружающими как на формальном уровне, связанном с бизнесом или решением бытовых проблем, так и на неформальном, поддерживая общение в дружеских сетях. Реализация так называемой дипломатической функции делает роль женщины в процессе адаптации китайских мигрантов определяющей.

Ключевые слова: миграция • китайские мигранты • гендерные роли • женщина • адаптация мигрантов

DOI: 10.31857/S013216250018706-9

Гендерное измерение миграции: китайский вектор. Несмотря на то что положение и роль женщин в процессе миграции привлекает все большее внимание исследователей, взгляд на миграцию в гендерном ракурсе пока не сформировался в виде самостоятельного направления социальной науки. Так, очевидно отсутствие такого рода исследований в отношении китайской миграции в Россию. Например, у авторов из КНР имеются работы, посвященные женщинам, участвующим во внутренних миграционных процессах в Китае, а также уезжающим в Канаду, США, Австралию и Юго-Восточную Азию. При этом отсутствуют исследования о китаянках, приехавших в Россию. Чжан Шаньюй с коллегами [张善余 et al., 2005] описали женщин, приехавших из деревень в большие города Китая на заработки. Исследователи выделили их базовые социальные характеристики: возраст, национальность, семейное состояние, уровень образования и территориальное происхождение. Особое внимание авторы уделили их тяжелому бытовому и материальному положению и психологическим проблемам, с которыми они сталкиваются при адаптации. Ли Минхуань [李明欢, 2007а, 2007b] исследовал вклад в развитие принимающих территорий и участие женщин в международном миграционном процессе. Сюй Дань и Цзоу Вэй [徐丹 et al., 2011] проанализировали адаптацию и трудности китайских бизнес-мигранток в Канаде. В диссертации Ван Сюхун [王秀红, 2007] описан исторический контекст и факторы миграции китайских женщин в США в новое и новейшее время, представлены результаты анализа причин миграции, изменений в профессиях и самоидентификации китайских женщин. О мигрирующих в Австралию китаянках писала Лю И [刘艺, 2013], сделав акцент на их социальных характеристиках, а также факторах, детерминирующих вхождение китайских женщин в принимающее сообщество, – экономических и финансовых условиях ведения бизнеса, общественном положении мигрантов, доступности и уровне образования

и др. Ши Сюэцин [施雪琴, 2009] рассматривал структуру и социальные характеристики китайцев, мигрирующих в Юго-Восточные страны Азии.

При нарастающем интересе к этой теме следует отметить значительную разобщенность исследований – авторы работают в разных аналитических техниках, используют данные и материалы из неодинаковых источников, и результаты этих исследований не формируют согласованной картины состояния женской миграции. К тому же до сих пор не встречалось заметных работ, обращающихся к опыту женщин, мигрирующих в Россию. Между тем для понимания миграционных процессов в трансграничных регионах, каковыми являются почти все восточные территории РФ, эти исследования представляются актуальными.

В российских социальных науках роль женщин в миграции также долгое время считалась второстепенной. Так, по мнению Л.Л. Рыбаковского, мужчины и лица трудоспособных возрастов участвуют в миграции более активно, чем нетрудоспособные и женщины [Рыбаковский, 2019]. При этом со временем исследователи стали замечать [Барсукова, 2012], что женщины часто оказываются на ведущих позициях, даже если со стороны кажется обратное.

Российские исследователи, как и китайские, редко и вскользь обращают внимание на мигранток из Поднебесной, их основной исследовательский фокус направлен на представительниц центральноазиатских регионов. Важно отметить, что само явление женской миграции уже имеет достаточно развитую традицию и сложившиеся концептуальные рамки. Одно из первых фундаментальных исследований, посвященных проблеме феминизации миграционных потоков [Тюрюканова, 2011], было проведено в 2010 г. на материалах опросов мигранток из СНГ. Эти данные вызвали заметный отклик исследователей, и в течение следующих нескольких лет было сформировано целое направление, представленное рядом работ [Илимбетова, 2013; Полетаев, 2018; Микиденко и др., 2016; Кованова и др., 2019; Батенева, 2013]. В упомянутых исследованиях рассматриваются проблемы трудоустройства, мотивации и адаптации женщин, законодательное правовое регулирование миграционных процессов и ряд других важных процессов. Предположительно, многие тренды, имеющие место в отношении центральноазиатских мигранток, будут иметь универсальный характер и распространяться в той или иной степени на женщин других этнических групп. Однако мы не нашли исследований, подтверждающих это в отношении китайских мигранток, хотя и это направление миграционного процесса характеризуется внешне схожими трендами. Так, если в 1994 г. Г.А. Ткачева [1994] выявила соотношение мужчин и женщин среди китайских мигрантов 100:7, то наше исследование показало, что среди современных китайских мигрантов именно семейная миграция приобретает все большую популярность. При общем естественном сокращении масштабов миграции в период пандемии мигранты, ориентированные на долгосрочное пребывание в России, выбирают совместное проживание, работу и воспитание детей в России, в то время как еще 20–30 лет назад трудились именно мужчины, а жены и дети оставались в Китае.

Описание исследования. Точная оценка масштабов китайской миграции в Россию в целом и на российский Дальний Восток в частности была трудной задачей во все периоды изучения этого вопроса. В отношении гендерных и социально-демографических характеристик мигрантов вряд ли можно говорить даже о возможности получить хотя бы приблизительные данные. Эти трудности, как и множество других (например, закрытость сообщества и языковой барьер), не позволяют оценить состав и структуру изучаемой совокупности для использования традиционных опросных методов. Вот почему для достижения поставленной цели – показать гендерное распределение ролей в семьях мигрантов и выявить роль женщин в процессе их адаптации – было проведено качественное исследование с использованием метода глубинного интервью и отбором респондентов методом «снежного кома».

В основу формирования выборочной совокупности было заложено два признака: семейное положение и срок проживания в России. Таким образом, мы отбирали пары, считающие себя семьей и проживающие на территории РФ (Дальнего Востока) длительное время. Мы учитывали опыт предыдущих исследований китайской диаспоры,

согласно которому китайские семьи с детьми появились в дальневосточных городах в конце 1990-х гг. [Киреев, 2013: 35]. Это означает, что к настоящему времени можно говорить уже о нескольких поколениях, в том числе о «старых мигрантах», вырастивших детей в России и способных сравнить адаптацию в 1990-е гг. и в 2019–2021 гг.

В итоге нашими респондентами стали 33 китайские семьи, которые уже более трех лет живут и работают на Дальнем Востоке в Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане, Петропавловске-Камчатском. По происхождению все информанты – выходцы из северо-восточных провинций Китая, в основном из небольших городов и поселков. При этом шесть семей живут на территории РФ от 3 до 10 лет, 11 семей – от 11 до 20 лет и 16 семей живут уже более 20 лет. Возраст респондентов – от 26 до 50 лет. Интервью проводились непосредственно автором с одним либо с обоими супругами в форме устного собеседования по заранее разработанному плану, сфокусированному на темах семейной истории переезда, мотивации и ожиданий от миграции, адаптации в принимающей среде (кто помогал и что мешало), распределения обязанностей внутри семьи и т.д. Беседы проходили на родном (китайском) языке в период с января 2019 г. по январь 2021 г., затем транскрибировались и переводились на русский язык. До марта 2020 г. интервью проводились очно, а позднее, из-за пандемии коронавируса и ограничительных мер, – через китайскую платформу WeChat (微信) в онлайн-формате: текстовые, видео или голосовые сообщения. Собеседование с одним респондентом / одной семьей проводилось несколько раз, но не более трех: изначально план беседы делился на этапы, либо впоследствии возобновлялось для уточнения деталей.

Все 33 опрошенные семьи состоят из супругов, находящихся в официальном браке. У 32 пар имеются дети: у пяти – по три ребенка, у 12 – по два, у 15 – по одному. Из 33 семей 9 представляют собой смешанные браки: 7 пар, в которых муж – китаец и русская жена, две пары, где муж – русский и жена – китайка. В отношении статуса семей на территории РФ ситуация в семьях разная: три человека (двое мужчин и одна женщина) имеют российское гражданство; восемь человек получили вид на постоянное жительство (в двух однонациональных семьях и муж, и жена получили вид на жительство, еще в двух однонациональных семьях только мужья получили вид на жительство, в двух межнациональных семьях мужья получили вид на жительство); в трех семьях один из супругов получил разрешение на временное проживание, остальные опрошенные имеют разрешения на временное пребывание, продлеваемые по истечении срока действия, большинство семей живут в России уже два или три поколения и имеют детей, рожденных в России.

Женщины, принимающие участие в исследовании, работают в России в различных сферах: торговля на овощных базах и рынках, услуги в мастерской по ремонту машин; в мастерской по ремонту обуви и изготовлению ключей; в транспортно-логистической компании; в ресторанах и кафе. Кроме этого, китайские женщины-мигрантки часто оказывают услуги по переводу с китайского языка на русский, а также преподают свой родной язык в языковых школах и в порядке частной практики. Распространены рекламные услуги и посредничество в электронной коммерции – закупка товаров из Китая по поручению российских и китайских партнеров, находящихся не только в КНР, но и в других странах мира.

Китайские мигрантки: спецификация ролей. В результате анализа текстов интервью было отмечено, что основные (традиционные) гендерные роли женщин, такие как воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, сохранились и в мигрантских семьях. Однако они претерпели некоторую трансформацию и отличаются от того, как делятся обязанности между супругами в Китае. В самом общем виде можно констатировать, что для мигрантских семей характерна высокая степень размывания гендерных ролей – мужчины подключаются к ведению хозяйства, а женщины активно помогают с бизнесом или имеют свой заработок. Среди опрошенных нами семей не было ни одной, в которой бы женщина сидела дома и занималась бы только бытом и детьми. В этом смысле как мужчины, так и женщины выходят за рамки тех традиционных ролей, которые, по их мнению, доминируют в их родной культуре. Кроме этого, к традиционно «женскому» набору

добавились и те роли, которые мы условно назвали «новыми», подразумевая их выход за рамки традиционных, а не то, что они были ранее неизвестны.

В целом мы выделили и охарактеризовали четыре основных типа ролей: выполнение домашней работы; воспитание детей; работа / участие в семейном бизнесе; выполнение коммуникативно-дипломатической функции для всей семьи. Первые две отнесем к блоку «традиционных», третью и четвертую – к «новым» и далее рассмотрим специфику их проявления в семьях китайских мигрантов. В первую очередь отметим, что все женщины, приезжающие в Россию, работают, совмещая домашний труд с помощью мужу в бизнесе либо с собственным делом. При этом домашние заботы и воспитание детей так же, как и в большинстве традиционных культур, в семье китайских мигрантов закреплены за женщиной. Подчеркнем, что в семьях китайских мигрантов отпрысками занимаются только родители, а не поколения бабушек и дедушек, как это принято в Китае. Здесь важно иметь в виду, что в китайском обществе существует своеобразный социальный контракт между поколениями – взрослые дети заботятся о пожилых родителях, а старшее поколение (в основном бабушки) – о внуках. Такое «соглашение», с одной стороны, поддерживается древней конфуцианской традицией культа предков, с другой – восполняет пробелы социальной политики государства. Мигрантские семьи в этом смысле представляют собой феномен, разорвавший этот шаблон: большинство из них лишены возможности как опекать старших (если не считать материальной поддержки), так и ждать от них помощи в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. Именно в этом, с нашей точки зрения, состоит главное отличие гендерного распределения ролей в китайских семьях, проживающих на родине и в эмиграции. Одно из проявлений такого разрыва шаблона состоит в том, что строгие границы между «мужскими» и «женскими» ролями в мигрантских семьях провести затруднительно. Мужья помогают в домашних делах, а жены работают наравне с ними, особенно если имеет место семейный бизнес. Вот почему правильнее говорить о существовании преимущественно женских ролей, к которым как обычно в первую очередь относится ведение домашнего хозяйства.

«Мы с мужем здесь работаем, я могу во время работы иногда уходить, чтобы отвести ребенка на кружки. Хочу, чтобы дочь балетом занималась, это так красиво. В России балетная школа самая сильная в мире. Я и работаю, и занимаюсь ребенком, здесь у нас нет родственников, со всем мы сами справляемся» (Марина¹, 29 лет, занимается земледелием).

«Я занимаюсь интернет-магазином, поэтому у меня более гибкий график работы. Занятия ребенка – на моих плечах, моя ответственность. Муж, конечно, помогает, но я сама считаю, что это моя обязанность» (Рита, 27 лет, переводчик, свой интернет-магазин).

При том что женщина отвечает за быт и домашнюю работу, любопытно, что достаточно часто китайские мужчины берут на себя кухню. В Китае мужчины нередко готовят еду для себя и всей семьи, неудивительно, что и в России они реализуют эту функцию. В нашем кейсе из 33 семей в восьми именно мужья несут ответственность за работу по кухне.

«Мой муж хорошо и вкусно готовит, поэтому по дому я делаю все, кроме готовки еды, а у мужа обязанность – вкусно кормить меня и детей. Мы оба работаем, детей воспитываем сами, без помощи бабушек и дедушек, потому что они все живут в Китае, но они материально помогают нам, иногда высылают нам деньги на воспитание детей» (Алена, 41 год, преподает китайский язык).

Если еще 10–15 лет назад семьи мигрантов не торопились рожать детей или привозить их с собой, сейчас ситуация изменилась: молодые мигранты рожают детей в России и воспитывают их самостоятельно. Во-первых, изменилось мировоззрение и ценности. Мигранты нового поколения, ориентированные на долгосрочное проживание, ценят совместное времяпрепровождение с детьми и хотят дать им образование. Во-вторых, условия жизни в России у мигрантов лучше, чем 20–30 лет назад, когда самостоятельно найти жилье или

¹ Здесь и далее указываются русифицированные имена респондентов, которые они используют в повседневной жизни и общении.

связаться с родиной по телефону было тяжело, а поездки в Китай занимали много времени и обходились дорого. В тот период работа не приносила стабильного дохода, и приезжие чаще думали о том, чтобы быстро заработать деньги и вернуться обратно.

Вероятно, краткосрочные мигранты, приезжающие в Россию по рабочим квотам и без семей, и сейчас ориентированы таким же образом. Однако без сомнения можно говорить о существовании группы мигрантов, имеющих долгосрочные перспективные планы, связанные с желанием обустроить быт и навести уют даже при проживании в общежитии. В связи с этим они выделяют часть семейного бюджета на улучшение условий жизни, например снимают жилье, а если есть возможность, то покупают квартиру (три семьи из опрошенных нами имеют собственные квартиры). Таким образом, ориентация на создание и поддержание быта в таких семьях делает важным участие женщины и актуализирует традиционную роль хозяйки и матери.

В-третьих, мигранты больше стали ценить российское образование, считая, что в сочетании с ним знание китайского языка как родного дает больше преимуществ на рынке труда. Семьи китайских мигрантов стремятся определять своих детей в российские учебные заведения, в противоположность тому, как еще недавно старались отправить их в Китай на воспитание бабушкам и дедушкам, чтобы самим иметь возможность работать в России.

«Я хочу, чтобы мой сын в России учился, потому что даже если он будет плохо учиться, но он все равно будет знать два языка: русский и китайский. Со знанием двух языков он минимум может работать переводчиком, гидом, хоть так в будущем он сможет хлеб себе зарабатывать. Я знаю, что он вряд ли хорошо будет учиться, так как я тоже плохо училась. Поэтому надеяться на то, что он станет ученым, я не могу. А если плохо учиться в Китае, то трудно будет поступать в хороший институт, а если нет диплома хорошего института, то не найдет хорошую работу в Китае. Тем более я в России работаю, сын рядом со мной, мне спокойно, и я плохо говорю по-русски, а сын когда вырастет, будет знать русский язык лучше, и еще сможет помогать мне» (Катя, 28 лет, розничная продажа овощей и фруктов).

Продолжает тему Чжао Лян (мужчина, 43 г., оптовая торговля на овощной базе): «Мы с женой старшую дочь оставляли в Китае у бабушки и младшего сына тоже оставляли у бабушки с рождения до 4 лет. Потом поняли, что надо их забрать к себе. Мы купили квартиру и уже три года мы живем все вместе. Старшая дочь ходит в старший класс, и младший сын после русского садика уже тоже ходит в русскую школу. У него русский язык, как у русского человека. Он иногда исправляет и у нас неправильные русские слова. Да, у меня жена днем работает со мной, а когда возвращается домой, готовит и занимается домашними делами, иногда старшая дочь ей помогает. Я на машине вожу детей в школу, и забираю их. По урокам, конечно, жена больше уделяет внимание. Но так как мы сами плохо русский язык знаем, жена ищет детям репетиторов по разным предметам, – это уже ее обязанность».

Участие в семейном бизнесе для женщины расценивается как помощь мужу, для которого это основная работа. Хотя такое «подспорье» отнимает много времени, оно не является единственным занятием женщины.

Из интервью 32 семей, в которых работают оба супруга, становится ясно, что, несмотря на разные профессии, женщины мигранты приносят существенные деньги в семейный бюджет. «Я сейчас вместе с мужем работаю, я уже русский язык знаю немножко, все уже понимаю. Когда муж уходит куда-то, я сама справлюсь. У нас большинство клиентов является китайцами, поэтому мне проще в общении. Мне даже нравится с клиентами общаться, весело, дома скучно, некуда идти, мало друзей. Сейчас у меня дочь полгодика, мы с мужем ухаживаем за ребенком и торгуем, муж не умеет готовить, я готовлю кушать, но муж помогает посуду мыть. Тяжело, но что делать, мы здесь больше зарабатываем, чем в Китае. Я, конечно, мечтаю вернуться в Китай, там и мои родители, мои бабушка и дедушка, даже мои несколько тетя помогали бы мне ухаживать за ребенком и в других мелочах, здесь, конечно, все делаем сами, никакой опоры нет» (Юля, 22 г., семейный бизнес, оптовая торговля овощами).

Если такие роли, как ведение хозяйства, воспитание детей и зарабатывание денег, составляют стандартный набор, который мы планировали к изучению, то функция поддержания связи с внешней средой, названная нами дипломатической, обнаружилась уже по ходу исследования. Коммуникации с внешней средой – достаточно серьезный вызов для мигрантов, ориентированных на долгосрочное проживание и собственный бизнес. Реализовать такую стратегию без общения с местным населением и официальными структурами невозможно. Поэтому так называемая дипломатическая роль имеет большое значение для семей мигрантов. Было неожиданным выяснить, что, как правило, осуществляет ее женщина. Наши респондентки часто высказывали мысль, что считают женщин более коммуникабельными и легкими в общении, поэтому осуществлять эту функцию им проще, чем мужчинам.

«Я более общительный человек и чуть-чуть лучше говорю по-русски, поэтому в нашей семье, если какие-то трудности, то я, конечно, иду разбираться, а муж продолжает заниматься работой» (Катя, 28 лет, розничная торговля овощами и фруктами). *«У меня муж только молча работает. А ведь надо общаться с людьми, очень важно разговаривать с клиентами, с начальниками. А это все мне надо наладить»* (Нина, 52 г., торговля на рынке).

В ряде случаев такая ситуация сложилась из-за того, что женщины проявили больше упорства и терпения в изучении русского языка. Только в нескольких семьях наших респондентов мужья знали русский язык лучше жен, потому что раньше приехали в Россию. В тех семьях, где супруги имеют одинаковый стаж адаптации, как правило, жены лучше владеют русским языком.

«Когда только приехали в Россию работать, мы с мужем не очень разговаривали по-русски. Я много разговаривала с русскими друзьями, с клиентами, чтобы научиться говорить по-русски и хорошо продавать овощи и фрукты. А муж все время молчал, сказал, что русский язык – сложный. А я говорю, что да сложно, но надо учиться, а как без языка работать. До сих пор если какие-то проблемы, неприятности, нужно разбираться, то обязательно я пойду. А он все время говорит: “Иди, иди”. Это он по-русски мне говорит. Я всегда шутила, что у меня муж только и умеет говорить по-русски: “Ты иди!”» (Яна, 29 лет, работает на овощной базе).

Мужчины эту ситуацию комментируют как реализацию от природы свойственного женщинам любопытства и интереса к окружающим людям и их жизни, что проявляется не только в отношении контактов с местным населением, но и в общении с соотечественниками, родственниками и друзьями. *«Моя жена полностью занимается общением с другими людьми в нашей семье, я полностью ее слушаю. Она – командир мой, я не скрываю. Она говорит: “налево”, – я не пойду направо, она говорит: “направо”, – я не пойду налево. Поддерживать контакт с людьми хорошо у нее получается, а я люблю рыбачить в тишине или с русскими клиентами. А какие подарки кому подарить по праздникам, у кого, когда день рождения, у каких друзей какие новости появились и т.д. это мне неинтересно»* (Чжао Лян, мужчина, 43 г., оптовая торговля на овощной базе).

Заключение. Существующее издавна стереотипное представление о том, что роль женщины состоит в воспитании детей и сохранении домашнего очага, а мужчины – в обеспечении безопасности и материальных благ, конечно, находит отражение в современном Китае и, как следствие, проявляется и в семьях китайских мигрантов в России. До настоящего времени все еще имеют значение традиционные, идущие еще от конфуцианства ценности, в рамках которых роль женщины по-прежнему имеет смысл в качестве дополнения к мужчине и определяется домашними делами и продолжением рода. Однако современная ситуация все же достаточно сильно отличается от того, что было еще в недавнем прошлом.

Например, даже в китайском языке появилось новое сленговое слово «女汉子» – пацанка, бой-баба, мужеподобная девица, девушка с мужскими манерами, вынужденная работать на тяжелых мужских работах, огрубевшая девушка. Значение этого слова связано не с внешностью и телосложением, похожим на мужчину, а скорее с тем, что женщины вынуждены все больше делать сами, без помощи мужчин.

В результате проведенного исследования подтвердилось, что в успешной адаптации мигрантов в российском обществе именно женщины играют определяющую роль. Так, в семьях мигрантов, вошедших в исследованную группу, все женщины работают и сочетают работу с заботой о детях и доме. Они, так же, как и мужчины, преодолевают все адаптационные барьеры: сложности, связанные с незнакомыми местами проживания, с отсутствием прямой поддержки и помощи родственников, с низким уровнем знания русского языка, с незнанием российского законодательства, обычаев и традиций.

Исследование показало, что в семьях китайских мигрантов женщины не только выполняют такие традиционные функции, как воспитание детей, выполнение домашней работы, но и реализуют новые роли: участвуют в семейном бизнесе и выполняют так называемую дипломатическую функцию для всей семьи. Последняя обладает особенной важностью, делая женщину в прямом и переносном смысле лицом семьи во внешнем мире, ответственным за успешность тех связей и отношений, с которыми напрямую связаны абсолютно все стороны адаптации – от успехов в бизнесе до результатов воспитания детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова М.Е. Женщины и миграция: причины, проблемы и последствия // Женщина в российском обществе. 2012. № 2(63). С. 78–82.
- Батенева Е.В. Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1. С. 90–94.
- Илимбетова А.А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2013. № 4. С. 89–100.
- Ильченко М.В. Особенности социального положения женщины в Китае // Социология. 2019. № 3. С. 127–130.
- Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора // Ойкумена: журнал регионоведческих исследований. 2013. № 4(27). С. 28–47.
- Кованова Е.С., Тенетова Е.П., Эльдяева Н.А. Характер, структура миграционных процессов и феминизация трудовой миграции // Вестник университета. 2019. № 1. С. 128–131.
- Микиденко Н.Л., Сторожева С.П. Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 35–42.
- Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. № 4 (21). С. 68–78.
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. М.: Юрайт, 2019.
- Ткачева Г.А. Иммиграция на Дальнем Востоке России // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 96–101.
- Тюрюканова Е.В. (ред.) Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Цыпилова С.С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета: философия, история, востоковедение. 2015. № 2(61). С. 158–163.
- 张善余, 俞路, 彭际作. 当代中国女性人口迁移的发展及其结构特征 // 市场与人口分析. 2005. № 2. С. 13–20 页.
- 李明欢. 女性在国际人口迁移中的地位 // 作用与影响 // 国外社会科学. 2007a. № 4. С. 79–83 页.
- 李明欢. 移民的女性 // 国外社会科学, 2007b. № 2. С. 85–90 页.
- 徐丹, 邹玮. 中国职业妇女移民加拿大融合问题分析-基于跨文化背景 // 重庆科技学院学报 (社会科学版). 2011. № 5. С. 60–63 页.
- 王秀红. 近现代华裔妇女移民美国的原因及其影响 // 云南大学. 2007. № 5. С. 54 页.
- 刘艺. 1972 年以来澳大利亚华人女性移民研究 // 硕士学位论文, 江苏师范大学. 2013(6). С. 88 页.
- 施雪琴. 全球化视野下的女性跨国流动-以1978 年以来中国女性迁移东南亚为中心 // 南洋问题研究. 2009. № 1. С. 51–59 页.

Статья поступила: 07.02.22. Принята к публикации: 08.07.22.

THE WOMEN'S ROLE IN THE ADAPTIVE PROCESS OF CHINESE MIGRANTS FAMILIES IN RUSSIA

VAN NA*, LEONTYEVA E.O.*

*Pacific National University

VAN Na, Post-graduate student (wangnazoya@yandex.ru); Elvira O. LEONTYEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of The School of International Studies and Diplomacy (elvira.leontyeva@gmail.com). Both – Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

Acknowledgements. The study is funded by a Russian Science Foundation grant No. 22-28-00411.

Abstract. Based on the data of in-depth interviews with families of Chinese migrants ($N = 33$), the authors identify and describe the situation of mixing gender roles in the process of their adaptation. It is shown that a small but stable community of Chinese migrants has now formed, focused on long-term residence and work in Russia. In these families, women combine traditional female roles with earning money, and also perform an important communicative and diplomatic function. It is women who are responsible for contact with others, both at the formal level related to business or solving everyday problems, and at the informal level, maintaining communication in friendly networks. The implementation of the so-called diplomatic function makes the role of women in the process of adaptation of Chinese migrants decisive.

Keywords: migration, Chinese migrants, gender roles, women, adaptation of migrants.

REFERENCES

- Barsukova M.E. (2012) Women and Migration: Causes, Challenges and Consequences. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2(63): 78–82. (In Russ.)
- Ilmbetova A.A. (2013) Factors and Economic Consequences of Female Labour Migration to Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomik* [Moscow University Economics Bulletin]. No. 4: 89–100. (In Russ.)
- Kireev A.A. (2013) Is there a Chinese diaspora in the Russian Far East? *Oykumena. regionovedcheskiye issledovaniya* [Oykumena. Regional Researches]. No. 4(27): 28–47. (In Russ.)
- Kovanova E., Tenetova E., Eldyaeva N. (2019) Character, Structure of Migration Processes and Feminization of Labour Migration. *Vestnik Universiteta* [Vestnik Universiteta]. No.1: 128–131. (In Russ.)
- Li Minghuan. (2007) Migrating women. *Guowai shehui kexue* [Sociological Science Abroad]. No. 2: 85–90. (In Chinese)
- Li Minghuan. (2007) On the Position, Significance and Influence of Migrant Women in International Population Movement. *Guowai shehui kexue* [Sociological Science Abroad]. No. 4: 79–83. (In Chinese)
- Liu Yi. (2013) Research on Immigration of Chinese Women in Australia since 1972. *Jiangsu shifan daxue shuoshi xuewei lunwen* [Master's thesis, Chinese Jiangsu Pedagogical University]. No. 6: 88. (In Chinese)
- Mikidenko N.V., Storozheva S.P. (2016) Female Labour Migration; the Informational Aspects of Adaptation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotziologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. No. 2: 35–42. (In Russ.)
- Poletayev D.V. (2018) Female Labour Migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaseleniye* [Population]. No. 4 (21): 68–78. (In Russ.)
- Rybakovskiy L. (2019) *Migration of Population*. Moscow: Urite. (In Russ.)
- Shi Xueqin. (2009) International migration of women in globalizatsii – migration of Chinese women in South-East Asia since 1978. *Nanyang wenti yanjiu* [Study of the Southern Ocean]. No. 1: 51–59. (In Chinese)
- Tkachova G. (1994) Immigration in Russian Far East. *Problemy Dalnego Vostoka* [Far Eastern Studies]. No. 4: 96–101. (In Russ.)
- Tsybilova S. (2015) The Women's Positopn in Contemporary Chinese Cosiety. *Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Scholarly Notes of Transbaikal State University]. No. 2(61): 158–163. (In Russ.)
- Tyuryukanova E.V., ed. (2011) *Women Migrants from CIS Countries in Russia*. Moscow: MAX Press. (In Russ.)
- Wang Xiuhong. (2007) Causes and Impact of Chinese Women's Migrations to the USA in the New and Recent History. *Yunyan daxue shuoshi xuewei lunwen* [Master's thesis, Chinese Yunnan University]. No. 5: 54. (In Chinese)
- Xu Dan, Zou Wei. (2011) Analysis of Adaptation Problems of Migrant Businesswomen in Canada – at the Intercultural level. *Shichang yu renkou fenxi* [Collection of the Chongqing Institute of Technology, Section Sociological Science]. No. 5: 60–63. (In Chinese)
- Zhang Shanyu, Yu Lu, Peng Jizuo. (2005) Development and Structural Features of Migration of Female Populations in Modern China. *Shichang yu renkou fenxi* [Market and Population Analysis]. No. 2: 13–20. (In Chinese)

Received: 07.02.22. Accepted: 08.07.22.

Экономическая социология. Социология труда

© 2022 г.

Ю.В. АНДРЕЕВА, Е.Л. ЛУКЬЯНОВА

ОТНОШЕНИЕ К ПРОТИВОКОВИДНЫМ МЕРАМ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ (на примере Ульяновской области)

АНДРЕЕВА Юлия Витальевна – кандидат психологических наук, доцент Ульяновского государственного университета (yulia.andre@gmail.com); ЛУКЬЯНОВА Евгения Львовна – старший преподаватель того же университета (lukyanova.jenya@gmail.com). Обе – Ульяновск, Россия.

Аннотация. Рассматриваются формы противоковидных мероприятий на российских промышленных предприятиях. В основе анализа – серия качественных интервью с рабочими и экспертами, проведённых в рамках лонгитюдного исследования в 2020–2021 гг. в Ульяновской области. Авторы останавливаются на трёх ключевых аспектах: карантинах, масочном режиме и вакцинации, – показывая отношение рабочих к данным мерам, степень их принятия или сопротивления им. Сделаны выводы о том, что ограничения во многом оказались неэффективными, они позволяли работодателям усилить контроль над персоналом и приводили к нарушению трудовых прав. Принуждение, а не убеждение служило главным инструментом продвижения противоковидных мер. Рабочие связывали введение этих мер не столько с заботой руководства предприятий об их здоровье, сколько со стремлением сделать их положение более бесправным. Противоковидные меры вызвали снижение сплочённости в коллективах, становились причиной конфликтов рабочих с руководством. Критике со стороны участников исследования подвергалось как само содержание рассматриваемых мер, так и несистемный характер их реализации. Авторы прослеживают, как долго продержались основные противоковидные меры и что стало причиной отказа от них.

Ключевые слова: COVID-19 • промышленные предприятия • рабочие • противоковидные меры

DOI: 10.31857/5013216250020185-6

Введение. За два года пандемии успело сложиться отдельное, посвящённое ей направление социологии. С точки зрения занятости особый интерес вызывала практика удалённой работы. Некоторые авторы видели в ней будущее деятельности компаний [Подвойский, Спиркина 2021]. В поле внимания попадали в основном офисные сотрудники. Большое значение придавалось распространившемуся опыту дистанционного обучения и способности педагогов адаптироваться к онлайн-формам образовательного процесса [Интеллигенция..., 2021]. Но, по данным «Российского мониторинга экономического положения», удалённой занятостью было охвачено не более 15% всех работников [Капелюшников 2021: с. 32–36]. Она преимущественно затронула руководителей и специалистов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60221 «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях».

высокого уровня квалификации. В начале 2021 г. только 5% опрошенных Фондом «Общественное мнение» сообщали о том, что трудятся в таком формате¹ [Закутина, 2021].

Работа офлайн тоже проблематизировалась, она часто оказывалась не вопросом выбора, а вынужденной мерой. Отечественными исследователями такой тип работников назывался «работающими без изменений» [Образ..., 2022]. В западной литературе для них применялся термин «critical workers». К их числу относятся не только сотрудники медицинских или социальных учреждений, но и рабочие промышленных предприятий. Предполагалось, что в сложных эпидемиологических условиях они будут находиться в уязвимом положении в силу низкого качества рабочих мест на большинстве российских предприятий [Положение..., 2020]. В немногочисленных публикациях отмечалось, что работодатели не всегда готовы обеспечить рабочих средствами защиты, а также выполнить регламент действий, положенных при обнаружении заболевших. Несоблюдение предприятиями санитарных требований могло происходить из-за несоответствия регионального и федерального законодательства, несовместимости некоторых видов бизнеса с введёнными ограничениями [Романович, 2020]. Однако многое зависело от личной ответственности руководителей, сложившихся у них отношений с подчинёнными.

Статья раскрывает «ковидную» повседневность промышленных предприятий на примере Ульяновской области. Область интересна тем, что в 2020 г. на федеральном уровне её подход, позволяющий бизнесу не закрываться в пандемию, был признан лучшим в стране². Руководители предприятий подписывали декларацию об исполнении общего стандарта безопасности (ношение масок, измерение температуры, порядок уборки). Фактически уже в середине апреля 2020 г. рабочие большинства местных предприятий вышли в цеха. Статистика заболеваемости заставляет усомниться в эффективности принятого в Ульяновской области подхода. Регион стал лидером по числу заболевших в Приволжском федеральном округе. По официальным данным, пандемия затронула 16% жителей. Заболеваемость составила 150 человек на 1000 населения³. По уровню смертности область с осени 2020 г. входила в первую десятку российских регионов.

Ключевыми пунктами проведённого анализа являются карантинные меры, масочный режим и вакцинация. Безусловно, противоковидная кампания не сводилась только к ним. Перепланировке подвергалось привычное пространство проходных, столовых и других помещений общего доступа. На крупных предприятиях смещался график начала и окончания смен, менялся порядок взаимодействия административных и производственных подразделений. Основной исследовательский вопрос заключается в том, как повлияли противоковидные меры на отношение рабочих к предприятию и своему руководству. Чем данные меры стали для низового персонала – заботой администрации о создании безопасных условий труда или новой формой контроля? К каким долгосрочным последствиям привели после своей отмены? Как они отразились на сплочённости коллективов?

Методология исследования. В статье описываются результаты проекта «Стратегии поведения рабочих на рынке труда в сложных эпидемиологических условиях». В его основу легло лонгитюдное исследование 75 рабочих в возрасте от 18 до 65 лет (из них 21 чел. в возрастной группе до 35 лет, 35 – от 35 до 50 лет и 19 – старше 50 лет; 56 мужчин и 19 женщин), проходившее в три этапа – октябрь–ноябрь 2020 г., март–апрель 2021 г. и октябрь–ноябрь 2021 г. Проект фокусировался на изучении поведения рабочих на рынке труда (мотивация смены работы, выбор каналов трудоустройства, продолжительность поиска работы, опыт дополнительной занятости). Информанты отбирались

¹ Закутина Е. Привычка к удалённой работе / Фонд общественное мнение. 2021. 15 апреля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/privyчка-k-udalennoj-rabote> (дата обращения: 17.05.2022).

² COVID-19. Последствия для бизнеса и экономики. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации / Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав потребителей. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/7.pdf> (дата обращения 27.06.2022).

³ Коронавирус в Ульяновской области. URL: <https://covid.observer/ru/73/ru>. (дата обращения: 14.03.2022).

в соответствии с «Общероссийским классификатором занятий»⁴. В группу квалифицированных рабочих вошло 30 участников, ещё 30 человек брались из группы операторов, сборщиков и водителей. 15 человек занимались неквалифицированными видами труда. Информанты представляли промышленные предприятия ключевых для Ульяновской области отраслей: авиационной, автомобильной, горнодобывающей, мебельной, металлургической, текстильной промышленности, а также строительства. На малых предприятиях работали 18 человек, на средних – 25 человек и на крупных – 32 человека. 20 информантов были трудоустроены неформально. Исследование проходило в Ульяновске (42 человека) и в трёх городах области с развитым промышленным производством (33 человека). Структура выборки репрезентировала важные с точки зрения рабочих профессии сегменты регионального рынка труда.

Противоковидные меры не были основным предметом исследования, однако за три проведённых этапа накопилось немало интересного материала, описывающего отношение к ним рабочих. Ожидалось, что принятые меры изменят условия труда на предприятиях, со временем превратятся в дополнительное требование к качеству рабочих мест или, по крайней мере, переопределят понимание трудовых рисков. Рабочие, в отличие от других категорий сотрудников, не могли быть отправлены на удалённый режим. Некоторые участники на протяжении исследования меняли место работы и могли сравнивать организацию мер на разных предприятиях. С рабочими проводились глубинные интервью, в которых они рассказывали о том, как реагировали на вводимые ограничения они сами, их товарищи по цеху, а также непосредственное начальство. Выборка интервью ограничивалась только рабочими, в них не участвовали сотрудники административных и инженерно-технических подразделений. Это позволило концентрированно показать, какие формы принимала борьба с коронавирусом на низовом уровне.

В исследовании также используются материалы экспертных интервью. За три этапа проекта собрано 30 интервью с представителями органов власти, служб занятости, кадровых агентств, центров профессиональной переподготовки. Для настоящей статьи были отобраны интервью 8 экспертов промышленных предприятий, отвечавших за проведение противоковидных мероприятий. Эксперты описывали экономическое положение предприятия, пытались выделить влияние на него таких эпидемиологических факторов, как заболеваемость COVID-19 среди персонала, численность работников, отправленных на карантин, доля прошедших вакцинации и т.п. К третьему этапу исследования, т.е. к весне 2021 г., большинство экспертов считали уровень заболеваемости на предприятии малозначимым фактором по сравнению с экономической ситуацией. В ходе интервью эксперты знакомили с документами, регламентирующими противоковидные мероприятия. Большинство таких документов предназначалось для служебного пользования, поэтому их не разрешалось копировать или фотографировать.

Заболеваемость COVID-19. Пандемия напрямую затронула участников исследования. В таблице 1 показана динамика их заболеваемости по ходу проекта. Полученные данные являются приближительными. Многие информанты привыкли переносить любую простуду на «ногах» – «*таблетки выпил и пошёл на работу*» (муж., 34 года, слесарь-сборщик). Внесённые в таблицу 33 участника – это те, кто наблюдал у себя такие распространённые симптомы коронавируса, как высокая температура и потеря обоняния. Они уходили на больничные, но тестирование на коронавирус проводилось не всем. Официальный диагноз был поставлен всего девяти участникам. Примечательно, что одна из информанток вышла из ковид-госпиталя со справкой о пневмонии, но не о COVID-19. Ряд участников замечал у себя необычное течение ежегодных ОРЗ и ОРВИ. Но поскольку с симптомами помогли справиться народные средства, то информанты не считали свою болезнь чем-то

⁴ См. группы 7–9 «Общероссийского классификатора занятий» (ОК 010-2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953 (дата обращения: 27.06.2022).

Таблица 1

Уровень заболеваемости участников исследования, человек

Характер заболеваемости	Октябрь – ноябрь 2020 г.	Март – апрель 2021 г.	Октябрь – ноябрь 2021 г.	Всего
Имели случаи COVID-19 среди родственников	26	40	49	68
Болели COVID-19, в т.ч. подозревали	5	19	9	33
Были госпитализированы	1	1	–	2
Умерли	–	1	1	2

новым и особенным. Они не обращались в медицинские учреждения и не причисляли себя к переболевшим коронавирусом.

Подозрения на коронавирус не останавливали рабочих от выхода на работу. Немаловажную роль в таком решении играли финансовые соображения, страх оказаться должником по ипотеке и другим кредитам. Большинство участников были заняты на сдельной или повременной оплате труда. Поэтому даже неделя отсутствия на работе грозила им существенной потерей заработка. Распространённым было решение вообще не брать больничный, а «просто отпроситься, чтобы дня три отлежаться, и никаких справок» (муж., 25 лет, стекольник). Нужно учитывать и специфическое отношение рабочих к своему здоровью. Мало кто из них тщательно за ним следит. Из 75 участников исследования только двое регулярно занимались спортом. С точки зрения рабочих, болезнью является если не полная потеря трудоспособности, то такое состояние, которое требует серьёзного медицинского вмешательства, госпитализации или длительного нахождения на больничном. Температура, кашель, насморк и другие респираторные симптомы не служат поводом пропустить работу, особенно для мужчин: «Это по Интернету говорят, раз у мужика температура 37, он как тряпка. Неправда это. У нас все люди – больные, хромые – работают. Если настоящий мужчина, то ты не будешь обращать [внимание] на какие-то мелочи» (муж., 40 лет, сварщик).

Женщины-работчие тоже поддерживали эту идею, полагая, что преимущественно в мужских по составу бригадах надо быть сильнее, не показывая себя слабой и больной. В их понимании убедительной причиной ухода на больничный служило здоровье ребёнка, но не собственное. Подобные взгляды на здоровье и мужчинами, и женщинами увязывались с присущим им трудолюбием. Ссылки на болезнь считались признаком лени. Объясняя высокую заболеваемость COVID-19, рабочие замечали, что «больше всего лентяи болели. Придумали вторую и третью волну⁵, которой не существовало, лишь бы отлежаться... А так, люди продолжали работать, что коронавирус, что не коронавирус» (муж., 42 года, обивщик). Неудивительно, что когда перед началом вакцинации проводилось тестирование на антитела, было выявлено большое количество переболевших COVID-19. Эксперты сообщали о 70–80% работников с положительными тестами на антитела.

Общая характеристика противоковидных мер. Специфика организации противоковидных мероприятий во многом объясняет реакцию рабочих. В таблице 2 собраны все упоминавшиеся в интервью меры. Самыми строгими и системными они были в начале пандемии. Тогда на предприятиях надеялись, что коронавирус, «как свиной грипп, пошумят – пройдёт» (эксперт, старший мастер). Никто не ожидал, что пандемия затянется надолго. Наоборот, из-за малого числа заболеваний в апреле-мае 2020 г. верилось, что она обойдёт Ульяновскую область стороной и останется локальной проблемой тех посёлков, откуда жители ездили на «вахту» в Москву. Региональные власти ввели ослабленный

⁵ Первая волна заболеваемости в Ульяновской области пришлась на июнь – август 2020 г., вторая волна – на октябрь 2020 г. – февраль 2021 г. См.: Статистика коронавируса в Ульяновской области. URL: <https://gogov.ru/covid-19/uln#data> (дата обращения: 14.03.2022).

режим самоизоляции для подписавших декларацию предприятий. Те, кто такого соглашения не заключал, всё равно «работали за закрытыми дверями. Никто практически не закрывался» (эксперт, зам. начальника цеха). Рабочих инструктировали говорить, что «мы группа друзей, просто пришли вместе посидеть» (муж., 45 лет, столяр). Отметим, что на предприятиях могли сосуществовать разные противоковидные режимы в зависимости от типа персонала – для штатных работников требования формулировало само предприятие, для работников, привлечённых на основе аутсорсинга, – их компания-работодатель. Нередкостью на ульяновских предприятиях, особенно малых, была неформальная занятость с отсутствием каких-либо официально предписанных санитарных норм. В последнем случае меры соблюдались «на свой страх и риск, потому что начальнику главное – работа» (муж., 44 года, обивщик).

Даже на крупных заводах противоковидные меры продержались недолго. Они встретили неоднозначную реакцию в коллективах, объяснявшуюся как невозможностью их соблюдения на целом ряде производственных участков, так и непониманием их действенности со стороны рабочих. Те с возмущением говорили: «В масках как ты возле станка будешь работать? Чего мне со станка микробов ловить?! Он не чихает» (муж., 59 лет, токарь). Участникам казалось, что принятые в начале пандемии санитарные меры были избыточными для промышленности. С их точки зрения, просторные цеха, положенная по

Таблица 2

Противоковидные меры предприятий

Октябрь – ноябрь 2020 г.	Март – апрель 2021 г.	Октябрь – ноябрь 2021 г.
Самоизоляция	–	–
Карантин для контактных лиц	–	–
Изменение рабочего графика (разное начало смен для цехов, введение вторых смен)	–	–
Переформирование бригад или их сокращение	Переформирование бригад или их сокращение	Переформирование бригад или их сокращение
Маршрутизация разных групп работников	Маршрутизация разных групп работников	–
Реорганизация проходной	Реорганизация проходной	–
Увеличение штата охраны	Установка видеонаблюдения	–
Реорганизация столовых или их закрытие	Реорганизация столовых или их закрытие	Реорганизация столовых или их закрытие
Регулярный температурный контроль в течение смены, заполнение журнала	Разовый температурный контроль на проходной	–
Ношение масок на рабочем месте	Ношение масок в местах общего доступа	Ношение масок на проходной
Увеличение частоты уборки производственных помещений	–	–
Размещение антисептиков и дезинфицирующих средств	Размещение антисептиков и дезинфицирующих средств	Размещение антисептиков и дезинфицирующих средств
Организация служебного транспорта	–	–
Выдача масок работникам	Выдача масок работникам	Выдача масок работникам
Печатная агитация	Печатная агитация	Печатная агитация
Запрет настольных игр (шахмат, домино и т.п.)	–	–
Запрет рукопожатий	–	–
–	Тестирование на антитела	Тестирование на антитела
–	Добровольная вакцинация	Массовая вакцинация

технике безопасности удалённая расстановка станков, применение химически опасных веществ, способных навредить не только человеку, но и любому вирусу, служат защитой от заражения. К мерам защиты они также относили постоянную вентиляцию цехов, использование рукавиц, специальных промышленных респираторов и защитных очков. Сварщики рассказывали, как начальство пыталось заставить их носить медицинские маски под их защитными масками.

Отношение к маскам. Маски стали самым дискуссионным пунктом на первых двух этапах исследования. На предприятиях периодически устраивались рейды по выявлению нарушителей с последующим лишением их премий. Такая практика привела к стойкому убеждению о том, что *«маска охраняет нас не от ковида, а от штрафов в пять тысяч рублей»* (жен., 50 лет, гальваник). В самом начале пандемии наказания не ограничивались только штрафами, неоднократных нарушителей масочного режима грозили уволить. Мастера заранее предупреждали подчинённых о проведении проверок. В некоторых цехах успела сложиться специальная система сигналов вроде похлопывания по плечу на случай внеплановых рейдов. У многих привычкой стало носить «маски во всех карманах», с тем чтобы быстро надеть при необходимости. Эксперты на предприятиях считали нарушение масочного режима «тихим протестом» со стороны рабочих. Те связывали своё несогласие с невозможностью выполнить полученное задание, постоянно находясь в маске. Руководители цехов понимали, что они не могут требовать ношения масок, когда *«летом в корпусе +30, сам весь потом обливаешься, какая на фиг маска!»* (эксперт, зам. начальника цеха). Все сомневались в эффективности выдаваемых на предприятиях тканевых масок. Их называли «куском ткани» или вовсе «тряпочками». При этом рабочие не спешили покупать медицинские маски за собственный счёт, полагая это обязанностью руководства.

Информанты отмечали, что проверяющих как на предприятиях, так и в магазинах или в общественном транспорте не интересует качество масок или их состояние. Эксперты признавались, что контрольные рейды поводятся не для реального снижения заболеваемости, а для отчётности. На предприятиях противоковидные меры возобновлялись тогда, когда приезжала «комиссия и все начинают бегать, что-то там тереть, убирать – ни пылинки, ни соринки, всё выдраено» (жен., 45 лет, швея). Формальный характер введённых мер приводил не только к пренебрежению ими, но и осуждению тех, кто старался их соблюдать. Со временем именно они превращались в объект дистанцирования, поскольку *«на фига здоровому маска? Она нужна только тем, кто болеет, чтобы они других не заражали»* (муж., 31 год, слесарь-ремонтник). Стереотип, согласно которому маски положено носить только заболевшим, сильно укоренён в рабочей среде. Иногда в ответ на просьбу *«наденьте маску, помойте руки» по испорченному телефону передавалось – тут все заразные, сюда не ходите!»* (жен., 50 лет, гальваник).

Действенность масок ставилась под сомнение и по той причине, что на предприятиях имелись не проверяемые «серые» зоны: душевые, бытовки, курилки и другие подсобные помещения. В тех цехах, куда попадали исследователи, из подручных материалов были сделаны зоны отдыха, где рабочие обедали принесённой из дома едой, вместе пили чай и разговаривали. На удалённых производственных участках соблюдение противоковидных мер отдавалось под ответственность самих рабочих. Они лукаво замечали, что масочный режим касался только их рабочего времени, а обеда и перекуры человек может проводить по своему усмотрению. В строительстве логика мер была совсем не понятна рабочим. На площадке (на «улице») им указывалось находиться в масках, а *«в столовую ходили без масок все вместе плечом к плечу»* (муж., 42 года, монтажник).

У каждого информанта сложились свои ориентиры, по которым определялась необходимость ношения масок. Эти ориентиры были разнообразны, но в их основе чаще всего лежало понятие доверия. Участники были склоны относить в круг людей, среди которых можно находиться без маски, не только родных, друзей, соседей, коллег по работе, но и тех, с кем, например, каждое утро вместе ездили на работу в общественном транспорте. Любопытным было восприятие руководства. Рабочие не только переносили

на начальников цехов всю заботу об обеспечении безопасности, но считали, что те в силу образования лучше разбираются в вопросах, связанных с коронавирусом, и им грозит меньшая опасность заболеть. В ходе посещения заводов была замечено, что информанты не надевали маски, а, наоборот, снимали их, если к ним подходил непосредственный начальник. Эксперты, отвечавшие за организацию противоковидных мер, тоже попадали в тот круг лиц, с которыми можно было общаться по старинке, без масок.

Соблюдение карантинов. Карантин для контактных лиц стал той мерой, которая не нравилась ни руководителям предприятий, ни рабочим. Судя по интервью, она активно применялась лишь до сентября 2020 г., затем от неё начали негласно отказываться. Даже на крупных заводах столкнулись с вынужденной отправкой на карантин по «полцепа сразу», что грозило срывом выполнения заказов. В отделах кадров жаловались на то, что некоторые рабочие просили заболевших товарищей назвать их в качестве контактных лиц, с тем чтобы уйти на карантин как в краткий отпуск. Правда, на некоторых предприятиях была распространена обратная практика, когда время карантина, а иногда и болезни, предлагалось оформить как часть ежегодного отпуска. Некоторые компании посылали ульяновских рабочих в длительные командировки на свои предприятия в другие регионы, чтобы восполнить образовавшуюся там нехватку персонала.

Соблюдение карантинов столкнулось с возникшей из-за пандемии неразберихой в здравоохранении. «Карантинные» рабочие могли надолго выпасть из трудового процесса из-за того, что *«анализы потеряли. Врач говорит: “Я не могу у вас взять повторно, потому что ещё первого даже нет”. В лаборатории говорят: “Мы дубликат отправили”. Заведующая орёт: “Нет у меня никаких дубликатов!”*» (жен., 47 лет, швея). Семье этой информантки пришлось просидеть на карантине больше месяца из-за задержек с анализами и многодневными ожиданиями врача. Участники рассказывали, что на предприятиях им советовали не настаивать на проведении ПЦР-тестов, а обойтись диагнозом ОРВИ. В случае если COVID-19 был официально установлен, то *«говорить запрещалось, что болеют коронавирусом»* (муж., 45 лет, клепальщик). В качестве контактных лиц рабочим следовало называть только членов семьи, но не тех, с кем общались на предприятии. Рабочих удивлял вопрос, отправляли ли на самоизоляцию их коллег с хроническими заболеваниями. Даже те, кому была присвоена инвалидность, продолжали выходить на работу наравне с остальными. В отделах кадров ссылались на положение, согласно которому они могут оставлять на рабочем месте того, кого считают *«критически важным для обеспечения функционирования организации»* (эксперт, зам. руководителя по персоналу). Состояние здоровья рабочих превращалось в важный аргумент тогда, когда речь шла о необходимости отправления сотрудников в административный отпуск из-за снижения объёма заказов.

Руководство предприятий не стремилось делиться с подчинёнными информацией о количестве заболевших. Основным источником становилось «сарафанное радио», по которому передавались рассказы о тяжёлых или необычных случаях коронавируса. Ещё одним источником информации служила публикация некрологов в заводской газете или на проходной. Большое количество некрологов *«напрягает. У нас мужики многие до пенсии не доживают...»* (муж., 62 года, слесарь). Внимание к некрологам объясняется ещё и тем, что связанные со смертью выплаты были единственной материальной помощью, которая оказывалась предприятиями в период пандемии. Даже на крупных заводах профсоюзам не была налажена какая-либо поддержка заболевших сотрудников. В профсоюзах не видели потребности в разработке специальной помощи перенёсшим COVID-19 работникам, например, в форме компенсации затрат на лекарства, внеочередном предоставлении санаторно-курортных путёвок и т.п. Там считали, что возникающие на предприятиях вспышки коронавируса не подходят ни под одну статью, касающуюся профзаболеваний или несчастных случаев на производстве.

Практики взаимопомощи между самими рабочими встречались редко. Иногда в коллективах помогали с поиском лекарств. У нескольких участников родственники работали в аптеках, через них зимой 2020–2021 гг. доставались дефицитные в тот период

антибиотики. Почти совсем не упоминалось о сборе денег на помощь в лечении. В дружных коллективах к тем, кто с осложнениями перенёс коронавирус, «сочувственно относились. Меня сильно не загружали, дали мне немножко адаптироваться» (жен., 58 лет, сверловщица). Но встречались обратные примеры, когда на работе не верили в то, что информант перенес COVID-19, и пытались переубедить, что «это был какой-то другой вирус» (муж., 40 лет, столяр). Некоторым в поликлиниках говорили, что «это не коронавирус, это сейчас такой грипп идёт с обоняния пропаданием» (муж., 34 года, водитель). Встречались случаи и враждебного настроения к переболевшим, но не из-за страха заразиться, а по причине того, что приходилось брать на себя их нагрузку, оставаясь на «вечёрки» или выходя на работу в выходные дни.

Неустойчивая из-за больничных и карантинных численность персонала вначале привела к экспериментам с графиками отпусков, разделением бригад, сменой их составов, переброской на разные производственные участки, расширением функциональных обязанностей рабочих, а затем к официальным сокращениям под предлогом того, что с текущими объёмами можно справляться и уменьшенным количеством персонала. Особенно от этого страдали сборщики. Предприятия «закрывали» ими позиции, которые требовали квалифицированной подготовки. К сожалению, эксперты отказались раскрывать статистику травматизма за два пандемийных года. Рабочие в интервью говорили об учащении несчастных случаев из-за того, что приходилось выполнять непрофильные обязанности. Представители профсоюзов не видели во временных переводах на другие позиции нарушения прав рабочих. Они исходили из того, что в трудные времена выбор невелик – «или ты остаёшься на заводе, или идёшь на улицу» (эксперт, председатель профсоюза). На ряде предприятий нарушения прав стали носить открытый характер. Так, за отказ выйти на замену заболевшему или попавшему на карантин коллеге «прогул сделают, ползарплаты лишат сразу» (муж., 44 года, станочник).

Отношение к вакцинации. К третьему этапу исследования разговоры о необходимости соблюдения противоковидных мер на рабочем месте стихли. Информанты, сравнивая «потери после первой волны и второй волны, когда знакомые от ковида поумирали», приходили к выводу, что противоковидные меры «ничего не дали, и смысла нет их вводить» (муж., 33 года, борттехник). Основные споры развернулись вокруг прививочной кампании. Отношение к ней зависело от сложившейся на предприятиях общей атмосферы. Чем более зависимым было положение рабочих, тем негативнее они реагировали на требование сделать прививку. Помимо естественного страха перед новым препаратом, участники испытывали административное давление. Им угрожали увольнением, лишением премий и отправкой в неоплачиваемый отпуск. На некоторых предприятиях прошли показательные собрания коллективов, к которым все должны были «сдать сертификаты. И тех, у кого нет, их всех проводили домой – уже реально не допустят до работы» (жен., 46 лет, весовщица).

Сделавшие прививку рабочие не считали её эффективной защитой от коронавируса. Для них она была способом сохранить рабочее место. Участников раздражало, что мастера постоянно заносят их в различные списки по поводу вакцинации, даже если они её прошли. В отделах кадров объясняли, что во избежание крупных штрафов за отсутствие нужного количества вакцинированных они ведут несколько вариантов отчётности. Мягкий вариант заключается в том, что при низком числе привившихся подробно расписываются группы претендентов на медотвод. Средний вариант предусматривает то же низкое число привившихся вместе с высоким процентом имеющих антитела или болевших в последние полгода COVID-19. Наконец, жёсткий вариант делил работников на вакцинированных, официально переболевших и не прошедших вакцинацию. В любом случае от сотрудников требовалось либо принести сертификаты, либо заручиться необходимыми медицинскими справками. Озадачиваться сбором последних не хотели даже те, кто имел хронические заболевания или неофициально болел коронавирусом: «Нам было не до этого, нам было

всё равно. Тут уже на авось» (муж., 34 года, слесарь-сборщик). 40 из 75 информантов, т.е. половина, привились к осени 2021 г.

Целенаправленно организацией прививочной кампании занимались только крупные предприятия. Там, где сохранились медицинские пункты, устраивалась выездная вакцинация. Заводчан из районов области на служебных автобусах привозили в Ульяновск. На предприятиях проводили разовые розыгрыши лотерей и выписывались премии. Но, по мнению информантов, материальные стимулы были слишком незначительны, чтобы побудить к прививке. Так, на одном из заводов главным призом лотереи служил сотовый телефон. Рабочие в шутку замечали, что решатся на вакцинацию, «когда будут квартиры за прививки давать», ссылаясь на московский опыт (муж., 42 года, клёпальщик). Вакцинацию затрудняла необходимость подписания прямо на предприятии официального согласия на неё. Где-то для этого была придумана похожая на договор форма, где-то это согласие напоминало анкету с тремя выборами – прививка, тестирование на антитела, отказ от прививки. Многие выбирали пункт «Я прохожу тест на антитела», потому что «нет» писать было нельзя, «да» никто не хотел. И вот третий вариант был единственным оставшимся» (муж., 21 год, шлифовщик). На малых предприятиях не требовалось подписывать согласия, работники оттуда отправлялись за прививкой в поликлинику и в интервью рассказывали о многочасовом ожидании в очереди. В их отношении к вакцинации сошлись недовольство позицией работодателей, не желавших слушать о добровольности прививки, а также раздражение системой здравоохранения.

Маски и карантины в определённой степени объединили рабочих с руководством. И те, и другие были настроены к ним критично. Вакцинация, напротив, способствовала усилению конфликтных настроений. Рабочие выплёскивали на бригадиров и мастеров негативное отношение к прививке. Информанты считали, что вакцинация плохо продумана. Они приводили примеры того, что их привившиеся товарищи болели коронавирусом так же, как и не привившиеся. Но главное заключается в том, что вакцинация никак не снизила тревожность и не дала рабочим уверенности в том, что «ты в 40 лет в ящик не сыграешь» (муж., 40 лет, обивщик). Наоборот, то спадающая, то возрастающая интенсивность прививочной кампании усугубляла волнение. Информанты наблюдали, как руководство приостанавливало вакцинацию, если у кого-то из работников фиксировались серьёзные осложнения. Но «недели не прошло, как женщине стало плохо (тогда с больницы приезжали, делали прививку), мастер ко мне подходит: “Иди, делай!”» (муж., 44 года, станочник). Откладывание вакцинации под предлогом прохождения теста на антитела тоже давалось психологически тяжело из-за ожидания того момента, когда начальство жёстко поставит вопрос о наличии прививки. К тому же на некоторых предприятиях отказывались оплачивать тестирование тем, у кого антитела по факту не обнаруживались. Таких сотрудников записывали в разряд уклоняющихся от вакцинации и грозили недопуском к работе.

Обсуждение результатов и выводы. Противоковидные мероприятия на местах не отличались системностью и продуманностью. Предписанные промышленным предприятиям меры оказались сложно выполнимыми и встретили неприятие со стороны рабочих. Они воспринимались как новая форма социального контроля, ещё больше сужавшая свободу трудового поведения. Специфика Ульяновской области в том, что с противоковидными ограничениями рабочие сталкивались в основном у себя на предприятиях. В то время как контроль в общественных местах и на транспорте был слабо реализован. Работодатели прибегали исключительно к негативным механизмам внедрения противоковидных мер: угрозы, штрафы, наказания, – что вызывало реакцию сопротивления. В отношении масок это выражалось в формальном соблюдении санитарных требований на проходных и их игнорировании в остальное время. Что касается карантина, рабочие утаивали от руководства симптомы простудных заболеваний и отказывались сообщать о фактах заболевания среди родственников.

Позиции руководства и рабочих в части масок и карантина в значительной степени совпадали. И те, и другие не были довольны карантинами и масочным режимом, старались

минимизировать необходимость их соблюдения лишь периодами проверок. В данном случае рабочие разделяли стремление администрации продолжить деятельность предприятия и выплату заработной платы даже с нарушением стандартов безопасности. Вакцинация показала более выраженное сопротивление. Недовольство ей вылилось в пререкания с бригадирами и мастерами, оттягивание сроков вакцинации. Но не вызвало солидарных попыток защиты прав, например, посредством профсоюзов. Рабочие демонстрировали патерналистскую модель поведения, полагая, что руководство предприятий должно отстаивать добровольность вакцинации перед нажимом органов власти.

Несмотря на определённые признаки солидаризации в начале пандемии, на деле противоковидные меры способствовали снижению сплочённости в коллективах. Рабочие старались обходить тему коронавируса в разговорах между собой, не организовывали денежных сборов для помощи в лечении. Снизилась их готовность меняться сменами с заболевшими, и особенно с отправленными в карантин товарищами, брать за них дополнительную производственную нагрузку. Остракизму могли подвергаться как те, кто тяжело перенёс COVID-19, так и те, кто старался соблюдать масочный режим. Противоковидные меры ухудшили отношение рабочих к руководству. Хотя рабочие присоединились к практикам показного соблюдения мер, они видели в их формальном характере свидетельство пренебрежения своим здоровьем со стороны администрации. У многих участников окрепло убеждение, что для предприятия они являются легко восполняемым ресурсом. Карантины показали готовность работодателей перетасовывать коллективы, отправлять рабочих на производственные участки, которые не соответствовали их квалификации или имеющемуся опыту работы.

Противоковидные меры, даже те, от которых на предприятиях быстро отказались, имели долгосрочные последствия. В частности, контроль над выполнением масочного режима приводил к установке систем видеонаблюдения, в дальнейшем они использовались для мониторинга рабочего времени и фиксации опозданий, перекуров и прочее. На предприятиях и после отмены карантинов сохранилась практика переработок и вынужденная сверхзанятость. Временное замещение ряда позиций вылилось в формат «оптимизации персонала», когда рабочим предлагали остаться на местах, куда они первоначально были переведены на время, как единственно возможный вариант трудоустройства. Кроме того, выросла популярность занятости в неформальном секторе, где противоковидные меры не соблюдались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Интеллигенция в новой реальности: сборник статей XXII Международной теоретико-методологической конференции, РГУ, 30 сентября – 1 октября 2021 г. / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2021.
- Капелюшников Р.И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда: препринт WP3/2021/09. М.: ВШЭ, 2021.
- Образ жизни: как коронавирус изменил повседневность / Рук. авт. кол. А.А. Ослон; А.И. Боброва, К.П. Глазков, Е.С. Закутина, Г.Л. Кертман, И.Г. Осипова, А.С. Рейнюк. М.: Ин-т ФОМ (инФОМ), 2022.
- Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 315–339.
- Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19: потребности и меры поддержки / Центр перспективных управленческих решений. М.: ЦПУР; Общероссийский гражданский форум, 2020.
- Романович Н.А. Две половинки одного народа: как малый бизнес не соблюдал ограничительные меры // Краш-тест малого бизнеса. Уроки и последствия первой волны пандемии (сб. докладов объединенной межрегиональной группы 24 исследовательских компаний по итогам инициативного исследования состояния малого бизнеса в период самоизоляции). Препринт. М., 2020. С. 113–126.

Статья поступила: 11.05.22. Финальная версия: 05.07.22. Принята к публикации: 08.07.22.

ATTITUDES TOWARD CORONAVIRUS PROTECTION MEASURES IN ENTERPRISES (on the Example of the Ulyanovsk Region)

ANDREEVA Ju.V.*, LUKYANOVA E.L.*

*Ulyanovsk State University, Russia

Julija V. ANDREEVA, *Cand. Sci. (Ps.), Assoc. Prof.* (yulia.andre@gmail.com); Evgeniya L. LUKYANOVA, *Lecturer* (lukyanova.jenya@gmail.com). Both – Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-04-60221 «Strategies for Workers' Behavior in the Labor Market in Difficult Epidemiological Situation».

Abstract. The paper explores anti-COVID restrictions in Russian enterprises. It based on a series of qualitative interviews conducted with workers and experts as part of a longitudinal study in 2020–2021 in the Ulyanovsk region. We focus on three key aspects: quarantine, mask wearing and vaccination, showing the attitudes of workers towards these measures, the degree of their acceptance or resistance to them. We conclude that restrictions were largely ineffective, but they allowed employers to increase control over staff and led to violations of labor rights. Coercion rather than persuasion served as the primary tool for promoting anti-COVID measures. The workers did not relate the implementation of these measures to occupational safety or management's concern about their health, but expressed a growing feeling of powerlessness. Anti-COVID restrictions are perceived to have reduced staff cohesion and caused conflicts between workers and management. Informants criticized both the content of the measures and the non-systemic manner of their implementation. The paper traces how long the anti-COVID measures lasted, and what were the reasons for their cancellation.

Keywords: COVID-19, industrial enterprises, workers, anti COVID-19 measures.

REFERENCES

- Kapeliushnikov R.I. (2021) *Anatomy of the Coronocrisis through the Lens of the Labor Market Adjustment: Working paper WP3/2021/09*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Oslo A.A. (eds) (2022) *Lifestyle: how the Coronavirus Changed Everyday Life / A.I. Bobrova, K.P. Glazkov, E.S. Zakutina, G.L. Kertman, I.G. Osipova, A.S. Reynyuk*. Moscow: Institut FOM (inFOM). (In Russ.)
- Podvoyskiy D.G., Spirkina A.K. (2021) "Masked" and "Gloved" Society Under the Microscope of the Sociology of Everyday Life: A Quick Look. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 315–339. (In Russ.)
- Romanovich N.A. (2020) *Two Halves of One Nation: How a Small Business Did Not Comply with Restrictive Measures*. In: *Small Business Crash Test in Lessons and Consequences of the Pandemic First Wave (24 Research Companies Joint Interregional Group Reports Collection Based on the Results of an Initiative Study of the Small Business State during the Period of Self-isolation)*. Moscow: 113–126. (In Russ.)
- The Situation of Vulnerable Groups during the Spread of COVID-19: Needs and Support Measures*. (2020) Moscow: TsPUR; All-Russian Civil Forum. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2021) *Intelligentsia in New Reality: a collection of articles of XXII International Theoretical and Methodological Conference, RSUH, September, 30 – October, 1 2021*. Preprint. Moscow. TsSP i M. (In Russ.)

Received: 11.05.22. Final version: 05.07.22. Accepted: 08.07.22.

Н.Э. ГУРБАНОВА

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЗАНЯТОСТЬ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ КИТАЯ

ГУРБАНОВА Наталья Эльдаровна – научный сотрудник, Цзилиньский университет, Чанчунь, Китайская Народная Республика (natalia_gu@jlu.edu.cn).

Аннотация. Влияние пандемии COVID-2019 существенно варьируется в разных группах стран в зависимости от уровня их социально-экономического развития и от типа национальной антиковидной политики. Автор рассматривает особенности социальных последствий кризиса, вызванных пандемией COVID-9, в странах догоняющего развития на примере КНР, где в 2020–2022 гг. осуществлялась искусственная изоляция, вызванная политикой нулевой терпимости к пандемии. Анализируются материалы проведенного автором социологического опроса ($N = 4842$) по случайной выборке в двух городах северо-восточных провинций КНР, граничащих с Приморским краем РФ и существенно зависящих от экономических связей с Россией, резко сократившихся во время пандемии. Выявлены многие специфические изменения в занятости населения: широкие масштабы снижения уровня жизни (у почти 2/3 респондентов), массовые увольнения (более 1/4), усиление гендерного неравенства. Особо негативно влияние пандемии на занятость и качество жизни неофициально трудоустроенных.

Ключевые слова: занятость населения • пандемия COVID-19 • страны догоняющего развития • неформальная занятость • гендерное неравенство

DOI: 10.31857/S013216250020649-6

Влияние пандемии COVID-2019 значительно изменило жизнь современного общества, построенного, в частности, на активных межгосударственных экономических связях, которые при пандемии резко сократились. Так, в 2020 г. под влиянием пандемии уровень занятости снизился во многих странах, включая Норвегию (–10,9%), Австрию (–12,2%), Испанию (–24,1%). В КНР уровень занятости по стране по состоянию на конец 2020 г. также характеризовался негативной тенденцией, но, казалось бы, гораздо меньшей (лишь –0,3%) [Coates et al., 2020: 14–17]. Однако имеющиеся данные отражают ситуацию с официальной занятостью, а оценить влияние пандемии с поправкой на неформальную занятость, очень широко распространенную в современном Китае, пока не представляется возможным.

Пандемия оказала шоковое влияние на занятость в разных аспектах. Прежде всего, в условиях пандемии COVID-19 рост безработицы способствует снижению доходов и ухудшению уровня жизни людей, оставшихся без работы. Пандемия выявляет или увеличивает разрыв между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами. Особенно негативное влияние она оказала на индустрию гостеприимства (в частности, отельно-экскурсионный бизнес, ресторанный бизнес, розничную торговлю, индустрию здоровья и красоты), выступающую основой социально-экономического развития приграничных территорий многих стран с догоняющим развитием. Руководство предприятий данной индустрии, где преобладает неформальная занятость, в подобных условиях часто сокращает штат и снижает зарплаты, что ведет к падению благосостояния. В результате усугубились многие ранее существовавшие гендерные неравенства на рынке труда [Yavorsky et al., 2021: 176; Cook, Grimshaw, 2021: 215].

В странах догоняющего развития, к числу которых относится КНР, уровень жизни населения в высокой степени зависит от экономической конъюнктуры. Это особенно проявляется в приграничных городах, специализирующихся на туристической деятельности и торговле со странами-соседями, которые в огромной степени определяет их

социально-экономическое развитие. В приграничных городах в силу их особой экономической специализации особенно высока зависимость от стабильности связей с зарубежьем. В условиях закрытия в 2020 г. границ между Россией и Китаем и постоянно возникающих массовых карантинных в КНР проблема занятости населения приграничных территорий стала крайне острой.

Положение работников в приграничных регионах усугубляется также в связи с преобладанием в них неформальной занятости. Неформально занятые – часть трудоспособного населения, которая ведет свою трудовую деятельность без официального оформления трудоустройства. Многие китайские работодатели предпочитают привлекать сотрудников на постоянную и сезонную работу без заключения трудового контракта, что освобождает работодателя от необходимости делать соответствующие взносы в фонды социального обеспечения и страхования, а также от прочей ответственности. Работники предпочитают неформальную занятость, поскольку это позволяет получать «на руки» более высокую оплату труда (без соответствующих вычетов), а затем эти сотрудники могут самостоятельно сделать выбор, приобретать ли страховой полис или вносить вклад в пенсионный фонд накопления. По неполным данным Международной организации труда, в 2013 г. доля неофициально занятых в китайской экономике составляла в среднем 32,6%¹ [Women and men, 2013: 8]. Неформальная занятость является распространенным явлением в Китае в сферах услуг (торговля, туризм, ресторанный бизнес, индустрия здоровья и красоты), а потому на приграничных территориях доля неформально занятых особенно высока.

Автор статьи предприняла попытку с помощью социологических методов выявить влияние пандемии на занятость приграничного населения КНР.

В ходе исследования проверялись следующие гипотезы о влиянии ковидпандемии:

- она привела к сокращению занятости и уровня материального благосостояния (H1);
- пандемия привела к усилению гендерного неравенства в занятости (H2);
- она способствовала ухудшению удовлетворения индивидуальных потребностей (H3).

Для проверки гипотез использовался социологический опрос жителей городов Хуньчунь и Суйфэньхэ. Выбор обусловлен их расположением в приграничных районах Северо-Восточного Китая, граничащих с Россией (Приморским краем)² и существенно зависящих от экономических связей с Россией, резко сократившихся во время пандемии. В обоих городах в занятости преобладают неофициально трудоустроенные (неформально занятые). Выборка исследования составила 5% от генеральной совокупности жителей двух приграничных городов (около 100 тыс. человек³). Для Хуньчуна собрано 2919 анкет,

¹ В исследовании МОТ данные ограничены только шестью крупными городскими районами КНР (Фучжоу, Гуанчжоу, Шанхай, Шэньян, Ухань и Сиань). В более мелких поселениях доля неформально занятых, скорее всего, существенно выше. Есть оценки, что в КНР примерно половина городской занятости является неформальной.

² Хуньчунь (название города переводится с маньчжурского как «Приграничье») граничит с южной частью российского Приморского края, а Суйфэньхэ (город вырос в начале XX в. из станции КВЖД) – с западно-центральной частью Приморского края. Граница с этими городами была закрыта Россией 30 января 2020 г., по состоянию на июль 2022 г. ее работа продолжается в ограниченном режиме (допускаются лишь грузовые транспортные средства). Эти небольшие города считаются пунктами «Нового шелкового пути» – широкомасштабной программы развития транс-евразийских экономических связей. Для понимания огромной роли китайско-российских отношений в этом регионе надо отметить, что Суйфэньхэ стал в 2014 г. первым городом КНР, где разрешено свободное хождение иностранной валюты (российского рубля) наравне с национальной.

³ Генеральная совокупность жителей города Хуньчунь в возрасте 25–49 лет на конец 2020 г. составила 58 380 человек, а Суйфэньхэ – 38 460, согласно официальной статистике (Отчет о социально-экономическом развитии г. Хуньчунь в 2020 г. URL: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjgb/ndgb/202106/t20210609_8099652.html; Отчет о социально-экономическом развитии г. Суйфэньхэ в 2020 г. URL: <http://www.suifenhe.gov.cn/zfxgk/contents/4359/112759.html>).

для Суйфэньхэ – 1923, общее количество анкет – 4842⁴. Социологический опрос проводился в январе – марте 2022 г. в сотрудничестве со службами общественного обслуживания этих двух приграничных городов и привлечения участников в группах WeChat.

В результате исследования обнаружено, что в период пандемии 13,3% респондентов испытали сокращение заработной платы, 26,7% были уволены. Занятость осталась стабильной только у трети (33,3%). Среди же других 2/3 (66,7%) респондентов, которые испытали негативное влияние пандемии на занятость, почти 3/4 (72,4%) – это неофициально трудоустроенные. Гендерная структура тех, чей статус занятости ухудшился, очень асимметрична – 62,7% женщин и 37,3% мужчин. Для мужчин влияние пандемии на занятость проявилось в преобладающей тенденции к вынужденному отпуску без сохранения оплаты труда (50,1%). Это связано с неформальной китайской традицией сохранять на производстве, связанном с физическими нагрузками, в первую очередь кадры именно мужчин как более выносливых работников, а также и с высоким желанием самих мужчин как социально ответственных за благосостояние семьи оставаться трудоустроенными (пусть и без зарплаты). Для женщин влияние пандемии на занятость в большинстве случаев выразилось в увольнении (42,8%), реже – в сокращении заработной платы (28,6%). Причиной увольнения женщин, помимо решения работодателя, также служил собственный выбор женщин в пользу ухода за детьми на домашнем обучении в периоды многочисленных локдаунов⁵. Среди всех респондентов большинство, 63,2%, отметили снижение уровня их жизни, у 28,1% уровень жизни не изменился, лишь у 8,7% он вырос. Усиление гендерного неравенства отражено в табл. 1: хорошо видно, например, что доля попавших под увольнение женщин (42,8%) более чем втрое выше, чем мужчин (12,5%).

Таблица 1

Гендерная асимметрия изменений в занятости в период ковидпандемии, %

Изменения занятости	Мужчины	Женщины
Занятость осталась стабильной	37,4	28,6
Сокращение заработной платы	0,0	28,6
Отпуск без сохранения оплаты труда	50,1	0,0
Увольнение	12,5	42,8

При опросе респондентам, испытывавшим изменения в занятости во время пандемии, было предложено также ответить на вопросы относительно степени своей удовлетворенности (с вариантами ответов «да/нет») по каждой из потребностей по пирамиде Маслоу до и после начала пандемии. По данным опроса, для столкнувшихся с негативными

⁴ Изучалась случайная выборка респондентов, проживающих в городах Хуньчунь и Суйфэньхэ и имевших по состоянию на конец 2019 г. статус занятых. При опросе использовался фильтр уникальности IP-адреса для исключения повторного участия в опросе. В ходе опроса участникам был задан вопрос о виде занятости с вариантами ответа «официальное трудоустройство» и «неофициальное трудоустройство». Выявлено, что 90,2% респондентов являлись до начала пандемии (т.е. до января 2020 г.) неофициально занятыми. Анкета, используемая в исследовании, размещена по ссылке <https://www.wenjuan.com/s/UZBZJvZmd9/>. При анализе результатов забракованы неэффективные анкеты (1%, 51 единица), аналитические результаты далее представлены на основе обработки 4791 анкеты. Гендерная структура выборки – 59,6% мужчин и 40,4% женщин, что несколько отличается от структуры работоспособного населения в регионе (примерно 52% мужчин и 48% женщин).

⁵ В Китае дошкольные и школьные образовательные заведения в период локдаунов переводили детей на дистанционную форму обучения в соответствии с требованием Министерством образования КНР о непрерывности учебного процесса (принцип «тин кэ бу тин сюэ» – «прекращение занятий без прекращения учебы»), что требовало контроля и помощи со стороны родителей, чаще всего матери. Образовательная реформа 2021 г. (снижение нагрузки учащихся и закрытие внешкольных репетиторских образовательных центров) не избавляла от необходимости подготовки детей к контрольным тестам и экзаменам для перехода на следующую ступень образования, что вело к необходимости тщательного домашнего руководства родителей над учебой детей (это в китайских семьях также часто становится бременем именно для матерей).

Таблица 2

**Корреляции по Пирсону между изменением занятости во время ковидпандемии
и характеристиками респондентов**

Характеристики респондентов	Корреляция с изменением статуса занятости
Корреляции с социально-демографическими характеристиками	
Возраст	-0,634 (0,015**)
Образование	-0,267 (0,356)
Пол	-0,233 (0,423)
Корреляции с удовлетворением потребностей и уровнем жизни	
Субъективная оценка уровня жизни	0,463 (0,096*)
Удовлетворение потребностей в самовыражении	0,355 (0,195)
Удовлетворение потребностей в принадлежности к социальной группе	0,314 (0,254)
Удовлетворение физиологических потребностей	0,206 (0,267)

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки *p-value*; ** и * представляют значимость на уровне 5% и 10% соответственно.

изменениями в занятости в период ковидпандемии свойственно наиболее значительное сокращение уровня удовлетворения потребностей в уважении и признании (67% отметили снижение удовлетворенности), в безопасности (60%) и в принадлежности к социальной группе (55,6%). Менее выражено влияние пандемии на потребности в удовлетворении физиологических нужд⁶ (49,7%) и в самовыражении (51,2%).

Для понимания взаимосвязи между статусом занятости и другими характеристиками респондентов рассчитывались индексы корреляции по Пирсону (табл. 2)⁷.

Прежде всего, отмечена сильная отрицательная связь между состоянием статуса занятости после пандемии и возрастом (-0,634), но более слабая связь – с образованием (-0,267) и с полом (-0,233). Оценка значимости результатов по показателю *p-value* позволяет сделать вывод о наиболее высокой статистической значимости зависимости изменений в занятости и возрасте: чем старше работники, тем чаще происходили увольнения и иные негативные изменения в их занятости в период пандемии COVID-19.

Положительные корреляции средней силы были выявлены также между изменением статуса занятости и субъективным уровнем жизни респондентов (0,463), а также уровнем удовлетворения их потребностей в самовыражении (0,355) и принадлежности к социальной группе (0,314). Это свидетельствует о том, что в период пандемии респонденты, у которых происходили негативные изменения в занятости, имели заметно меньше возможностей для удовлетворения потребностей в самовыражении и в собственной включенности в социальную группу, что может быть вызвано ограничительными мерами на социальные

⁶ В анкете задавался вопрос об удовлетворенности питанием.

⁷ Результаты корреляции получены путем расчёта в приложении SPSS PRO после перевода качественных результатов тестирования в количественные. Гендерные различия кодировались: мужчины – 1; женщины – 2. Образование респондентов измерялось на основе выбора респондентами из предложенных ответов: начальная школа, среднее неполное, среднее полное / среднее полное техническое, высшее (колледж), высшее (бакалавриат), аспирантура. При расчёте корреляции эти образовательные характеристики также переводились в количественный формат. Состояние занятости измерялось на основе ответов на вопрос «Произошли ли изменения в вашей занятости после начала пандемии по сравнению с допандемийным периодом?» с вариантами ответов, фиксирующих разные степени ухудшения статуса занятости (занятость осталась неизменной – 1, понижение зарплаты – 2, уход в неоплачиваемый отпуск – 3, увольнение – 4). Значение коэффициента средней меры ICC (1, k) составляет 0,64 (находится в диапазоне от 0 до 1, ближе к 1, что свидетельствует о том, что можно доверять результатам). Поскольку в нашем случае имеют место качественные данные, такое значение указывает на хорошую надёжность результатов.

контакты и изолированностью индивидов от социального пространства. Трудовая деятельность позволяет людям не только чувствовать себя частью общества, но и реализовывать собственный творческий потенциал, внося свой вклад в развитие предприятия и экономики в целом. Поэтому ограничение трудовой деятельности при пандемии снижало удовлетворенность потребностей в самовыражении.

Положительная корреляция, но более слабая, выявлена также между изменением статуса занятости респондентов и удовлетворением физиологических потребностей (0,206). Это показывает, что в период пандемии те респонденты, которые столкнулись с увольнением, снижением заработной платы или уходом к неоплачиваемый отпуск, нередко не могли сохранить удовлетворение физиологических потребностей в питании на том же уровне, как до пандемии. Поскольку индекс корреляции по Пирсону низок, такое ухудшение питания было для страдающих от потери занятости не типичным.

Другие корреляции оказались незначимыми. Важно отметить, в частности, что изменение статуса занятости практически не оказало влияния на ощущение респондентами собственной безопасности и защиты, что обусловлено активной государственной антиковидной политикой. В КНР для обеспечения социальной безопасности в периоды локдаунов государство проводило активную работу по поддержке населения, поощряя муниципалитеты поддерживать граждан, например, выдавая продуктовые наборы (включающие овощи и лекарства) для тех, кто прошел тест на нуклеиновые кислоты. В то же время активная пропаганда и формирование образа крупной державы, в которой каждый гражданин обязан обеспечивать эпидемиологическую безопасность, а также противопоставление в целом положительной ситуации в стране тяжелой ковидной ситуации за рубежом, позволило сформировать у населения образ Китая как наиболее безопасной страны в мире в пандемическую эпоху.

Итак, результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что пандемия привела к сильному сокращению занятости и уровня благосостояния жителей. Изменения на фоне возникшего кризиса, связанные с увольнениями и сокращениями заработной платы, в определенной степени оказали влияние и на субъективное восприятие респондентами уровня своей жизни, непосредственно связанного с их благосостоянием. Исходя из этого, можно признать подтвержденной гипотезу H1.

В ходе исследования установлено наличие связи между полом респондентов и состоянием статуса занятости в период пандемии COVID-19: с негативным влиянием пандемии на занятость чаще сталкивались женщины, чем мужчины, что усиливало гендерное неравенство. Это подтверждает гипотезу H2.

Опрос жителей, которые испытали негативные изменения в статусе занятости в период пандемии, позволил выявить, что она способствовала ухудшению удовлетворения их потребностей и снижению субъективных оценок качества жизни. В то же время важно отметить, что 50,3% опрошенных не признали, что степень удовлетворения их физиологических потребностей (в питании) каким-либо образом изменилась. Это можно объяснить тем, что менталитет китайского этноса предполагает наличие сбережений или иной «финансовой подушки безопасности» для противодействия кризисным ситуациям, а также способностью работоспособного населения моментально реагировать на неблагоприятные факторы внешней окружающей среды, меняя своё поведение и привычки. Итак, гипотеза H3, что пандемия способствовала снижению степени удовлетворения индивидуальных потребностей, тоже подтверждена.

Привлечение для участия в опросе неофициально трудоустроенных, данные о которых не учитываются в официальной статистике, позволило более полно представить картину влияния пандемии на китайское общество. Между тем действующая в Китае политика защиты занятости, как и во многих других странах догоняющего развития с высоким уровнем неформальной занятости, практически не распространяется на неофициально трудоустроенных, хотя именно среди них больше всего пострадавших от пандемии. В приграничных городах Китая, где высока занятость в сфере услуг (торговля, туризм и т.д.) с доминированием неформальной занятости над формальной, необходимо

выстраивать последовательный курс политики социальной стабильности с учётом фактического состояния занятости для помощи социально уязвимым слоям населения и предоставления им гарантий поддержки базового уровня жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Coates B., Cowgill M., Chen T., Mackey W. Shutdown: estimating the COVID-19 employment shock. Melbourne: Grattan Institute, 2020.
- Cook R., Grimshaw D. A gendered lens on COVID-19 employment and social policies in Europe // *European Societies*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 215–227.
- Women and men in the informal economy: a statistical picture. Second edition. Geneva: International Labour Office, 2013.
- Yavorsky J.E., Qian Y., Sargent A.C. The gendered pandemic: The implications of COVID-19 for work and family // *Sociology Compass*. 2021. Vol. 15. No. 6. P. 128–181.

Статья поступила: 18.06.22. Финальная версия: 17.07.22. Принята к публикации: 18.07.22.

IMPACT OF THE COVID-2019 PANDEMIC ON THE BORDER TERRITORIES POPULATION EMPLOYMENT

GURBANOVA N.E.

Jilin University, Changchun, China

Natalia E. GURBANOVA, postdoctoral researcher, Jilin University, Changchun, China (natalia_gu@jlu.edu.cn).

Abstract. The impact of the COVID-2019 pandemic varies significantly across different groups of countries, depending on their level of socioeconomic development and the type of national anti-COVID policies. The author considers the features of the social consequences of the covid-crisis in catch-up countries using the case of China, where in 2020–2022 an artificial isolation was effected as a part zero tolerance policy. The study is based on a sociological survey conducted by the author (N = 4842) using a random sampling in two cities of the Northeastern provinces of the PRC, bordering the Primorsky Territory of the Russian Federation, and significantly dependent on economic ties with Russia sharply decreased during the pandemic. Many specific changes in employment of the population were revealed: a general decline in the standard of living (almost 2/3 of the respondents), mass layoffs (more than a quarter), increase in gender inequality. It was found that the impact of the pandemic on employment and quality of life is especially negative for China's informally employed population.

Keywords: employment, COVID-2019 pandemic, covid-crisis, catch-up countries, informal employment, gender inequality.

Received: 18.06.22. Final version: 17.07.22. Accepted: 18.07.22.

© 2022 г.

Р.Х. СИМОНЯН

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: РОЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия (simonyan.renald@yandex.ru).

Аннотация. Территориальные аспекты социальных процессов, являющиеся предметом изучения социологии пространства, становятся все более актуальными для нашей страны в связи с расширением хозяйственных связей между Западом и Востоком и возрастанием значения территории России, соединяющей Евросоюз и страны Азиатско-Тихоокеанского региона – основных бенефициаров будущей экономической интеграции Европы и Азии. С позиции социологии пространства в статье рассматривается геостратегический потенциал России как одного из основных участников этого процесса. Возникшее на фундаменте европейской культуры Российское государство развивалось в процессе тесного взаимодействия с азиатскими культурами, что определяет особую роль российского социального пространства как контактной зоны для будущего объединения Европы и Азии в социально-экономически единый мега-континент. Для самой России это означает, что у нее появляется перспектива конвертировать в хозяйственные результаты свой уникальный опыт многовекового сосуществования различных цивилизаций и культур, а также свое географическое преимущество – двухконтинентальность.

Ключевые слова: социология пространства • евро-азиатская интеграция • социальное пространство России • культурный ресурс интерактивных процессов

DOI: 10.31857/S013216250019856-4

Основоположителем изучения территориальных особенностей общественных процессов является Г. Зиммель, автор статьи «Социология пространства» (1903 г.). Развитием этого направления позже занимались многие социологи: П. Сорокин, исследовавший разнородность пространств, их сопряжение с социальной системой; П. Бергер и Т. Лукман, акцентирующие роль культурной компоненты социального пространства; П. Бурдьё, рассматривавший государство как социальное пространство особого рода; А.Ф. Филиппов, сделавший подробный анализ работ по социологии пространства [Филиппов, 2008]. Тем не менее «пространство никогда не занимало достойного места в социологической мысли» [Lechner, 1994: 96]. Острый интерес к территориальным аспектам социальной жизни возник только в конце XX в. в связи кризисом современного этапа глобализации, как реакция на стирание региональных и национальных различий. «Социология становится географичной» [Therborn, 2021: 657], поскольку национальная и региональная специфика все настойчивее дают о себе знать [Alexander, 2000: 98]. 30 лет назад А. Лефевр писал, что «науки, которые занимаются пространством, поделили его между собой соответственно упрощенным методологическим постулатам: географическое, экономическое, историческое и т.д.» [Lefebvre, 1991]. Лишь в последнее время

пространство начинают рассматривать как единое целое, где физический мир, социальные практики и национальные идеи соединяются в динамическом процессе.

Эти новые тенденции в полной мере касаются России, обладающей не только самой большой в мире территорией и разнообразием регионов, но и, что не менее важно, экономически выгодным соседством – с Евросоюзом и с Китаем. Качество соседства – важнейшая характеристика социального пространства. Сошлемся для примера на оценку лауреата премии им. А. Нобеля по экономике П. Кругмана, что если бы США и Канада не были соседями, то их внешнеторговый оборот был бы в 13 раз меньше [Krugman, 1992: 81]. Но изучение социологии пространства России до сих пор концентрируется только на разнообразии ее внутренних регионов. Между тем разнообразие ее соседей тоже является мощным фактором социально-экономического развития России, что хорошо видно по современным событиям. Автор попытается далее подробно проанализировать значение этого фактора, обращая основное внимание не на конфронтационные события последних лет, а на консолидирующие тренды будущих десятилетий.

Новый тренд экономической интеграции – от европейской к евро-азиатской. Сформировавшийся после распада СССР однополярный мир оказался недолгим. Идет движение мирового сообщества к новой многополярности, которое в решающей степени зависит от событий на территории Евразии. Речь идет, прежде всего, о процессах регионализации – экономическом объединении и социальном сближении соседних территорий, отправной точкой которых стала западноевропейская интеграция.

Необходимость объединения Европы для сохранения ее роли в мировом сообществе осознавали передовые общественные деятели России еще в XIX в. В ноябре 1884 г. С. Витте писал: «Вообразите, что вся Европа представляет собой одну империю, не тратит массу денег и труда на соперничество стран между собою, тогда Европа была бы гораздо сильнее, она являлась бы хозяином всего мира, а не дряхлая бы под неимоверной тяжестью взаимной вражды и междоусобных войн. Чтобы этого достигнуть, нужно установить прочные отношения между Россией, Германией и Францией. Тогда образуется общий континентальный союз.., иначе Европа и отдельные страны, ее составляющие, рискуют очень большими невзгодами» [Витте, 1960: 123]. Не прошло и 30 лет как это предостережение сбылось: в июле 1914 г. в Европе началась война, стоившая жизни почти 20 млн человек. Но потребовалась еще одна, более кровопролитная война, унесшая более чем вдвое больше жизней, прежде чем Западная Европа, утратившая в результате этих войн лидирующее положение в мире, признала, наконец, необходимость интеграции. Этот начавшийся в 1950-е гг. процесс не разрушил культурного своеобразия различных регионов и этносов Европы, но значительно усилил ее позиции в мировом хозяйстве и, соответственно, ее политическую роль.

Развитие процессов регионализации приводит к следующему этапу – к экономической интеграции всего Евро-Азиатского континента. В решении этой более масштабной и более сложной задачи огромная роль принадлежит России, перед которой встает ряд проблем, связанных с определением идентичности, места в новой конфигурации мира, выбором оптимальных форм участия в этом процессе.

Современная Евразия от Исландии до Чукотки – это 3/4 населения планеты, 2/3 мирового ВВП и 4/5 мировых энергетических запасов. Контроль над Евразией становится ключевой проблемой современной мир-системы и ее хозяйственного развития, что обосновывается в большинстве социально-политических теорий и подтверждается практикой. Именно на ее территории происходят в последние десятилетия основные события, определяющие новую конфигурацию мир-системы. Сложилась традиция считать «евро-азиатский континент зоной разворачивающегося геополитического и геокультурного противостояния между Западом и Востоком» [Freire, Kanet, 2010: 29]. В то же время глобальные вызовы, усиливающие рискогенность мир-системы, делают Евро-Азиатский мега-регион естественным и незаменимым пространством для снижения

риска столкновения цивилизаций и разрешения противоречий между Западом и Востоком [Нойманн, 2004].

С XVIII в. в общественном и научном дискурсах дихотомия Запад-Восток постоянно используется для описания различий между европейской (христианской) и азиатскими цивилизациями. Данная дихотомия является не столько географической, сколько культурологической, так как границы Запада и Востока очень условны. Исторически Азию относят к Востоку, а Европу, Америку и Австралию – к Западу. Да и восточные границы самой Европы, как культурные, так и географические, также являются в значительной мере условными [Конрад, 1972]. В то же время экономическая интеграция приобретает все более реальные масштабы с ростом объема товарооборота между Европой и Азией.

Неизбежность объединения Евро-Азиатского континента была высказана геополитиками задолго до эпохи глобализации. Академик В.И. Вернадский писал в 1920 г., что «Евразия в старом смысле слова подразделяется уже не на Европу и Азию, а является единым континентом, или собственно Евразией» [Вернадский, 1991: 178]. «Самым крупным и самым важным поворотом в современной мировой политике, – вторил Вернадскому уже в начале 1930-х гг. К. Хаусхофер, – несомненно, является формирование мощного континентального блока, охватывающего территорию Европы, Северной и Восточной Азии» [Хаусхофер, 2001: 269].

Еще раньше это было поэтически предсказано Р. Кипплингом в знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» (1889 г.), во время расцвета Британской империи и тотального господства Европы в мире, когда Восток находился в полной (колониальной или полуколониальной) зависимости от Запада. Констатируя цивилизационное противостояние в начале баллады («Восток есть Восток, Запад есть Запад, и с места им не сойти...»), британский поэт далее обосновывал свое предвидение о неминуемом их единстве: «Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, / Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает».

Прошло 130 лет, и Восток действительно стал по многим параметрам таким же сильным, как и Запад: Индия сравнялась с Великобританией по объему ВВП, Япония и Южная Корея занимают лидирующие позиции в мире по многим направлениям технического прогресса, а Китай, совершив за последние 40 лет мощный экономический рывок, постепенно догоняет США. Различия – национальные, родовые – в нынешнем глобализующемся мире все в меньшей степени являются преградами для сближения.

Особенности социальных пространств евро-азиатской интеграции. Процессы экономической интеграции Европы и Азии стали возможными только после окончания холодной войны, поскольку объединение частей материка требует определенного уровня их социальной гомогенности. Это было достигнуто с окончанием идеологического противостояния и переходом социалистических стран Восточной Европы и Азии к рыночной экономике. Жесткую регламентированность идеологической сферы, где компромиссы невозможны, как невозможны и региональные объединения противоборствующих государств, сменила экономическая, имплицитно содержащая в себе гибкость, договороспособность и компромиссы.

Тем не менее проблемы межкультурных отношений остаются существенными и многообразными. Они возникают в различных областях экономического сотрудничества (коммуникация и переговоры, использование персонала, предпочтения, маркетинг, принятие решений, процедура заключения договоров и т.д.). «Дифференцированность пространств возникает благодаря дифференцированности обществ, пространственная организация – это калька социальной организации» [Durkheim, 1960: 17]. К тому же выводу приходил П. Бурдьё, который рассматривал территорию государства как пространство социальных изменений, указывая на тенденцию «транслировать его в пространство физическое, так что все особенности социального пространства выражаются в физическом пространстве, присваиваемом как овеществленное социальное пространство» [Bourdieu, 2000: 134].

В процессе экономического сближения двух частей континента их культурные отличия проявляются особенно наглядно. Возникшие в Европе после войны интегративные процессы – внутрицивилизационные, они охватывают страны, принадлежащие к одной (христианской) цивилизации. Начавшаяся на полвека позже интеграция между Европой и Азией является межцивилизационной, поскольку в странах Евразии христианские ценности взаимодействуют с исламскими, буддистскими, индуистскими, конфуцианскими и многими другими.

Признаки хозяйственного объединения континента геополитики фиксировали с конца 1990-х гг., указывая в то же время на различия менталитетов европейцев и азиатов [Тросби, 2018]. В связи с этим, например, в документах, относящихся к экономическому сближению Азии и Европы, азиатские эксперты и политики избегают употребления термина «интеграция», который воспринимается как «слишком европейский», вызывающий аллюзии с «надгосударством». Ими чаще используется термин «регионализация», что вполне адекватно отражает суть происходящего процесса. Есть различия и в восприятии такой базовой ценности, как национальный суверенитет. В Европе значительно раньше, чем в Азии, произошла этнокультурная консолидация, закончившаяся образованием национальных государств. Если в общественном сознании Западной, а затем и Восточной Европы уже признана определенная ограниченность и экономическая неэффективность национального суверенитета, то Азия все еще находится в процессе его дальнейшего упрочения. Здесь идея интеграции сосуществует с идеей сильного *национального* государства, что трудно воспринимается европейцами, которые, в свою очередь, по мнению азиатов, злоупотребляют идеей *наднациональности*. В Азии делегирование части государственных функций наднациональным институтам пока еще неприемлемо, так как вызывает аллюзии колониализма. В отличие от европейской, евро-азиатская интеграция значительно менее универсальна, избирательна, с дозированным участием в сотрудничестве. Движение к экономической целостности Евразии осуществляется под строгим контролем правительств, с делегированием международным органам только некоторых экономических функций, что определяет осмотрительность и последовательность интеграционного процесса [Байков, 2007: 10].

Различия между Западом и Востоком отражены и в социальной динамике. Скорость общественных процессов в Азии соответствует неспешным ритмам Востока, контрастирующим с динамичностью Запада. Принятие управленческих решений на Востоке – длительный процесс, включающий ряд последовательных итераций. Это контрастирует с процессами европейской интеграции, приведшей ЕС к серьезным потерям «из-за периодических спазмов забегания вперед» [Байков, 2007: 11]. В частности, в 2000–2010-х гг. это стало причиной сначала глубокого финансового кризиса из-за поспешного расширения еврозоны, а затем миграционного кризиса, вызванного столь же поспешным расширением шенгенской зоны, что привело ЕС к расколу.

Впрочем, можно привести и позитивные примеры, характеризующие европейскую динамику, в том числе и в рамках сближения Запада и Востока. Так, договор о строительстве КВЖД протяженностью 2 537 км был подписан в Москве 3 июня 1896 г., и, несмотря на десятимесячный перерыв в строительстве, вызванный Боксерским восстанием, уже через 5 лет, 18 июля 1901 г., по трассе прошел первый поезд. Вклад России следует считать историческим: вместе с Транссибом это была первая железнодорожная магистраль, которая соединила Европу и Азию. Этот почин России в советскую эпоху продолжен строительством БАМа, а в XXI веке подхвачен Китаем. Летом 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином во время его визита в Казахстан была выдвинута идея создания скоростных сухопутных транспортных коридоров между Китаем и Западной Европой. Китайский мегапроект «Один пояс – один путь» (его называют также Новым шелковым путем) – это пока лишь широкомасштабный экспертный и политический дискурс, в котором помимо ЕС и КНР активными участниками являются страны, входящие

в ЕАЭС, ШОС и АТЭС. Россия входит во все эти международные объединения, а в ЕАЭС является инициатором и главным участником.

Транзитный потенциал российского социального пространства. Тенденции глобальных процессов показывают, что рост мировой торговли опережает рост мирового производства, а значение транспортных коммуникаций имеет тенденцию превзойти роль центров добычи сырья и промышленного производства.

В процессах создания региональных объединений доминирует принцип соседства – пространственный фактор, содействующий сотрудничеству и минимизирующий затраты на грузоперевозки. Путь равных по силе Запада и Востока навстречу друг другу, «лицом к лицу», осуществляется через Россию, которая соединяет двух важнейших акторов, формирующих новую конфигурацию современной мир-системы, – Евросоюза и Китая, что делает ее основополагающим элементом этого процесса.

Оценивая уникальность географического положения России, геополитики, начиная с Х. Маккиндера, определили нашу страну как «Хартленд» – «географическую ось истории», «осевое государство», «сердцевину», «мост», соединяющий гигантский Евро-Азиатский континент. По его мнению, еще в начале XX в. «колумбова эпоха» доминирования морских держав подходила к концу, геополитическая роль Хартленда должна была возрастать с развитием сети трансконтинентальных магистралей, которые составят конкуренцию флотам морских держав и приведут к превосходству континентальных держав над морскими. В январе 1904 г. в докладе Британскому географическому обществу Маккиндер утверждал, что «железные дороги играли, главным образом, роль приатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, чем в закрытых центральных районах Евро-Азии» [Маккиндер, 1904: 24–25]. Впоследствии он внимательно следил за ходом строительства Транссиба и КВЖД, подтверждающего практикой его концепцию [Романов, 1928: 32].

Для понимания важности создания скоростной сухопутной магистрали от Дальнего Востока до Западной Европы надо помнить, что в настоящий момент в торговле между Востоком и Западом всецело доминируют морские грузоперевозки. В 2021 г. российские перевозки по Транссибу составили лишь около 2% от объема грузопотоков через Суэцкий канал. Но с ростом товарооборота между Европой и Азией ситуация будет меняться.

Преимущества железнодорожных перевозок между странами АТР и ЕС связаны с относительно низкими транзитными возможностями Индийского океана, ограниченными пропускными способностями Малаккского пролива и Суэцкого канала. Рост величины судов-контейнеровозов уже достиг предела, их аварии в Суэцком канале (например, в марте 2021 г.) ведут к чудовищным пробкам. Сухопутные коммуникации более перспективны, поскольку кардинально сокращают сроки доставки грузов – с 35–45 до 4–5 суток¹. К этому можно добавить и большую безопасность сухопутной доставки грузов.

Транзит через Россию имеет два варианта. Первый связан с маршрутом Западный Китай – Казахстан – Россия – Западная Европа. Второй идет севернее, параллельно Транссибу, его преимущества – в заинтересованном участии еще одного из лидеров мировой экономики, Японии. Транзит через Россию имеет еще одно преимущество: КВЖД в Китае, как и железные дороги Монголии, Финляндии и всех постсоветских стран, находятся в пространстве «русской колеи» (1520 мм). По расчетам экономистов, оба варианта в течение 7–8 лет могут обеспечить окупаемость. Правда, существуют проекты и альтернативных южных вариантов нового евро-азиатского транспортного коридора – в обход России через Иран и Турцию [Симонян, 2019: 134–135].

Таким образом, в экономическом сближении Запада и Востока определяющим фактором становится железнодорожный транзит, что делает Россию «мостом»,

¹ Современные высокоскоростные магистрали – это электрифицированные двухпутные железнодорожные линии для эксплуатации поездов со средней скоростью не менее 300 км/час.

соединяющим в единое целое континент уже на практическом, операциональном уровне. У России появилась, наконец, возможность конвертировать свою двухконтинентальность в реальные экономические результаты, что требует развития транспортной инфраструктуры и поддержания добрососедских отношений с Казахстаном и центральноазиатскими странами, которые вместе с Россией образуют «сердцевину» Евразии. Бжезинский называл такие государства «геополитическими центрами, чье значение вытекает не столько из их силы, сколько из их местоположения» [Бжезинский, 2010: 55].

Зарубежные геополитики считают влияние России основным структурирующим компонентом региональных отношений с расположенными вдоль южных границ России постсоветскими странами, определяющими безопасность стержневой части материка. Так, профессор Лондонского Имперского колледжа Н. Контесси подчеркивает, что «государства этого региона по-прежнему смотрят на мир через призму России» [Contessi, 2015: 237].

Культурно-исторический потенциал российского социального пространства.

Международные хозяйственные отношения всегда имеют значимую (часто и решающую) социокультурную компоненту, поскольку экономическое взаимодействие между государствами – это не только логистика, безопасность, коммуникации, инфраструктурное обеспечение, но и, прежде всего, люди с их сознанием и деятельностью, обеспечивающие выполнение этих функций. В этой связи необходимо обратить внимание на одну из особенностей психологии русских как базового этноса России – на их высокую адаптивность к чужой культуре, умение существовать в многоцивилизационной среде. В процессе взаимодействия Запада с растущим экономическим и демографическим потенциалом Востока это качество будет особенно востребованным.

Русское государство, рожденное в Европе в IX в. и с принятием в X в. христианства вошедшее в европейское культурное пространство, никогда не прерывало связи с Европой. Заслуги России в победе над Наполеоном и Гитлером сделали ее роль одной из определяющих в политическом устройстве Европы, начиная с создания по инициативе Александра I в 1815 г. Священного союза до Ялтинского мира в 1945 г. И сегодня Россия, наряду с ЕС, формирует экономическое, политическое и культурное пространство Европы.

Располагаясь на восточных рубежах Европы, Россия в своей более чем тысячелетней истории постоянно взаимодействовала с азиатскими народами. Мусульманские (татары, башкиры, кавказские этносы) и буддистские (калмыки, буряты, тувинцы) народы, обладая территориями компактного проживания, не утратив идентичности, активно участвовали в общественной жизни России. Высокую роль в развитии России играли и представители западноевропейских народов (например, остзейские и поволжские немцы).

Социологи подчеркивают значение многообразия и интенсивности коммуникаций для формирования смыслового комплекса социального пространства, в единстве которого культурная компонента играет определяющую роль [Бергер, Лукман, 1995]. В этой связи следует обратить внимание на то, что многонациональность и многоконфессиональность России создали традиции гармоничного взаимодействия культур и цивилизаций. Просторы России всегда были местом диалога великих культур Европы и Азии (см., например, [Гумилёв, 1993]). По мере сближения Запада и Востока ценность уникального российского опыта будет возрастать.

Общепризнанным является вклад России в европейскую культуру. Но у нашей страны есть и другая не менее важная заслуга: осваивая азиатскую часть своей территории, Россия расширила европейское цивилизационное пространство до Тихого океана. Это дало основание одному из создателей Евросоюза Ш. де Голлю более чем полвека назад указать на необходимость продолжения процесса европейской интеграции до создания «Большой Европы – от Лиссабона до Владивостока».

Освоение азиатских территорий российскими землепроходцами, происходившее с XVI по XIX в., представляет разительный контраст с быстрой и жестокой колонизацией испанскими конкистадорами Южной и Центральной Америки и еще больший – с завоеванием европейцами Северной Америки, сопровождавшимся геноцидом местного

населения. При освоении восточных территорий (Сибири и Дальнего Востока) русскими экспедициям и казакам нередко приходилось применять силу, но в целом процесс присоединения к России огромной азиатской территории был относительно мирным. Христианизация языческих народов проходила без острых конфликтов, а буддистские и мусульманские конфессии не только полностью сохранили свое положение, но и получали государственную поддержку. Так, постройка мечетей и дацанов в Российской империи часто производилась за счет государственной казны. Это означало, что христианское государство относится с уважением к другим конфессиям, оказывает им помощь.

В контексте сближения Европы и Азии у России есть еще одно важное преимущество. Оно связано с тем, что как природные условия, так и пространственное расположение государства во многом определяют психологию его населения.

Россия, балканские и пиренейские государства, являясь приграничьем Европы, испытывали постоянное давление восточных соседей. Испания 700 лет находилась под полным или частичным владением арабов, более 500 лет балканские народы находились под властью Османской империи, Россия была под Золотой Ордой почти 250 лет. Приняв на себя удар с Востока, народы приграничья защитили географический центр Европы, ядро европейской цивилизации. Цена, которую заплатили эти народы, особенно восточного приграничья, оказалась тяжелой – отставание от стран европейского ядра в общественном развитии. В то же время постоянная борьба с завоевателями закалила их характер. То обстоятельство, что русские, да и вообще славяне, способны лучше переносить трудности, по достоинству оценено в Западной Европе. Папа Иоанн Павел II приводит показательное в этом плане суждение Государственного секретаря Святого Престола кардинала Агостино Казароли: «Господь Бог попустил, чтобы эксперимент зла, каким является коммунизм, пал на вас... А почему он это попустил? Нас на Западе пощадили, возможно, потому, что мы, на Западе Европы, не выдержали бы подобного испытания, а вы – выдержите» [Иоанн Павел II, 2005: 203].

Это признание особенно ценно в условиях сближения европейской цивилизации с азиатскими. Как показывает современная практика, сомнения в том, что Западная Европа в состоянии защитить европейскую цивилизацию от деформации под влиянием миллионов инокультурных мигрантов, становятся все более обоснованными. Восток Европы, где большинство населения составляют славянские народы, обладает большим иммунитетом к внешнему культурному давлению. Это качество наглядно проявилось, например, во время миграционного кризиса, постигшего ЕС в 2015–2018 гг., когда страны Восточной Европы заняли более твердую позицию по сравнению с излишне толерантной Западной Европой.

Отношения с Евросоюзом, несмотря на перемены политической конъюнктуры (противостояние – взаимопроникновение, отталкивание – притяжение, отрицание – признание), были и остаются важнейшими для России, а европейский вектор является основополагающим в стратегии общественно-исторического развития нашей страны. Это происходит не только потому, что как национальное государство Россия возникла и формировалась в течение многих веков в европейском культурном пространстве, но еще и потому, что ни с кем из основных субъектов мировой системы, включая США, Китай, Индию, мусульманский мир, у России нет и не будет так много общих интересов, как с Европой, какие бы идеологические повороты не возникли. Ф.М. Достоевский дал точную формулу нашей идентичности: «У русского человека две Родины – Россия и Европа».

В 2013 г., до введения антироссийских санкций, Евросоюз обеспечивал России 52% внешнеторгового оборота, 67% иностранных инвестиций и 80% высоких технологий [Россия в цифрах, 2014: 16]. И сегодня ЕС, несмотря на санкции, – незаменимый экономический партнер России, особенно в условиях возрастания роли восточного направления нашей внешней политики, поскольку чем теснее сотрудничество России с Евросоюзом, тем выше ценность России для азиатских государств, и прежде всего для Китая.

А у ЕС есть точно такие же геополитические интересы к России. Как заметил в 2017 г. глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер, «в начале XX века 25% человечества были европейцами, сегодня их менее 9%, в конце века мы будем представлять 5% или 4% мирового населения». Юнкер назвал снижение роли ЕС «большим недостатком будущей Европы, против которого можно бороться лишь всем европейским странам вместе»². Действительно, без России, занимающей 35% территории Европы и 30% территории Азии, Европа рискует превратиться в маленькую оконечность огромного Евро-Азиатского материка и утратить свою высокую значимость в мире. Эту опасность осознают европейские аналитики. Так, современный французский теоретик геополитики Э. Шопрад обосновывает необходимость «европейского движения к Евро-Азии с Россией в центре единого континента». Являясь одним из самых последовательных евроцентристов в Европарламенте, Шопрад полагает, что «судьба Европы в геополитическом раскладе будущего многополярного мира во многом зависит от России как от главного игрока в центре Евро-Азии» [Chauprade, 2007: 293].

Взаимодействие России с Китаем насчитывает значительно меньший период. Оно началось в конце XVII в., когда Россия стала осваивать азиатскую часть своей территории, где к началу XX в. были созданы крупные промышленные центры и проложены коммуникации. Когда в начале XX в. Россия находилась на экономическом подъеме, то широко обсуждался даже проект «Желтороссии» – совместной российско-китайской территории в северной Маньчжурии, рассчитанный на переселение русских казаков и крестьян с одновременным проведением миссионерской деятельности среди китайского населения. «Если у нас есть малая Россия, белая Россия, почему бы не быть желтой Россией?» – писал тогда русский этнограф И. Левитов [1905: 29]. Из-за поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. проект Желтороссии не состоялся, но его «отголоском» стал русско-китайский Харбин, ставший в 1920–1940-е гг. одним из главных центров «белой» эмиграции. Глубина российско-китайских взаимосвязей основана, таким образом, на богатом историческом опыте диаспор – китайской в России, российской в Китае [Симонян, Кочегарова, 2019].

В 1950–1960-х гг. наша страна сыграла основополагающую роль в индустриализации Китая, оказав безвозмездную помощь в строительстве сотен промышленных предприятий и подготовке тысяч специалистов. Пограничные советско-китайские конфликты конца 1960-х остались, к счастью для обеих стран, мимолетными событиями минувших дней. Сегодня многочисленные китайские предприниматели успешно осваивают российский рынок (особенно в приграничных с КНР районах), Китай является основным партнером России среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона, что особенно важно в условиях усиливающихся в последнее время антироссийских экономических санкций.

Заключение. Развитие глобализации придает формированию Евро-Азиатского мега-региона необратимый характер. В этом набирающем силу процессе исследование социально-экономического взаимодействия Европы и Азии становится фундаментальной научной проблемой, решение которой лежит в сфере социологии пространства, рассматривающей территорию и ее социум как целостность.

Г. Зиммель, описывая взаимодействие пространств «со своей субстанцией и деятельностью», акцентировал внимание на том, что «некое движение или модификация», осуществляющиеся в одном и другом, происходят между ними. На этой основе возникла концепция промежуточных пространств – мезо-систем, свойствами которых обладает Россия [Симонян, 2010]. Для социологии пространства, считал Зиммель, понятие «между» (das Zwischen) является центральным. Еще одним центральным понятием является «исключительность» социального пространства – смысловой комплекс, означающий уникальное сопряжение социального института с определенной территорией: никакой

² Юнкер: доля Евросоюза в мировом ВВП и его влияние будут уменьшаться (2017). URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=9972714> (дата обращения: 05.04.2022).

однородный социальный институт (государство) не может занимать то же самое место [Зиммель, 1990: 638]. Действительно, кроме России нет другого государства, которое одновременно граничит с Евросоюзом и КНР, нет и другого европейского государства, обладающего многовековым опытом тесного взаимодействия с азиатскими народами. Социальное пространство России поэтому не только становится важнейшим катализатором сближения Запада и Востока, но и открывает широкие перспективы для социально-экономического развития страны.

Российским обществом в последние десятилетия все острее осознается необходимость замены сырьевой модели, основанной на продаже природных ресурсов и препятствующей модернизации. Экономическая интеграция континента предоставляет возможность перехода от продажи сырья к оказанию транспортных услуг, что приблизит Россию к осуществлению новой индустриализации страны. Для решения этой задачи транзитная рента экономически значительно выгоднее сырьевой: транзитные государства обладают важными преимуществами, прежде всего, в возможности привлекать инвестиции заинтересованных сторон стран Востока и Запада для обеспечения быстрой и безопасной доставки грузов, что лежит в основе концепции Евро-Азиатской сухопутной транспортной системы. Это – экономический проект, но его осуществление опирается на социальные факторы и содержит реальные предпосылки важных социальных последствий, включая развитие сотрудничества стран Евразии на основе общих экономических интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байков А.А. Интеграционные маршруты Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. № 3. С. 4–17.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Безинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
- Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1960.
- Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
- Зиммель Г. Избранное в 2-х тт. Т. 1. Философия культуры. М.: Юристъ, 1990.
- Иоанн Павел II. Память и идентичность // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. С. 202–207.
- Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972.
- Левитов И.С. Желтороссия как буферная колония. СПб.: типография инженера Г.А. Бернштейна. 1905.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Восточный институт, 1928.
- Россия в цифрах. 2014. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2015.
- Симомян Р.Х. Российско-казахстанское сотрудничество в контексте международных проектов // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 129–138.
- Симомян Р.Х. Теория мезосистем применительно к региону // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 51–62.
- Симомян Р.Х., Кочегарова Т.М. Российская диаспора в Китае, китайская диаспора в России: исторический и политэкономический аспекты // Горизонты экономики. 2019. № 2. С. 92–99.
- Тросби Д. Экономика и культура. М.: ВШЭ, 2018.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
- Alexander J. Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time and Function // Soundings. 2000. Vol. 16. P. 96–112.
- Bourdieu P. Pascalian Meditations. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Chauprade A. Géopolitique – Constantes et changements l'histoire. Paris: Ellipses, 2007.
- Contessi N. Central Eurasia and New Great Game: Players Moves, Outcomes and Scholarship // Asian Security. 2015. No. 9. P. 27–34.
- Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: Presses Universitaires de France, 1990.
- Freire M., Kanet R. Players and Regional Dynamics in Eurasia: The Return of the «Great Game». London: Palgrave Macmillan, 2010.

- Krugman P. *Geography and Trade* (Gaston Eyskens Lectures). University of Michigan Press, 1992.
- Lechner F. *Simmel on Social Space* // Georg Simmel. *Critical Assessments*. Vol. III. London and New York: Routledge, 1994. P. 96–101.
- Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell. 1991.
- Mackinder H. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. No. 4. P. 11–34.
- Therborn G. *Knowledge and power* // *International Sociology*. 2021. No. 5. P. 647–703.

Статья поступила: 19.04.22. Финальная версия: 20.06.22. Принята к публикации: 22.06.22.

EURASIAN INTEGRATION: THE ROLE OF RUSSIA'S SPATIAL POTENTIAL

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chef Researcher of the Center for European Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (simonyan.renald@yandex.ru).

Abstract. Territorial aspects of social processes, which are the subject of the study of the sociology of space, are becoming increasingly relevant for our country due to the expansion of economic ties between the West and the East and the increasing importance of the territory of Russia connecting the European Union and the countries of the Asia-Pacific region – the main beneficiaries in the future economic integration of Europe and Asia. In line with the sociology of space, the author examines the geostrategic potential of Russia in this process. The sociology of space contains two main meanings – physical, characterizing natural conditions, and social – the result of people's activities to transform nature, the material environment, society and the person. The Russian state, which emerged on the foundation of European culture, developed in the process of close interaction with Asian cultures – first of all, Muslim, Jewish, Buddhist, which determines the special role of the Russian social space in the future unification of Europe and Asia into a single mega-continent. For Russia itself, this means that it has the prospect of converting its unique experience of centuries-old coexistence in a Christian state of various civilizations and cultures, as well as its geographical advantage – bi-continentality into real economic results. To substantiate the reality of this perspective, the author relies on a broad factual base.

Keywords: sociology of space, Eurasian integration, social space of Russia, cultural resource of interactive processes.

REFERENCES

- Alexander J. (2000) Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function. *Soundings*. Vol. 16: 96–112.
- Baikov A.A. (2007) Western-central Europe's and Asia's Routes of integration. *Mezhdunarodnye processy* [International Processes]. No. 3: 4–17. (In Russ.)
- Berger P., Lukman T. (1995). *Social construction of reality*. Moscow: Medium.
- Bourdieu P. (2000) *Pascalian Meditations*. Cambridge: Polity Press.
- Brzezinski Zb. (2010) *The great chess board*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Chauprade A. (2007) *Géopolitique – Constantes et changements l'histoire*. Paris: Ellipses.
- Contessi N. (2015) Central Eurasia and New Great Game: Players Moves, Outcomes and Scholarship. *Asian Security*. No. 9: 27–34.
- Durkheim E. (1990) *Les formes élémentaires de la religieuse*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Filippov A.F. (2008) *Sociology of space*. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Freire M., Kanet R. (2010) *Players and Regional Dynamics in Eurasia: The Return of the «Great Game»*. London, Palgrave Macmillan.
- Gumilyov L.N. (1993) *Rhythms of Eurasia: Ages and Civilizations*. Moscow: Ecopros. (In Russ.)
- Haushofer K. (2001) *About geopolitics works of different years*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Joann Pavel II (2005) Memory and Identity. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. No. 2: 202–207. (In Russ.)
- Konrad N.I. (1972) *West and East*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Krugman P. (1992) *Geography and Trade*. University of Michigan Press.

- Lechner F. (1994) Simmel on Social Space. In: *Georg Simmel. Critical Assessments*. Vol. III. London and New York: Routledge: 96–101.
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford UK & Cambridge USA: Blackwell.
- Levitov I.S. (1905) Yellow-Russia as the buffer colony. St. Petersburg. (In Russ.)
- Mackinder H. (1904) The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*. No. 4: 11–32.
- Neumann I. (2004) *The Use of the «Other». Images of the East in the formation of European identities*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Romanov B.A. (1928) *Russia in Manchuria (1892–1906)*. Leningrad: Vostochny institut. (In Russ.)
- Russia in numbers. 2014. (2015) Quick statistic directory. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Simmel G. (1990) *Selected works in 2 vols*. Selected works. Vol. 1. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2019) Russian-Kazakh cooperation in the context of international project. *Novaya i novejschaya istoriya* [New and recent history]. 2019. No. 3: P. 129–138.
- Simonyan R.H. (2010) The theory of mesosystems applied to the region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 51–62. (In Russ.)
- Simonyan R.H., Kochegarova T.M. (2019) Russian Diaspora in China, Chinese Diaspora in Russia: historical and political economic aspects. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics]. No. 2: 93–99. (In Russ.)
- Therborn G. (2021) Knowledge and power. *International Sociology*. No. 5: 647–703.
- Throsby D. (2018) *Economics & Culture*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Vernadsky V.I. (1991) *Scientifics though as global phenomenon*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Witte S.Yu. (1960) *Memoirs. Reading-Book in 3 Vols*. Vol. 2. Moscow: Socekiz. (In Russ.)

Received: 19.04.22. Final version: 20.06.22. Accepted: 22.06.22.

Д.В. ТРУБИЦЫН

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ – ЕЩЕ ОДНА ПРИЧИНА НИЧЕГО НЕ МЕНЯТЬ?

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Полемизируя с точкой зрения Р.Х. Симоняна, автор критикует проект развития России за счет реализации ее географического положения между двумя быстро развивающимися экономиками – Европейского союза и стран Восточной Азии. Обнаруживая в нем ряд недостатков, автор полагает, что упор на такие проекты и не прекращающийся поиск «новых возможностей» развития свидетельствуют об отсутствии этого развития как объективного процесса и очередном провале модернизации. Подобные проекты отражают стремление ничего не менять в базовых структурах общества, ценностях, паттернах поведения акторов, картине мира, что в условиях стремительно развивающегося мира губительно для страны. Разработка проектов социально-экономического развития требует соблюдения ряда условий: понимания этого феномена не как поверхностных изменений и технических инноваций, а как глубокой качественной трансформации; необходимости исходить из реального состояния общества, а значит, базирования на качественных социологических исследованиях; поскольку за результат отвечает в конечном счете не пространство, а деятельность людей, то география должна теоретически соединяться с социологией. Всего этого в критикуемом проекте пока нет. Даже если реальное состояние российского общества позволит ему осуществить данный проект, это не приведет к развитию как качественной трансформации общества в современный тип.

Ключевые слова: развитие общества • модернизация • географическое положение • социальные структуры

DOI: 10.31857/S013216250021394-6

Статья Р.Х. Симоняна [2022¹] представляет собой научное обоснование очередной попытки найти место России в мировой экономике, на этот раз – в роли «транзитного государства», оказывающего транспортные услуги соседним странам. Возможности автор видит в двух обстоятельствах: 1) уникальное географическое положение – огромная территория между Европой и Китаем, двумя центрами мирового производства, исторически обреченными на экономическую интеграцию, и 2) уникальный же опыт многовекового сосуществования в России различных цивилизаций и культур. По его мнению, превращение страны в транспортный коридор между Западом и Восточной Азией создаст возможность перехода от продажи природных ресурсов к осуществлению новой индустриализации (с. 92).

Хотя подобные идеи неоднократно высказывались в рамках других наук, для социологии такой подход – не частое явление, и здесь есть о чем говорить.

Перед нами – далеко не первая за последние 20 лет попытка найти преимущество, дающее России надежду на «выживание» в современном мире. Но не удалось России стать «инновационной экономикой», не реализованным оказался лозунг «великой энергетической державы», и даже усилия по созданию развитого туризма пока не увенчались успехом. Все это отражает «трудности» российской модернизации как системную проблему. Что здесь должно в первую очередь интересовать ученого, так это объективные причины – социальные механизмы, блокирующие развитие страны по пути современного общества, какой бы аспект этого развития мы не взяли (экономический, технологический, политический или культурный). Ведь если не созданы ни эффективная

¹ Далее по тексту ссылки на обсуждаемую статью даны в круглых скобках.

производящая экономика, ни хотя бы привлекательная для современного туризма инфраструктура и сервис, то откуда возьмутся эффективные и надежные, способные выдержать конкуренцию, транспортные коммуникации, да еще колоссального по своим объемам грузопотока? Очевидно, что проблема носит системный характер, и именно социология (прежде всего макросоциология) исследует эти системные взаимозависимости. Но в отсутствии достаточного социологического обоснования и состоит главный недостаток проекта «транзитного государства», причем как на уровне теории, так и на уровне эмпирики и методологии.

Отсутствие теории и рефлексии понятийного аппарата. В статье Р.Х. Симоняна теоретизирование ограничивается скорее обзорным, нежели аналитическим цитированием классиков, а соединение ключевых понятий (*социология пространства, социальное пространство*) с тезисами в области геополитики и геоэкономики носит во многом механический характер. Например, используемое Г. Зиммелем понятие «*между*» отнюдь не служит бесспорным обоснованием мысли, что «*кроме России нет другого государства, которое одновременно граничит с Евросоюзом и КНР, и другого европейского государства, обладающего многовековым опытом тесного взаимодействия с азиатскими народами*» (с. 92). Эти построения метафизичны для социологической теории и во многом противоречат реальным тенденциям российской истории, процессам последних десятилетий, а особенно – текущим событиям. Заявленная «ценность уникального опыта», наоборот, уменьшается: Россия все больше изолируется от развитых стран, уходя, уже не в первый раз, с магистрального пути европейской цивилизации. Нет и реального сближения с Китаем, а учитывая разницу в темпах и направленности экономической динамики двух стран, их грядущее взаимодействие (как во многом и настоящее) вряд ли можно назвать равноценным с обеих сторон. Используемые теоретические конструкты для объяснения реальности не работают. Не работают они и для ее прогнозирования. Например, автор уверен в том, что положение России между двумя лидерами дает ей возможность собственного процветания, что неочевидно.

Странно выглядит уверенность автора в том, что «*европейский вектор является основополагающим в стратегии общественно-исторического развития нашей страны*» (с. 90). Но не потому, что это в принципе не верно, а потому что не учитывается обратная динамика. Если западный вектор развития предопределен, то почему Россия движется в противоположную сторону, причем значительную часть своей истории (за прошедшее столетие европейский курс осуществлялся в общей сложности не более 15–20 лет)? Оговорки, что этот вектор исторически неизбежен, «*какие бы идеологические повороты не возникали*», не подойдут, поскольку эти «повороты» не случайны, а закономерны и постигаемы социологически. Чтобы проект не выглядел нелепо ввиду происходящего, надо хоть как-то объяснить факт настойчиво проводимой властью и поддерживаемой значительной частью общества антизападной политики. На его фоне слабо верится в наше с Западом надежное экономическое партнерство. Как в эти планы вписывается почти полное неприятие европейской системы ценностей и настойчивое стремление расшатать мировой порядок? И как при этом страна может стать одним из важнейших его транзитных коридоров?

Сомнительна и практическая актуальность проекта. С учетом происходящего сегодня строить планы пусть только транспортного сотрудничества с Европой на ближайшие годы (а скорее всего десятилетия) бессмысленно. Проект выглядел бы иначе, если бы включал исследование, раскрывающее фундаментальные зависимости между географическим положением, транзитной экономикой и социальными структурами. Но и таковым он не является, поскольку не дает и не пытается дать ответ на вопрос о том, как в действительности взаимодействуют эти три фактора.

Что значит и зачем нужно социологическое обоснование проекта? Смысл социологического исследования в области влияния осваиваемой территории на динамику общества состоит в том, чтобы теоретически соединить характер этой территории (географию) с социальными структурами (социологией), не оставив без внимания важную

внутридисциплинарную связь микро- и макроуровней социальной динамики. Необходимо увидеть и зафиксировать систематические зависимости между паттернами поведения индивидуальных акторов и характером макроструктур – экономической системы, государственной политики, культуры, массовой психологии – в связи с характером территории.

В качестве примера приведем рекомендации Н.С. Розова, которые также предлагали использовать географический потенциал страны, но базировались на понимании реального устройства российского общества. Оценивая сложившуюся в середине 2000-х гг. ситуацию в российско-китайском трансграничье как «повод не для паники, закрытия границ и изоляционизма, но для серьезной тревоги и вдумчивой экспертизы любых решений» [Розов, 2006а: 111], ученый писал о возможности совместного с Западом освоения природных ресурсов и создания коммуникаций, которые соединили бы Европу и Россию в единое целое, составляющее противовес влиянию Китая в АТР. Российско-китайское трансграничье было призвано стать форпостом «великой русской и великой европейской культуры». Плацдармом для осуществления миссии должна была стать российская территория, прежде всего Урал, Сибирь, Дальний Восток, где следовало уплотнить сеть коммуникаций и научно-технологических центров, усилить производственные цепочки, отладить работу рыночных и финансовых институтов [Розов, 2006б: 24].

Проект Н.С. Розова был обоснован исследованиями в области исторической социологии, ставящей целью выявление законов истории. В частности, ученый писал, что для преодоления болезненных российских циклов необходимо модифицировать порождающий их механизм, и «только изменение базовых социальных структур, определяющих место и роль России в геокультуре и геополитике, а также отношения между государством и гражданами, способно существенно изменить установки». Поэтому России нужно найти такую общую с Европой деятельность, которая позволила бы ей реализовать свой потенциал, не поступаясь исконными святынями [Розов, 2006б: 22].

Однако и этот проект не состоялся, что само по себе указывает на изъяны методологии. Среди прочих был тот, что проявился и в проекте Р.Х. Симоняна, – субъективизм. Если у Н.С. Розова он был оформлен в геополитику и геокультуру, то у Р.Х. Симоняна упор сделан на геоэкономику. Но результат тот же: недооценка внутреннего состояния общества по отношению к внешним условиям развития, в первом случае политическим, во втором – экономическим. Эти условия, разумеется, влияют на развитие, но не порождают его, не соотносятся с ним как причина и следствие. Какими бы они ни были, за результат отвечает поведение акторов в структуре общественных отношений. Реализующиеся в творчестве и техническом прогрессе воля и стремление людей, дающие необходимую энергию геополитической и геоэкономической динамике общества, ослабляются или усиливаются не сами по себе, а в тех или иных социальных обстоятельствах. Внутри данной многомерной структуры системообразующей для развития мы считаем сферу *социально-экономических* отношений.

Таким же субъективизмом характеризовались рекомендации за пределами социологии [Позиционирование..., 2012; Приграничные и трансграничные территории..., 2010; Геополитический потенциал..., 2010]. Они констатировали, что приграничные территории азиатской России «как отставали, так и продолжают отставать», фиксировали «резкую асимметрию их развития по сравнению с такими же территориями сопредельных стран» [Приграничные и трансграничные территории..., 2010: 7], однако были далеки от понимания причин происходящего. Субъективизм как теоретическая установка проявлялся в апелляции к программам «устойчивого развития», почти повсеместном перекалывании ответственности на внешний по отношению к исследуемому обществу фактор – правительство (местное и центральное), противоположную сторону в системе трансграничья (КНР) и даже третью силу (Запад). В качестве причин проблем региона (перманентная экономическая депрессия и депопуляция) приводился государственный и/или марксистский штамп. Ни экономическая активность, ни качество труда, ни уровень реальной квалификации и ответственности кадров анализу не подвергались. Почти не уделялось внимания производительности труда и конкурентоспособности, отсутствовало их

сравнение с показателями на сопредельной стороне. Обходилось стороной, как и в предложенном проекте, нравственное состояние субъекта. Большинство авторов исходили из того, что российское население с его мировоззренческими установками и отношением к труду является таким же «игроком» в АТР, как жители Китая, Японии, Южной Кореи. Отношение к экономике было явно потребительским: рекомендации не предполагали фундаментальных изменений в обществе, а призывали лишь удобно устроиться в мировой экономике, используя уникальное географическое положение страны/региона. Так, один из авторов заметил, что пока Россия «неплохо зарабатывает» на росте товарооборота из Китая, но выразил опасение, что инициатива КНР и других стран по строительству «нового шелкового пути» приведет к сокращению грузоперевозок по Транссибу и исключению России из ключевых «транспортных держав» [Геополитический потенциал..., 2010: 10–33]. Эксперты не видели патологии в том, что благополучие страны стало результатом развития других экономик, а их стремление снизить издержки и повысить эффективность перевозок (чего не могла обеспечить российская сторона) расценивали как враждебный шаг.

Это было свойственно и «экспертам геополитики», писавшим о необходимости создания в АТР новой системы международных отношений, «в которой России была бы гарантирована достойная роль, соответствующая ее геостратегическому положению» [Геополитический потенциал..., 2010: 495]. «Достойная роль» не гарантируется уникальностью положения, а обеспечивается темпами экономического развития и качеством труда. Замечать их «системой международных отношений» не представляется возможным.

Субъективизм в объяснении феномена общественного развития направляет познание в сторону абсолютизации внешних причин и не позволяет дать объективную оценку происходящему. Истинная причина – низкая социальная, экономическая и творческая активность населения – остается без внимания. Отсюда упование на «правильную» программу, которая сама по себе изменит ситуацию. Мы не оспариваем возможную полезность «программ развития», но это выражение – диалектическая пара. «Развитие» отражает объективно происходящие процессы, «программа» – стремление субъекта на них повлиять. И второе не может подменить собой первое. Очевидно, что при наличии хоть каких-то успехов завоевания российской промышленностью внешних рынков, а учеными и творческой интеллигенцией – глобального интеллектуального и культурного пространства, подобных проектов становилось бы все меньше. Их непрекращающаяся череда (один другого экзотичнее) свидетельствует об историческом тупике, в котором оказалось российское общество после очередного провала модернизации. Ведь провести ее и означает сформировать такую социальную систему, которая сама по себе станет механизмом развития. И проблема обсуждаемого проекта в том, что он не обнаруживает таких объективных механизмов в теоретической части и не предполагает их формирования в практической.

Ознакомление с ним вызывает вопрос: почему указанный потенциал до сих пор не реализован? У России появилась, наконец, возможность конвертировать свою двухконтинентальность в реальные экономические результаты (с. 84)? Эта возможность была у нее достаточно долго. Китай сделал огромный рывок за последние 40 лет, в то время как Россия, тоже имеющая для этого условия, такой динамики не показывает. Снижается не только ее общая экономическая роль в мире, но и транспортная. В стране налицо деградация авиа- и морских коммуникаций, и даже главная артерия – Транссиб – за прошедшие десятилетия не испытала никакого видимого развития, увязнув в «среднеиндустриальной» технологической стадии.

Не основанный на социологической экспертизе проект может обернуться упрощенной (и даже вульгарной) версией географического детерминизма, непосредственно выводящей динамику общества из характеристики территории. Само по себе положение *zwischen* (нем. – между) не делает общество другим, и на практике для реализации этого потенциала нужен целый ряд условий, появление которых в современной России весьма проблематично.

О социологической эмпирике. Наличие социологических фактов не делает исследование социологическим само по себе. Для этого нужна их формализация, систематизация,

неизбирательный подбор, а главное – метод. Между тем в статье Р.Х. Симоняна разрозненные факты объединены историософским построением, заведомо подтверждающим авторскую мысль. Например, автор пишет об «экономически выгодном» соседстве России с ЕС и КНР и опирается на авторитет П. Кругмана, который подсчитал, что «если бы США и Канада не были соседями, их внешнеторговый оборот был бы в 13 раз меньше» (с. 85). Но обе эти страны – развитые производящие экономики, а не развивающиеся транзитные. Если же говорить о влиянии «соседства» как таковом, то торговый оборот находящихся в соприкосновении России и Китая составлял в разные годы от 1/5 до 1/7 торгового оборота разделенных океаном Китая и США.

Доказывая преимущества России, автор констатирует, что транзитные возможности Индийского океана ограничены пропускной способностью Малаккского пролива и Суэцкого канала, а сухопутные коммуникации более перспективны – сокращают сроки доставки грузов с 35–45 до 4–5 суток. Железнодорожный транзит через Россию имеет преимущество и, «по расчетам экономистов», в течение 7–8 лет может обеспечить окупаемость (с. 88). Ссылок на эти расчеты нет, но даже при их наличии, это – только расчеты потенциально возможного. Реальное же транспортное значение нашей страны показывает тот факт, что российские перевозки по Транссибу и Северному морскому пути вместе составляли до последнего времени лишь 2% от объема грузов, проходивших через Суэцкий канал. А в результате недавнего закрытия европейского неба для российских самолетов авиатрафик Европы снизился только на 0,4% [Иноземцев, 2022].

В 2013 г., пишет автор, ЕС обеспечил России 52% внешнеторгового оборота, 67% иностранных инвестиций и 80% высоких технологий. И сегодня ЕС, несмотря на санкции, – ее незаменимый экономический партнер (с. 90). Однако указанное влияние асимметрично не в пользу России. Автор пишет, что «у Евросоюза точно такие же геополитические интересы к России», но текущие события показали, что, помимо сырьевой (прежде всего, нефтегазовой), других критических зависимостей Европы от России не существует. Настаивая, автор затрагивает демографию: в начале XX в. 25% человечества были европейцами, сегодня – менее 9%, в конце века их станет 4–5% мирового населения. Что же может дать для решения этой проблемы Россия? Оказывается, территории: «без России, занимающей 35% территории Европы и 30% территории Азии, Европа рискует превратиться в маленькую оконечность Евро-Азиатского материка и утратить свою высокую значимость и влияние в мире» (с. 91). Учитывая современную долю населения России в мире – 1,9%, а тем более тенденцию (неуклонное снижение этой доли с 5,2% в 1913 г.), переключение аргументации с демографии на географию выдает нужду за добродетель.

Сказанное касается и исторически отдаленной эмпирии. Проект обосновывается штампами, включая привычный – о мирном характере русской колонизации (с. 90). На нем, собственно, и строится тезис о «многовековом опыте» культурного взаимодействия. Упомянув, что «русским экспедициям и казакам нередко приходилось применять силу», автор все же заключает, что «в целом процесс присоединения к России огромной азиатской территории был относительно мирным». Вместо социологического анализа всех данных по противоречивой истории расширения русского географического ареала приводится лишь то, что подтверждает избранный нарратив. Куда делись Салават Юлаев и Шамиль, Благовещенская резня и конфликт на Даманском? В действительности мирный и даже дружественный характер колонизация носила только в отношении тех народов, которые признавали вассальную зависимость от России. На самом деле у российского общества сохраняются серьезные проблемы с переходом от властно-подданнических отношений к равноправно-партнерским. Среди них – и державный национализм, и комплекс неполноценности в связи с неудачами интеграции в мировую экономику, и радикализм в восприятии Другого, который в российской культуре – либо «друг», либо «враг навеки».

Поэтому способность россиян к долговременному сотрудничеству есть, но она не так велика, как представляется Р.Х. Симоняну. Ее можно измерить, например, обратив внимание на объемы торговли и деловую активность в международной сфере. Если отнестись

к вопросу объективно, то выяснится, что исторический опыт взаимовыгодного партнерства у Востока и Запада не меньше, чем у России, на это указывает история Гонконга, Сингапура и других мировых финансовых центров в Азии.

Кто исполнитель? Осуществление подобных мега-проектов в России традиционно связывается с государством. К широкомасштабным государственным проектам, в том числе использующим советский опыт, с начала 2000-х гг. склонился и общий тренд в динамике обсуждаемой проблемы. Львиная доля рекомендаций имела значение исключительно в рамках командно-административной экономики и государственно-дистрибутивной парадигмы развития общества, а некоторые и вовсе отправляли страну в прошлое «всероссийских молодежных строек» [Селиванов, 2008: 26].

Гипертрофированное присутствие государства в российской экономике, пишет социолог, привело к тому, что «исчезли стимулы к развитию (сокращению издержек, рационализации производства), у бизнеса и чиновников преобладает ориентация исключительно на освоение казенных денег» [Гудков, 2022: 44]. Экономисты заявляют о «слабости рыночной среды, вызванной доминированием государственных и квазигосударственных компаний, имеющих искаженную мотивацию по сравнению с обычной рыночной логикой и “неформальные” отношения с государством» [Кудрин, Гуревич, 2014: 33]. А вот исторический нарратив, раскрывающий истинный смысл предложенного проекта. Как считает В. Иноземцев, с распадом СССР не исчезли ни стремление к неэффективной трате средств на иллюзорные цели, ни склонность к гигантомании, что, по его мнению, доказывает не коммунистическую, а сугубо российскую их природу. Как только в стране стабилизировалась экономическая ситуация, власть тут же обратилась к привычным «игрушкам»: выросли военные расходы, началось освоение «северов», было объявлено о реконструкции БАМа и Транссиба. О том, что такой же «игрушкой» станет предлагаемый проект, говорят масштабные инвестиции в Северный морской путь: они осуществлялись одновременно с сокращением перевозок по нему – с 1,26 млн т в 2012 г. до 39,6 тыс. т в 2015 г. [Иноземцев, 2018: 138]. Нельзя не упомянуть и проблему коррупции.

Ни политическая, ни экономическая ситуация в современной России не обусловлены чуждыми обществу случайными обстоятельствами. Различные режимы со всеми их качествами есть результат договоренности ведущих социальных сил. Решение проблемы невозможно без формирования на российской территории полноценного индустриального общества. Государственническая модель имела в прошлом некоторые успехи, но она не создала механизма саморазвития и создать не может. Как и предлагаемый проект: он направлен не на развитие, а на приспособление имеющегося состояния к внешне обусловленной ситуации и призван решить проблему, ничего не меняя в обществе – его структуре, менталитете, культуре, поскольку ни структуры, ни психические установки, ни образцы не подвергаются исследованию и критике в связи с указанной проблемой.

В вопросе об исполнителях проекта следует говорить и о труде. Кто будет осуществлять проект с этой стороны? Материальное производство – генеральный фактор социального развития не в смысле его конечного результата, а в смысле самого процесса. Созидательный труд порождает ряд благотворно действующих на общество (как акторов, так и структуру) обстоятельств – инициативу, творчество, дисциплину, ответственность, солидарность². Но, с учетом состояния рынка труда, есть опасения, что данная возможность развития собственно российского общества будет упущена. Чужими будут и технологии, на что указывает ситуация в отечественной промышленности, и «успехи» импортозамещения.

Таким образом, задуманный как производительный, проект в его трудовой, технологической и организационной составляющих будет реализован не российским «субъектом социального действия». Общество не станет лучше ни в процессе его осуществления, ни в результате.

² Поэтому Советский Союз, в котором, несмотря на ряд системных пороков, был более выражен производительный труд, выигрывает в данном аспекте у России последних десятилетий.

Суть проблемы. Проблема перманентного отставания России от ведущих стран носит системный и фундаментальный характер, в данных условиях возможны лишь несколько ее теоретических «срезов».

Самый общий – цивилизационный – укажет на неспособность страны интегрироваться в глобальный мир, что чревато ее исчезновением как целостности – в совокупности исторически неизменных свойств. Политический срез выявит циклически действующий механизм авторитарного отката после каждой неудачной попытки создания современной системы отбора элиты и контроля над ней. Как наиболее болезненный по своим долгосрочным эффектам, этот провал приводит в действие целый ряд механизмов: закупорку лифтов, отрицательный отбор, деградацию элиты, а значит, ее вопиющую профессиональную, интеллектуальную и моральную некомпетентность. Социальный срез обнаружит провал попыток создания устойчивых, передаваемых из поколения в поколение как норму, договорных отношений вместо доминирующих в российской истории властных. Срез культурный обнажит неприятие российским обществом или значительной его частью ценностей свободы и достоинства личности, что в современных условиях означает затруднение производства образцов в области науки и искусства. Срез экономический укажет на неспособность создать современную экономику, конкурирующую с другими на мировом рынке.

Это – наиболее общий, без фокусировки на подробностях, взгляд. Однако в данной системной проблеме есть обстоятельство, практически непреодолимое в силу его предельной объективности (соотношение объективного/субъективного в социологии правильнее рассматривать вообще не как бинарную оппозицию, а как шкалу). Это – наличие почти неограниченных природных ресурсов, находящихся в распоряжении относительно небольшого по численности населения. Речь идет о выходящем за пределы экономики и действующем на историческую динамику общества механизме «ресурсного проклятия», многократно отраженном в литературе (в трудах А.С. Ахиезера, А.П. Давыдова, И.Г. Яковенко, С. Кордонского, А. Эткнда и др.). При этом исторически он и порожденная им *экстенсивная стратегия* не ограничиваются сырьевой зависимостью нынешней России или позднего СССР. Подобно другим «цивилизационным» качествам, они сопровождают российский социум в течение всей его истории. Уже первое русское государство, возникшее в IX–X вв. на торговом пути «из варяг в греки», представляло собой военно-политический контроль над транзитом (!) и вывозом ресурсов. Ресурс исторически менялся, менялись способы его «извлечения», были попытки преодоления этой зависимости, но принципы функционирования системы оставались прежними – после очередных потрясений государство вновь монополизировало главный источник дохода и на его основе выстраивало вертикали господства и подчинения³.

Важен вопрос: почему относительный экономический прогресс не приводил к преодолению данного свойства, а случавшиеся в отечественной истории крупные достижения – петровские преобразования, промышленная революция, советская индустриализация и технологические прорывы СССР – не завершились формированием иной системы общественных отношений?

В основе модернизации лежит противоположная стратегия – *интенсификация*. Однако необратимый переход к ней невозможен, пока есть доступные ресурсы, и тенденция к сохранению экстенсивной стратегии усиливается даже при наличии технического прогресса. Отечественная история показывает, что каждое новое совершенствование средств и процесса труда увеличивало совокупный продукт и тем меньше мотивировало интенсификацию в ее *социально-экономической* составляющей. Проблема роста решалась за счет приращение новых территорий в большей мере, чем за счет внутренней трансформации. Расширение ареала до начала XIX в. – «собираение» русских земель, проникновение на Урал, в «дикое поле» и Сибирь, выход на Балтику и Черное море – делало возможным сохранение

³ Сказанное вписывается в объяснения российского социума при помощи понятий «раздаточная экономика» (О.Э. Бессонова), «институциональная матрица» (С.Г. Кирдина), «Русская система» (Ю.С. Пивоваров) и др.

существующего типа производства и соответствующего социального уклада без изменений. Все достижения и инновации ставились на службу утвердившемуся типу хозяйствования, а реформы – власти или конкретным лицам «при ней». Нередко их ценой становились стагнация и утрата достигнутого посредством частной инициативы (как во времена Петра I и Сталина). В индустриальный период – с середины XIX в. – железные дороги и пароходы, банки, европейское образование и наука тоже не изменили принципы функционирования системы необратимо, поскольку она продолжала существовать за счет экстенсивной эксплуатации огромных территорий. «Прирастая» Сибирью, Кавказом и Средней Азией, Россия приращивала экстенсивную стратегию даже при условии их промышленной разработки.

Не меняет ничего и постиндустриальный период, в который Россия вошла за счет продажи ресурсов и покупки *hi*-продукции. Нынешняя рентно-сырьевая экономика с государственными вертикалями – не «отдельный недостаток» российского общества, а его базовая структурная характеристика. Не преодолет это состояние, а значит, реверсивное движение страны, и данный проект. Без интенсификации социальной системы «снизу» он не решит проблемы создания механизма саморазвития. Его осуществление только усилит «экстенсивную доминанту» (по И.Г. Яковенко), поскольку станет дополнительным ресурсом системы, заблокирует рост в других областях и в историческом масштабе будет способствовать не развитию, а стагнации.

Как разорвать круг? Ученый, разрабатывающий проекты развития, должен сказать, что он под ним понимает – заимствованные технологии и осуществленные на их основе гигантские проекты или системные трансформации, необратимо ведущие к появлению новых качеств общества? В этой связи выражение «поиск пути развития» отражает смысл происходящего далеко не всегда. Часто за ним стоит стремление не к развитию, а как раз наоборот.

Однако мир характеризуется именно развитием, причем последние полвека – стремительным. Европа и Китай, которые предлагается соединить транспортной артерией, идут в будущее мировой экономики, хотя и разными политическими путями. Темпы их настолько велики, что становится реальной перспектива исчезновения между ними в экономическом плане чего бы то ни было вообще. Восток и Запад могут попробовать обойтись (к этому есть тенденция) без посредника – транспортного или какого-либо другого, если этот посредник малоэффективен и непредсказуем. Чтобы стать другим, самому обществу необходимо измениться. Круг замыкается, и один из главных вопросов исторической социологии состоит в том, что способно его разорвать. Что является системообразующим в развитии общества – технический прогресс или структурные трансформации? Причем именно в развитии как качественном и необратимом изменении системы. И любая рекомендация от социолога должна эту проблематику учитывать. В противном случае она рискует стать оторванным от реальности благим пожеланием.

Никакое географическое положение само по себе без качественной и глубокой трансформации общества не решает проблему его «выживания» в современном мире. Это верно даже в том случае, если к выгодному положению приложить масштабные строительные проекты. Примером является Советский Союз, у которого было немало впечатляющих достижений. Но сформировать систему отношений, способную к ненасильственному воспроизводству и развитию, ему не удалось. Как и предыдущим попыткам реформ, которые либо свертывались, либо становились «верхушечными» охранительными, не меняющими структуру общества, базовые ценности и смыслы, картину мира, менталитет. Поэтому перед нами – очередной проект «догоняющего не-развития», который, если и даст некоторые экономические преференции, проблему перманентного отставания России не решит. Это очередная попытка обмануть историю – глобальной тенденции экономической интенсификации противопоставить еще одну экстенсивную модель роста.

Наша рекомендация проста и сложна одновременно. Это – рыночная экономика при обязательном выполнении стабильных «правил игры» всеми ее участниками: верховенство права и свобода слова, прозрачность законов и открытость транзакций, реальное разделение властей, сменяемость и подконтрольность власти обществу.

Здесь можно возразить: разве мы не пытались? Да, либерализация российского общества проводилась неоднократно, но каждый раз срывалась, не успевая исторически доказать свою эффективность. Вступали в действие многочисленные субъективные и объективные факторы, связанные с культурой и ментальными установками широких слоев населения, политическими устремлениями правящих режимов и узкогрупповыми интересами элит. И каждый раз эти попытки не удавались именно в связи с нежеланием и неспособностью социума жертвовать прошлым и имеющимся ради никем не гарантированного будущего и возможного. Имеющееся же обеспечивала экстенсивная модель. Отсюда главное непреодолимое препятствие – неограниченные ресурсы, включая огромные географические пространства, не требующие никакого внутреннего развития. А значит то, что автор проекта считает потенциалом, на деле оказывается препятствием.

Разумеется, в истории есть примеры успешной реализации географического положения (финикийские города, города-республики Северной Италии, Новгород и Псков). Но пристальный взгляд обнаружит, что перспективными, т.е. шагнувшими в будущее очагами современного индустриального общества стали не они, а другие – менее удобные для транзитной торговли территории, не обладавшие в данном аспекте никакими видимыми преимуществами. Судьба же вышеназванных районов (их уход с исторической арены, несмотря на яркий вклад в мировую культуру) указывает на зыбкость выгодного географического положения как основы развития. И заставляет обратить внимание не на природу, а на приложенную к ней деятельность человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: коллективная монография / Под общ. ред. Я.А. Фроловой. Владивосток: Дальнаука, 2010.
- Гудков Л.Д. Возвратный тоталитаризм. В 2-х т. Т. 1. М.: НЛО, 2022.
- Иноземцев В. Мир без России // Институт современной России. 16 марта 2022. URL: <https://imrussia.org/ru/аналитика/3437-мир-без-россии> (дата обращения: 25.06.2022).
- Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Кудрин А.Л., Гуревич Е.Р. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
- Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья / Отв. ред. А.К. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 2012.
- Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: СО РАН, 2010.
- Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия. Чита, 2006а. С. 109–113.
- Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Политические исследования. 2006б. № 3. С. 8–28.
- Селиванов А.И. Противостояние цивилизаций и строительство будущего России // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 21–26.
- Симонян Р.Х. Пространственный потенциал России в контексте экономической интеграции Европы и Азии (подходы с позиции социологии пространства) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 84–94.

Статья поступила: 26.06.22. Финальная версия: 06.07.22. Принята к публикации: 08.07.22.

SPATIAL POTENTIAL OF RUSSIA – ANOTHER REASON NOT TO CHANGE ANYTHING?

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The article critically analyzes the project of development of Russia that includes using its geographical position between the two fast-developing economies of European Union and China. Revealing its weak spots, the paper states that the emphasis on similar projects as well as the continuous search for new development possibilities rather demonstrate absence of development and another failure of modernization. Working out projects of social development demands a set of conditions. Firstly, development has to be seen as a deep qualitative transformation, not as superficial changes and technological innovations. Secondly, we have to rely on the actual state of society, basing on competent and unbiased sociological studies. Finally, geography has to be theoretically integrated with sociology, given that human activity is responsible for development, not territory. All this is absent in the project under analysis. The author states that the actual state of the modern Russian society prevents it from fulfilling this project.

Keywords: social development, modernization, geographical position, social structures.

REFERENCES

- Baklanov P.Y., Tulokhonov A.K., ed. (2010) Borderline and trans-border territories of Asian Russia and neighbouring countries. Novosibirsk: SO RAN. (In Russ.)
- Frolova Y.A., ed. (2010) Geopolitical potential of trans-border partnership of Asia-Pacific countries: Collective monograph. Vladivostok: Dalnauka. (In Russ.)
- Gudkov L. (2022) *Recurrent totalitarianism*. Vol. 1. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (2018) *The Non-Modern Country. Russia in the 21st century world*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Inozemtsev V. (2022) World without Russia. *Institute of Modern Russia*. 17 March 2022. URL: <https://imrussia.org/en/analysis/3439-world-without-russia> (accessed 25.06.2022). (In Russ.)
- Kudrin A.L., Gurevich E.R. (2014) A New Growth Model for the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 12: 4–36. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2006). Cyclicity of Russian Political History as a Disease: is Recovery Possible? *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 8–28. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2006) The phenomenon of transboundeness in historical and geopolitical perspective. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitaj – Mongoliya* [Transboundeness in the changing world: Russia – China – Mongolia]. Chita: 109–113. (In Russ.)
- Selivanov A.I. (2008) Opposing civilizations and construction of Russia's future. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 21–26. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2022) Spatial potential of Russia in the context of economic integration of Europe and Asia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 84–94. (In Russ.)
- Tulokhonov A.K., ed. (2012) *Positioning of Baikal region territories in the context of transboundeness*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Received: 27.06.22. Final version: 06.07.22. Accepted: 08.07.22.

Ю.В. ЛАТОВ

КОНЦЕПТЫ И ЭМПИРИКА ТРАНЗИТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. Продолжая дискуссию о социологических аспектах участия России в создании трансевразийского транспортного коридора, автор предлагает рассматривать мир-системный анализ. Речь идет о выделении трех групп стран – ядра, полупериферии и периферии – по критерию их участия в формировании международных «правил игры». С такой точки зрения «Новый шелковый путь» есть элемент перехвата глобального доминирования новыми лидерами (полупериферийными странами БРИКС) у старых (прежде всего, у США). Эмпирические данные опросов россиян, организованных в 2000–2020-х гг. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что нацеленность политического руководства России на повышение ее международной роли опирается на общественное сознание россиян, более 80% которых желают, чтобы их страна стала как минимум одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных. Социологические опросы показывают также, что, несмотря на конфронтацию с Западом в последние годы, у россиян сохраняется высокий уровень (у немногим менее половины граждан) осознания России как европейской страны, что может стать важным элементом одобрения «большого проекта» транспортного коридора, соединяющего КНР и ЕС. В то же время высокая распространенность русского национализма (идею России как «общего дома» разделяет лишь примерно половина россиян) может стать фактором, затрудняющим реализацию этого важного международного проекта.

Ключевые слова: «Новый шелковый путь» • мир-системный анализ • современная мир-система • общественное сознание • внешнеполитические цели • русский национализм

DOI: 10.31857/S013216250021067-6

Многие современные дискуссии похожи на иллюстрацию к древнеиндийской притче, как разные люди пытались описать слона, ощупывая различные его части, и приходили к совершенно разным выводам. Притча хорошо иллюстрирует пагубность абсолютизации какой-то одной точки зрения и плодотворность синтеза разных, в том числе, казалось бы, противоположных мнений. Но для этого нужно выбрать достаточно удаленную от изучаемого объекта точку наблюдения, с которой виден «слон» целиком, в то время как «лицом к лицу лица не увидать».

Изучаемый объект – транзитная роль российской цивилизации, практически реализуемая в грядущем «Новом шелковом пути», – сначала был рассмотрен Р.Х. Симоняном в контексте поиска постсоветской Россией новых ресурсов роста и развития [Симонян, 2022]. Д.В. Трубицын расширил угол зрения и предложил взглянуть на идею трансевразийского транспортного коридора в контексте многовековой модернизации России [Трубицын, 2022]. При таком подходе многие положения первой статьи оказались под вопросом, вплоть до сомнений в правомерности крупных социально-экономических проектов как таковых. Попробуем сделать третий шаг и взглянуть на эту идею в контексте проблем многовекового развития даже не России, а мира в целом. Точнее говоря, современной мир-системы.

Мир-системный анализ как концепт осмысления транзитности России. В обеих предыдущих статьях авторы отмечали, что все еще нет социологической теории, которая бы анализировала внешнее влияние стран-соседей на национальное социально-экономическое развитие, и ее предстоит разработать. Но такая теория есть. Речь идет о мир(о)-системном анализе (МСА), насчитывающем уже примерно полвека истории.

В России мир-системному анализу, как одному из ведущих направлений западной левой научной мысли, откровенно не повезло. Эта теоретическая парадигма формировалась в 1970–1980-е гг.¹, когда ведущие отечественные обществоведы откровенно «устали» от принудительного марксизма и тянулись, как к запретному плоду, к либеральным идеям. Это отчуждение подавляющего большинства российских обществоведов от левых научных идей², несмотря на «левый марш» современной западной социологии, устойчиво сохраняется и в постсоветской России (редкое исключение – работы Б.Ю. Кагарлицкого – см., напр., [Кагарлицкий, 2022]), хотя с течением времени отношение к либерализму стало гораздо более критическим. Парадокс заключается в том, что внешнеполитические действия российских правительств в последние 10–15 лет великолепно соответствуют логике именно мир-системного анализа, хотя в отечественном официальном дискурсе доминируют не левые, а консервативные идеологии. Социологическое обоснование участия России в «Новом шелковом пути» тоже целесообразно давать в логике в первую очередь именно МСА.

МСА (его обзор см., напр.: [Романовский, 2001]) полемизирует с традиционным подходом к анализу развития отдельных стран/народов как к изучению самодостаточных социально-экономических систем, на которую другие страны/народы оказывают лишь относительно второстепенное влияние. Такой традиционный подход основан на правильной идее, что внутренние факторы развития любого объекта важнее внешних. Однако при этом в качестве целостного объекта априори рассматривается государство или нация. Между тем действия правительств почти всех стран мира редко в полной мере суверенны. Скажем, в российских СМИ сейчас активно муссируется тезис о «марионеточности» правительства Украины. Независимо от того, насколько он верен или ошибочен, фактом является то, что подавляющее большинство стран вынуждены во многих аспектах «играть» по тем правилам, которые выработаны вовсе не ими самими. Это динамичное деление стран мира на те, которые вырабатывают общие «правила игры», и те, которые их принимают, длится, согласно МСА, более пяти веков (если вести отсчет от разделов мира на рубеже XV–XVI вв. между Испанией и Португалией – тогдашними глобальными лидерами). За прошедшие столетия менялись «игроки», правила и страны-лидеры, генерирующие правила. Если целостной системой, объединенной торговлей, культурой и политикой, объективно является не отдельная страна/народ, а группа тесно взаимодействующих стран/народов (или даже все страны и народы), то приведенное Д.В. Трубицыным возражение о первичности внутренних факторов развития теряет силу. Применительно к «Новому шелковому пути» взаимодействие России с КНР и ЕС – это именно *внутренний* процесс современной евразийской общности стран (которая, в свою очередь, есть часть современной мир-системы).

Принципиально важная характеристика мир-системы – неравенство ее стран-участниц, которые по критерию силы (т.е. способности генерировать общие «правила игры») делятся на ядро, полупериферию и периферию. Слабые страны периферии наименее субъектны (суверенны), подчиняясь давлению сильных стран, а сильнейшие страны ядра, наоборот, максимально самостоятельны в выборе не только своего пути развития, но и «правил игры» для себя и других стран мира. Россия – классический пример полупериферийной страны, которая с XVII–XVIII вв. в одних аспектах принимает «чужие» правила, а в других сама их диктует (хотя бы на региональном уровне). Диктуемые странами ядра правила таковы, что позволяют им сохранять свое доминирование, получая своего рода «историческую ренту» за достижения минувших лет. Например, международная патентная защита (основанная еще в 1883 г. Парижской конвенцией по охране

¹ Рождение МСА связывают, прежде всего, со знаменитым многотомником И. Валлерстайна «Мир-система Модерна» [Wallerstein, 2011; Валлерстайн, 2015–2016].

² Достаточно сказать, что об И. Валлерстайне в «Социологических исследованиях» за 2010–2020-е гг. опубликовано лишь две статьи – краткая заметка редактора в связи со смертью Валлерстайна [Романовский, 2019] и развернутая статья чешского автора о трудах этого «социолога мирового масштаба» [Шубрт, 2020].

промышленной собственности) тормозит освоение передовых технологий странами догоняющего развития, закрепляя их специализацию на трудоемких товарах/услугах с низкой добавленной стоимостью. В результате отставание стран периферии и полупериферии (включая Россию) объясняется, согласно МСА, не только их «плохими» внутренними институтами, но и «плохими» внешними (для данных стран) «правилами игры». Страны ядра навязывают более слабым странам такую экономическую специализацию и такую политику, которые сохраняют лидерство «золотого миллиарда». Хотя развитые страны ядра с XIX в. пропагандируют идеологию «невидимой руки рынка» и «свободной торговли», взаимоотношения стран в мир-системе очень далеки от «нормальной» конкуренции с равными шансами, поскольку страны ядра монополизировали свое привилегированное положение и силой защищают его. Конечно, откровенные «опиумные войны» остались в прошлом. Однако военные «миротворческие миссии» (типа «Бури в пустыне») и иные внеэкономические меры (например, экономические санкции против Кубы, Ирана, России и т.д.) с успехом выполняют функции «поддержания порядка», выгодного в первую очередь самым сильным странам.

Для понимания современной роли России в мир-системе надо обратить внимание на высокую динамичность этой системы. Страны активно конкурируют друг с другом в самых разных формах, от чисто экономических и культурных до чисто военно-силовых, стремясь повысить свое место в мировой «табели о рангах». Внутри ядра тоже идет борьба – борьба за роль абсолютного мирового лидера³. Периоды лидерства одной страны невелики, с главным лидером всегда вели борьбу соперники, немногим уступающие по силе. Страны полупериферии, в свою очередь, настойчиво рвутся в ядро при помощи как «экономических чудес», так и чисто военно-политических акций. Правда, военные методы оказываются обычно неудачными: военный потенциал стран ядра много выше, к тому же сильные страны (почти все – страны западноевропейской цивилизации) склонны поддерживать друг друга против аутсайдеров. Поэтому мир-системщики советуют догоняющим странам противопоставлять взаимоподдержке сильных стран политическую взаимоподдержку слабых (опыт ОПЕК – яркий пример успеха такого подхода). Наконец, многие откровенно периферийные страны тоже настойчиво борются за «место под солнцем». Современная Украина как раз демонстрирует, как в целом периферийная страна может опираться на поддержку ядра в борьбе против субпериферийного лидера.

Единственным однозначно успешно завершенным примером прорыва (суб)периферийной страны в ядро остается долгий и извилистый опыт Японии. После революции Мэйдзи 1868 г. она начала быструю прозападную модернизацию, после Первой мировой войны стала абсолютным лидером Восточной Азии, но в 1930-е гг. началось «головокружение от успехов», война «против всех» закономерно завершилась разгромом 1945 г., и только «японское чудо» 1960–1970-х гг. завершило вхождение этой нации в «золотой миллиард». Два других «тихоокеанских чуда», южнокорейское и тайваньское, оказались достигнуты ценой национального раскола, потому остаются под вопросом, хотя по большинству социально-экономических критериев современные Южная Корея и Тайвань уже схожи со странами ядра. За последние полвека было много и других «экономических чудес» (Турция, Индия, Таиланд, Чили, Бразилия...), которые дали пока более скромные результаты, существенно повысив региональную роль модернизирующихся стран, но без перехода в «высшую лигу» (в ядро).

Россия и КНР, наиболее влиятельные субпериферийные страны, идут если не по тому же пути, что и Япония, то в том же направлении. В их истории так же заметны волнообразность и разновекторность модернизации, когда стремление «учиться у Запада» периодически сменяется ожесточенной конфронтацией с ним. Это – универсальная закономерность догоняющего развития, которое ни в одной из стран не было однолинейным.

³ Исторически эту роль последовательно выполняли Испания/Португалия (XVI в.), Голландия (XVII в.), Великобритания (XVIII–XIX вв.) и США (XX в.).

В борьбе за прорыв в ядро страны догоняющего развития активно используют два фактора, играющих весьма противоречивую роль, – централизованное (даже авторитарное) управление и природные преимущества. Либеральные подходы трактуют оба эти фактора как однозначные тормоза развития. Представляется, что ситуация более сложна.

«Невидимая рука» рынка и демократия решают все проблемы в режиме «шаг за шагом», что затрудняет реализацию крупных (многолетних и дорогих) проектов. Не случайно во время войн рынок и демократия всегда частично или полностью уступали место планированию и авторитарности. Крупнейшие инфраструктурные проекты, Суэцкий (открыт в 1869 г.) и Панамский (открыт в 1913 г.) каналы, построены на основе государственно-частного партнерства. Прорывные технологические проекты XX века, атомный и космический, стали в 1940–1970-е гг. результатом тоже госпроектов, причем по обе стороны железного занавеса. Поскольку для стран догоняющего развития органичны традиции именно авторитарного централизованного управления, то их использование для модернизации действительно работает одновременно и на ее приближение, и на отдаление. Эти традиции могут приближать освоение новых технологий (в т.ч. социальных), но одновременно отдаляют эмансипацию общества от государства. Опыт успехов догоняющего развития показывает, что находить приемлемую для конкретной страны «золотую середину» трудно (Япония искала ее сотню лет), но возможно.

Богатство природными ресурсами (полезные ископаемые, выгодное транзитное положение, выгодность для туризма, плодородные почвы...) также может приносить стране как «ресурсное проклятие» (Ирак, Ливия, Конго, Либерия, Афганистан...), так и «ресурсное благословение» (ОАЭ, Кувейт, Сингапур, Таиланд, Египет...). Попытки Д.В. Трубицына доказать фатальность «ресурсного проклятия» ([Трубицын, 2016] и др.) интересны, но сомнительны методологически (в общественной жизни вообще нет, как в физике, «фатальных» законов) и эмпирически. Часто приводимые примеры того, как именно отсутствие природных ресурсов якобы стимулировало модернизацию страны, основаны на ошибочном обобщении, когда бедность страны каким-то одним видом природных ресурсов объявляется бедностью природными ресурсами вообще⁴. Либеральные критики правы лишь в том, что леготоргуемые природные богатства действительно создают возможность властям обогатиться, совершенно отказываясь от модернизации. Но в долговременную реальность эта возможность переходит только при очень сильном взаимном отчуждении элиты и народа. В целом же зависимость между модернизацией и наличием природных ресурсов носит явно криволинейный характер: при наличии таких ресурсов модернизацию легче начать, однако завершение модернизации предполагает освобождение общества от зависимости от природных условий. Самое главное, таких богатств, которые являются чистым даром природы («пришел, взял и продал»), почти нет, так что для догоняющих стран полномасштабное освоение их природных ресурсов обычно требует технологических и социальных прорывов.

Изложенный Р.Х. Симоняном проект перехвата Россией транспортной ренты надо рассматривать как один из элементов долговременного изменения «правил игры» в современной мир-системе, где страны БРИКС⁵ постепенно перехватывают лидерство у треугольника «США – ЕС – Япония». Данный перехват проявляется не только в изменении глобальной географии производства товаров и услуг, но и, самое главное, в сдвиге центров выработки

⁴ Скажем, Япония бедна полезными ископаемыми, зато имеет отличный климат и великолепные возможности для развития рыболовства и морской торговли.

⁵ Первоначально БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) был лишь условным обозначением совокупности крупных стран догоняющего развития, но с конца 2000-х гг. он стал формальной организацией, страны-члены которой начали координировать свою внешнеэкономическую политику. Поскольку в 2022 г. заявка на вступление в эту организацию подали Иран и Аргентина, данная организация постепенно превращается в объективно направленный против «золотого миллиарда» союз стран-лидеров всех регионов-цивилизаций «третьего мира» – латиноамериканской, российской, индийской, дальневосточной (конфуцианской), африканской и ближневосточной (исламской).

и реализации «больших проектов», меняющих мирохозяйственные «правила игры». Так, если Суэцкий канал был франко-британским проектом, а Панамский канал – американским, то «Новый шелковый путь» – инициатива КНР⁶. Евразийские страны догоняющего развития, реализуя «Новый шелковый путь», продемонстрируют способность самостоятельно вырабатывать и реализовывать крупный проект, который качественно ускорит рост не только международного товарооборота, но и их национального производства.

Обсуждаемый мегапроект выгоден евразийским странам, но современный главный мировой лидер, Соединенные Штаты, его выгодополучателем не будет. Более того, данный проект объективно является элементом той реорганизации современной мир-системы, которая началась в конце XX в. и связана с ускользанием из рук Соединенных Штатов завоеванного ими в 1940-е гг. статуса абсолютного лидера. «США пока сильнейшая держава в мире, – полагал И. Валлерстайн еще 20 лет назад, – но это увядающая держава»⁷. Согласно теории МСА, сдвиги лидерства ведут к обострению международной конфликтности. Поэтому нынешний конфликт между Россией, опирающейся на полуподдержку БРИКС, и Украиной, опирающейся на поддержку «золотого миллиарда», может быть интерпретирован как элемент глобального передела сфер влияния. А «Новый шелковый путь» – как другой элемент этого передела.

Пока трудно судить, является ли наблюдаемый кризис мир-системы временным «междоусобицей» перед взлетом нового мирового гегемона (объединенного Китая? Шанхайской организации сотрудничества в какой-то новой форме?), или, что более вероятно, эпоха мировых гегемонов уходит в прошлое, сменяясь более демократическим многополярным миром. Быть может, следующий этап развития современной мир-системы – это «клуб» региональных лидеров, т.е. существующий треугольник «США – ЕС – Япония» дополнится расширенным БРИКС? «Новый шелковый путь» станет одним из шагов именно в этом направлении.

В заключение обзора общетеоретической рамки участия России в трансевразийском транспортном коридоре следует подчеркнуть, что, с учетом активнейшего лоббирования Китаем «Нового шелкового пути» (как части еще более амбициозного транспортного мегапроекта «Один пояс – один путь»), перед Россией вообще не стоит вопрос, создавать ли этот транспортный коридор или лучше сначала заняться рыночной интенсификацией своей экономики (как предлагает Д.В. Трубицын). Ведь помимо проекта трассы «КНР – Казахстан – Россия – Евросоюз» есть и альтернативные проекты, без участия России (в частности, через Среднюю Азию, Иран и Турцию). Как пелось в советской песне о БАМе, «Стройка обошлась бы и без нас, / Нам же без неё не обойтись».

Общественное сознание россиян как эмпирическое доказательство транзитности России. Всё до сих пор написанное является популярным изложением важных для обсуждения «Нового шелкового пути» аспектов общей, неизбежно во многом умозрительной, рамочной мир-системной теории. Как и любая обществоведческая «большая теория», она базируется на определенных неявных ценностных установках (например, о важности национального суверенитета), которые трудно строго доказать. Либеральный оппонент, имеющий другие ценностные установки, всегда может заявить, что суверенитет отстающих стран оборачивается монополией госбюрократии этих стран грабить свой народ, что повышение благосостояния россиян за счет транспортной ренты при сохранении авторитарных институтов будет не ускорять, а тормозить национальную модернизацию, и что вообще МСА есть переваливание «вины» за неудачи догоняющего развития

⁶ «Большие проекты» совсем не обязательно связаны со строительством чего-то амбициозно-крупного. Так, Киотский протокол 1997 г., предполагающий введение международной торговли правами на загрязнение, был интересным примером чисто институционального «большого проекта» – попытки создать качественно новые общемировые «правила игры» в обход США, за счет блокировки ЕС, Японии и России.

⁷ «Система переживает коллапс» // Эксперт. 23 июля 2001 г. URL: https://expert.ru/expert/2001/28/28xwallerstain_58851/ (дата обращения: 02.07.2022).

«с больной головы на здоровую». Такие рассуждения, содержащие определенные зёрна истины, уводят обсуждение социологических аспектов «Нового шелкового пути» в более общую дискуссию о том, в чем заключается модернизация и как ее лучше достигать. У этой научной дискуссии на данный момент принципиально нет однозначных ответов, как нет их и в многовековой истории модернизационных процессов.

Чтобы понизить спекулятивность обсуждения, надо попробовать найти не только рамочный теоретический концепт, обосновывающий участие России в строительстве трансевразийского транспортного коридора, но и эмпирические факты в пользу этой позиции. Для этого перейдем к эмпирической социологии общественного сознания.

Если воспользоваться материалами многолетних социологических опросов, которые организует Институт социологии ФНИСЦ РАН⁸, то в них можно найти конкретные ответы на следующие три важных вопроса, связанных с обоснованием трансевразийской функции России: 1) согласны ли россияне в целом с задачами повышения суверенности России в современном мире?; 2) как россияне видят место России в противостоянии развитого Запада и развивающегося Востока?; 3) насколько сильны у россиян националистические установки, препятствующие организации устойчивых производственных связей между разными народами?

Первый вопрос связан с тем, что для конкретизации теории о глобальной конкуренции в современной мир-системе нужно уточнить, какие именно социальные группы и насколько сознательно являются акторами данной конкуренции. Он, в свою очередь, сводится к более общему вопросу об акторах политической жизни, состав которых исторически расширяется от узкого слоя элитных социальных групп до наций и человечества в целом. Конечно, при авторитарных режимах влияние граждан на политический выбор сокращается, но в современном мире без опоры на «мнение народное» никакая элита уже обойтись не может. Поэтому правомерно поставить вопрос, в какой степени курс российского правительства на возвышение нашей страны в современной мир-системе опирается на согласие россиян с таким курсом, который, как было ясно и до «крымской весны» 2014 г., сулит выгоды в отдаленном будущем, но издержки в ближайшее время.

Данные социологических опросов Института социологии в 2007–2018 гг. (табл. 1) показывают, что общественное сознание россиян в целом одобряет амбициозный вектор внешней политики России. Самая минималистская версия этой политики («России не следует стремиться к глобальным целям») всегда была наименее популярной. Правда, весной 2022 г. под влиянием переживания последствий СВО популярность такого минимализма

Таблица 1

Динамика мнений россиян о национальных внешнеполитических целях, по данным опросов ИС ФНИСЦ РАН, 2007–2018 гг., %

Внешиполитические цели	Доля россиян			
	2007	2014	2016	2018
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	45,4	52,1	51,2	57,5
Вернуть статус супердержавы, как было во времена СССР	34,6	25,8	26,1	30,5
Быть лидером на постсоветском пространстве	6,1	8,7	8,1	7,1
России не следует стремиться к глобальным целям, лучше сосредоточиться на внутренних проблемах	6,8	4,0	6,1	4,9
Затруднились ответить	7,1	9,4	8,5	–

⁸ Далее используются материалы общероссийских опросов (количество респондентов обычно составляло 2–4 тыс. человек) 2000–2020-х гг. по выборке, репрезентирующей основные социально-демографические характеристики населения России. Новейшим является проведенный в марте 2022 г. опрос по гранту РНФ по теме «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз».

выросла в несколько раз, но все равно это мнение разделяло меньшинство (порядка четверти) россиян. Даже с ограничением роли России только региональным (на постсоветском пространстве) лидерством согласно только небольшое меньшинство (менее 10%). Самым популярным всегда было желание видеть свою страну «одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира», оно осталось таким и после «донецкой весны» 2022 г.

Важно отметить, что сдвиг российской внешней политики от партнерства с Западом в 2000-х гг. до конфронтации с ним в 2010-х гг. на структуру мнений россиян почти не повлиял. Это значит, что в данном аспекте скорее российская политическая элита шла за народом, чем народ за элитой. В то же время некоторое «перетекание» мнений от претензий на супердержавность к пожеланию России быть только «одной из наиболее развитых и влиятельных» свидетельствует о росте умеренности россиян, их настроя именно на многополярность современного мира. Таким образом, курс российского политического руководства на повышение акторности России в современной мир-системе до уровня одного из мировых лидеров (но отнюдь не нового «мирового жандарма») соответствует мнению абсолютного большинства россиян.

Поскольку во время социологических опросов Института социологии россиян спрашивали и о методах желаемого возвышения России, то можно даже примерно сказать, насколько граждане восприимчивы к идее развития трансевразийской функции нашей страны. Во время опросов в 2014 и 2018 гг. среди разных предлагаемых респондентам вариантов ответа на вопрос «Россия стремится стать одной из ведущих стран мира. Что, на ваш взгляд, необходимо для обретения этого статуса?» фигурировал и вариант «стать “цивилизационным” мостом между Европой и Азией». В обоих опросах такой ответ выбирали примерно 8% респондентов. Подавляющее большинство выбирало варианты «иметь развитую современную экономику» (соответственно 57,8 и 67,1%) и «обеспечить высокий уровень благосостояния граждан» (52,6 и 66,2%). Поскольку концепт «Нового шелкового пути» известен пока в России в основном лишь специалистам, вполне закономерно, что идея евразийского «моста» не пользуется еще среди россиян популярностью. Важно, однако, отметить, что в общественном сознании она уже есть, так что при актуализации ее сопряженности с обсуждением, как «иметь развитую экономику» и как «обеспечить высокий уровень благосостояния», популярность идеологии «моста», скорее всего, легко подпрыгнет.

Второй социологический аспект участия России в реализации трансевразийского коридора – это понимание россиянами места России в противостоянии развитого Запада и развивающегося Востока. Ведь обсуждаемый транспортный проект возможен при условии хотя бы минимальной терпимости его участников друг к другу. Если же в нынешней атмосфере острого переживания россиянами СВО на Украине кто-то попытается громко заговорить о «Новом шелковом пути», это будет воспринято как попытка нашего полусоюзника (КНР) укрепить связи с нашим полупротивником (Евросоюзом) и вряд ли найдет благожелательное понимание. Поэтому надо выйти за рамки текущего ожесточения и рассмотреть длительные тенденции динамики отношения россиян к Европе и Азии как к определенным цивилизациям.

По поводу соотношения России и Западной Европы среди обществоведов уже три столетия сталкиваются две полярные точки зрения («Россия – часть Европы» contra «Россия – не Европа») с массой промежуточных оттенков (например, «Россия – другая Европа»). Состояние массового сознания россиян в 2000–2020-х гг. хорошо отражает эту противоречивость как научного дискурса, так и самой объективной реальности (табл. 2). Выявлению этой противоречивости способствует то, что в различных опросах Института социологии ФНИСЦ РАН вопрос об идентичности России ставился фактически в двух

качественно разных формулировках⁹. В результате, с одной стороны, на протяжении 2000–2020-х гг. примерно лишь 1/4–1/3 россиян выбирали ответ, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». 23% россиян, которые выбрали такой ответ в марте 2022 г., – это заметно меньше, чем в 2021 г., до начала антироссийских гиперсанкций, но не сильно отличается от показателя 2003 г. (28,2%). С другой стороны, когда в анкете фигурировало противопоставление России не *западным*, а *европейским* странам, то доля сторонников «европейскости» России резко росла. Во время некоторых опросов (в 2007 г. и 2018 г.) доли сторонников и противников мнения «Россия – часть Европы» вообще почти сравнялись.

Таблица 2

Динамика мнений россиян о перспективах взаимоотношений России и западных/европейских стран, по данным ИС ФНИСЦ РАН, 2000–2022 гг., %

Полярные суждения	Доля сторонников среди россиян													
	2000	2001	2003	2005	2007	2011	2013	2014	2015	2016	2018	2020	2021	2022
Противопоставление России и западных стран														
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	–	68,2	71,8	73,6	–	67,7	63,5	74,5	75,3	–	–	68,4	65,1	77,0
Противопоставление России и европейских стран														
Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация	34,6	–	–	–	34,9	–	–	–	–	59,8	51,6	–	–	–

Опросы показывают, таким образом, что россияне привыкли негативно реагировать на упоминание о Западе, воспринимаемом как исторический противник России, но гораздо более нейтрально относятся к ассоциирующейся с прогрессом Европе, хотя в обоих случаях речь идет, по существу, об одних и тех же странах. Когда же в 2007 г. в анкете можно было выбрать ответ «затрудняюсь ответить», то его выбрали 29,8%, демонстрируя широкое распространение непонимания и/или равнодушия к тому, насколько российская цивилизация схожа с европейской. Поэтому те 23%, которые в марте 2022 г. заявили, что Россия должна сближаться с Западной Европой, – только ядро сторонников мнения о «западном» характере России, значительная часть которых имеют неустойчивые или неартикулированные взгляды. Это показывает, что современный накал страстей против «коллективного Запада» имеет не слишком глубокую укорененность в общественном сознании россиян. Поэтому идея России-«моста» после завершения российско-украинского конфликта вполне сможет стать элементом очередного «нового мышления для нашей страны и для всего мира».

Третий социологический аспект участия России в реализации трансевразийского коридора – крайне непростой вопрос о националистических установках современных россиян как возможном препятствии реализации международных проектов. Ведь реализация

⁹ В одних случаях парные полярные суждения, между которыми респонденты должны были выбирать, звучали как «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны / Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни», а в других – как «Россия – часть Европы. В XX в. она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в XXI в. она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира / Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток».

подобных инфраструктурных проектов предполагает качественное умножение повседневных контактов людей разных народов (китайцев, казахов, русских и т.д.). Поэтому важно понимать, насколько (бес)конфликтными могут быть такие взаимодействия.

В современном мире есть множество примеров, когда страны-соседи, казалось бы, «самой природой» предназначены для сотрудничества, однако в силу зависимости от предшествующего развития народы соседствуют как кошка с собакой. Например, соседство богатых нефтью ближневосточных стран с высокотехнологичным Израилем создает самоочевидные стимулы для их экономической взаимоподдержки. Но из-за Path Dependency большим достижением последних десятилетий можно считать хотя бы сокращение ожесточенности тянувшегося с 1940-х гг. арабо-израильского конфликта.

Заочная полемика Р.Х. Симоняна и Д.В. Трубицына демонстрирует возможность самых разных интерпретаций исторического опыта – акцентирования как традиционного тезиса о преимущественно мирном расширении России в XVI–XX вв. на восток и на юг, так и противоположного тезиса о его жестоко-колониальном характере. Если же уйти от ангажированных поисков «традиционного миролюбия» (или «традиционной жестокости»), то в сухом остатке будет констатация того, что в течение последних четырех столетий у русских «колонизаторов», как правило, не было причин проявлять жестокость. Геноцидные эксцессы во время колонизации возникали там и тогда, где метрополия требовала коренной реорганизации «правил игры» в колониях на основе высасывания их ресурсов (испанский, португальский и голландский колониализм), либо их превращения в рынки сбыта (британский колониализм), а еще хуже, когда из метрополии в колонии шел большой поток переселенцев (Северная Америка, Тасмания, Новая Зеландия). В Российской империи первый процесс развивался слабо, второй – еще слабее, поскольку до отмены крепостного права массовых переселений просто не могло быть. В СССР оба процесса пошли активнее, но идеология «дружбы народов» допускала репрессирование нерусских народов даже в жестокие сталинские времена только как ситуативное и временное исключение из правил (которыми были, наоборот, *преференции* по отношению к «угнетенным царизмом» народам). К этому добавлялась постоянная политика инкорпорирования в российскую элиту традиционных элит присоединенных народов, неизвестная западному колониализму. Поэтому при немалом количестве конкретных примеров «конкистадорских» жестокостей в нашей стране никогда не мог возникнуть лозунг типа «хороший туземец – мёртвый туземец». Сама постановка вопроса о России-колонизаторе до сих пор вызывает у большинства россиян (не только русских) сильное отторжение из-за не только пропагандистских шаблонов, но и разительного несоответствия очень многих реальных практик представлениям о колониальном угнетении и эксплуатации.

Эмпирически достоверную информацию, насколько в современной России сильны этнонационалистические настроения, можно получить, отслеживая динамику представлений россиян о роли русских как «государствообразующего народа» (формулировка Конституции РФ). Институт социологии начал мониторить эту характеристику с 2014 г., когда в связи с разрастанием российско-украинского конфликта ожидался рост национализма. Результаты мониторинга оказались на удивление стабильными (табл. 3): идея «общего дома» поддерживается примерно половиной россиян (в марте 2022 г. доля ее сторонников даже несколько выросла), трактовка русских как «первых среди равных» – приблизительно третью, идея «государства русских» – лишь 1/10 респондентов. Поскольку русских в России около 80%, мнение об «общем доме» разделяет среди них примерно (или несколько менее чем) половина.

Интерпретация этих данных заставляет вспомнить парадокс, является ли стакан полупустым или полуполным. Действительно, высок или низок русский национализм? В современных западных странах с их нередко гипер-утрированной позитивной дискриминацией (например, в США) трудно представить, чтобы почти половина населения считала, что белые европейцы должны иметь больше прав или даже что страна должна быть государством белых европейцев. С другой стороны, еще труднее представить, чтобы

Таблица 3

**Динамика мнений россиян о роли русских в России,
по данным опросов ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2022 гг., %**

Мнения респондентов	Доля россиян			
	2014	2016	2018	2022
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	49,5	50,4	45,0	54,9
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом	32,2	32,3	34,6	33,7
Россия должна быть государством русских людей	9,2	8,9	9,6	11,1
Затруднились ответить	9,2	8,5	10,8	0,4

в восточных странах (кроме латиноамериканских) существовала хоть сколько-нибудь многочисленная доля граждан, согласная с идеей «общего дома» (скажем, что Турция – общий дом турок, курдов и армян). В данном аспекте русский национализм в России занимает примерно равноудаленную позицию как от западной «политической корректности», так и от восточного априорного приоритета прав этнического большинства.

Поскольку настороженное отношение многих русских к нерусским в современной России является эмпирическим фактом, создание трансъевразийского транспортного коридора обязательно столкнется с ростом социальной напряженности в связи с усилением притока мигрантов. Одной из задач организаторов этого коридора обязательно станет контроль этой напряженности, к чему заранее надо готовиться. В этой связи положительным моментом является отсутствие у россиян негативного исторического опыта в отношении китайцев и казахов – главных партнеров по «Новому шелковому пути». Эта позитивная Path Dependency уже сейчас проявляется в низком уровне страхов россиян в отношении китайских мигрантов (внутренние мигранты с Кавказа порождают их в гораздо большей степени).

Изложенные в данной статье (как и в двух предыдущих) соображения являются, конечно, только самым первым, во многом популярно-публицистическим, приближением к теоретическому осмыслению и эмпирическому анализу социологических аспектов модернизации российских пространств вообще и перспектив «Нового шелкового пути» в частности. В текущем 2022 г. Россия переживает «время разбрасывать камни», но придет и «время собирать камни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I–IV. М.: Ун-т Д. Пожарского, 2015–2016.
- Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. 6-е изд. М.: URSS, 2022.
- Романовский Н.В. Иммануил Валлерстайн предупреждает... (Еще раз о глобализации) // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 117–127.
- Романовский Н.В. Памяти И.М. Валлерстайна // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 168.
- Симонян Р.Х. Пространственный потенциал России в контексте экономической интеграции Европы и Азии (подходы с позиции социологии пространства) // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 84–94.
- Трубицын Д.В. Пространственный потенциал России – еще одна причина ничего не менять? // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 95–104.
- Трубицын Д.В. Социологические ключи к секретам ресурсного проклятья // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 3–12.
- Шубрт И. Иммануил Валлерстайн: взгляд на труды социолога мирового масштаба // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 101–109.
- Wallerstein I.M. The Modern World-System. Vol. I–IV. University of California Press, 1974–2011.

Статья поступила: 03.07.22. Подписана к публикации: 08.07.22.

CONCEPTS AND EMPIRICS OF TRANSIT USE OF THE RUSSIAN SPACE

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. Continuing the discussion on the sociological aspects of Russia's participation in the creation of the trans-Eurasian high-speed transport corridor, the author suggests considering the world-system analysis as the main element of the "sociology of space". We are talking about the identification of three groups of countries – the core, the semi-periphery and the periphery – according to the criterion of their participation in the formation of international "rules of the game". From this point of view, the "New Silk Road" is an element of global domination by new leaders (semi-peripheral BRICS countries) the old ones (first of all, the USA). Empirical data from surveys of Russians organized in the 2000s-2020s. According to the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, the focus of the Russian political leadership on increasing its international role is based on the public consciousness of Russians, more than 80% of whom want their country to become at least one of the most economically developed and politically influential. Opinion polls also show that, despite the confrontation with the West in recent years, Russians still have a high level (slightly less than half of citizens) of awareness of Russia as a European country, which might become an important element of approving the "big project" of a transport corridor connecting China and the EU. At the same time, the high prevalence of Russian nationalism (the idea of Russia as a "common home" is shared by only about half of Russians) may become a factor complicating the implementation of this important international project.

Keywords: "New Silk Road", world-system analysis, modern world-system, public consciousness, foreign policy goals, Russian nationalism.

REFERENCES

- Kagarlitsky B.Y. (2022) *Peripheral Empire: Russia and the World system*. 6th ed. Moscow: URSS, 2022. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2001) Immanuel Wallerstein warns... (Once again about globalization). *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. 2001. No. 5: 117–127. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2019) In Memory of I.M. Wallerstein. *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. No. 9: 168. (In Russ.)
- Shubrt I. (2020) Immanuel Wallerstein: a look at the works of a sociologist on a global scale. *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. No. 8: 101–109. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2022) Spatial potential of Russia in the context of economic integration of Europe and Asia. *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. No. 8: 84–94. (In Russ.)
- Trubitsyn D.V. (2022) Spatial potential of Russia – another reason not to change anything? *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. No. 8: 95–104. (In Russ.)
- Trubitsyn D.V. (2016) Sociological keys to the secrets of the resource curse. *Sotsiologicheskie issledovniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–12. (In Russ.)
- Wallerstein I. (2015–2016) *The Modern World-System*. Vol. I–IV. Moscow: Dmitry Pozharsky University. (In Russ.)
- Wallerstein I.M. (2011) *The Modern World-System*. Vol. I–IV. University of California Press.

Received: 03.07.22. Accepted: 08.07.22.

ВАЛЕРИЮ АНДРЕЕВИЧУ МАНСУРОВУ – 85 лет!

26 августа 2022 г. свой 85-летний юбилей отмечает известный советский и российский ученый-социолог, доктор философских наук, профессор, президент Российского общества социологов (РОС) Валерий Андреевич Мансуров.

В.А. Мансуров родился 26 августа 1937 г. Он окончил Кировский государственный педагогический институт в 1959 г., а в 1970 г. аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, защитив кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы и методы исследований средств массовой коммуникации в США». В 1982 г. им была защищена диссертация на соискание степени доктора философских наук по теме «Проблемы развития личности в социалистическом обществе».

Свою трудовую деятельность Валерий Андреевич начал в 1958 г. учителем английского языка и проработал в этой должности до 1960 г. В 1964–1973 гг. он – ассистент, а впоследствии доцент Кировского политехнического института (сейчас – Вятский государственный университет). С 1973 по 1983 г. – профессор и заведующий кафедрой Московского института марксизма-ленинизма, а в 1982–1984 гг. – профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1985 г. В.А. Мансуров на протяжении ряда лет – заместитель директора по науке, по международным связям Института социологических исследований АН СССР (с 2005 г. Институт социологии РАН), с 1995 г. – директор Центра (впоследствии – сектора) оперативных и прикладных исследований того же Института. Он – заведующий сектором социальных проблем интеллигенции, который затем был преобразован в сектор социологии профессий и профессиональных групп; профессор и заведующий кафедрой отраслевой социологии социологического факультета ГАУГН. С 1994 г. В.А. Мансуров – приглашенный профессор Университета Де Монфорт (De Montfort University) в Англии.

Сейчас В.А. Мансуров – заведующий сектором социологии профессий / профессиональных групп ИС ФНИСЦ РАН, почетный доктор ФНИСЦ РАН. Он активно участвует в работе Ученого и диссертационных советов Института социологии и ФНИСЦ РАН.

Широко известна и признана организаторская деятельность Валерия Андреевича в масштабах российского социологического сообщества. С 1997 г. он – бессменный президент Российского общества социологов (РОС), авторитетного профессионального объединения социологов, которое включает более 4000 членов, 75 региональных отделений, расположенных практически во всех субъектах Российской Федерации, 42 тематических исследовательских комитета. В.А. Мансуров организует и координирует научную работу РОС, направленную в том числе на проведение Всероссийских социологических конгрессов, ежегодных научных конференций и издание к ним сборников научных трудов и докладов, организацию регулярных (чаще всего – ежегодных) инициативных социологических исследований и опросов по важным социально-политическим проблемам современной России, а также выпуск сборников статей российских социологов к международным научным мероприятиям.

В.А. Мансуров – действительный член Российской академии социальных наук (РАСН), Международной академии информатизации, Международной (ISA) и Европейской (ESA) социологических ассоциаций и национального совета ISA, Всемирной ассоциации изучения общественного мнения (WAPOR).

Основные сферы научных интересов ученого – методология и методика социологических исследований, социология профессий и профессиональных групп, молодежи и интеллигенции, средств массовой информации и общественного мнения. Валерий Андреевич

обосновал научные подходы к анализу профессий и профессионализации в специфических социально-экономических и исторических условиях. В своих работах он рассматривает положение профессиональных групп интеллигенции в свете отечественных и западных теоретических подходов как взаимодополняющих для комплексного анализа в новых условиях. Его научные работы касаются также проблематики профессиональных групп врачей, педагогов, юристов, инженеров.

Под руководством В.А. Мансурова выполнялись многочисленные отечественные и международные проекты. К числу наиболее крупных из них относятся проекты «Жизненные планы молодежи» (1960); «Социальная активность советской молодежи» (1970–1985); «Интеллигенция в меняющемся обществе» (1985–1990); советско-финский проект «Образ соседа» (1990); «Классовая структура и классовое сознание» (1991); «Жизненные стратегии технической интеллигенции предприятий высоких технологий» (1992–1997); «Российские врачи: отношения и стратегия адаптации к новой ситуации» (1998–2000); «Проблемы социальной адаптации различных профессиональных групп интеллигенции (учителя средней школы) в современной России» (1998–2000); «Динамика социального и профессионального статуса специалистов традиционной медицины в изменяющейся России» (2005–2008); «Инженерные династии России» (2015–2017), «Профессиональные династии как социальный механизм воспроизводства профессиональных групп» (2018–2020).

В.А. Мансуров принимает активное участие и в жизни международного социологического сообщества. С 1970 г. – он участник Всемирных социологических конгрессов, с 1989 г. – ежегодных конференций WAPOR и ESOMAR (Европейского общества изучения общественного мнения и маркетинговых исследований), а с 1993 г. – европейских социологических конференций. В общей сложности Валерий Андреевич принял участие более чем в 100 международных научных мероприятиях.

Разнообразна и преподавательская деятельность В.А. Мансурова, которая началась в 1959 г. В разное время он читал курсы «Общая социология и социальная психология», «Социология масс-медиа и исследования общественного мнения», «Социальная стратификация», «Социология профессий и профессиональных групп». Под его научным руководством защищено 10 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Валерий Андреевич – автор многочисленных научных работ, их более 300, включая публикации в англоязычных изданиях, а также 9 монографий. Под научной редакцией В.А. Мансурова вышли коллективные монографии «Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе» (2007 г.); «Профессиональные группы: динамика и трансформация» (2009 г.); «Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей» (2013 г.); «Инженерные династии России» (2017 г.) и многие другие.

В 2008 г. В.А. Мансуров награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Его многолетний труд отмечен почетными грамотами Президиума РАН, серебряной медалью Пителима Сорокина за значительный вклад в развитие отечественной социологической науки и содействие популяризации ее достижений, знаком «Заслуженный деятель РОС», Золотой медалью в честь 25-летия РОС.

В ближайших планах В.А. Мансурова – продолжение активной работы в рамках Института социологии ФНИСЦ РАН и Российского общества социологов, организация VII Всероссийского социологического конгресса, намеченного на 2024 г. Он активно способствует дальнейшему укреплению позиций российской социологии в мире, проведению в нашей стране международных научных мероприятий, несмотря на сложности в современной политической ситуации.

Коллектив Российского общества социологов и сектора социологии профессий и профессиональных групп ИС ФНИСЦ РАН от всего сердца поздравляет дорогого Валерия Андреевича с юбилеем! Мы от души желаем ему крепкого здоровья, долгих лет активной творческой и научной жизни, а также новых успехов на поприще популяризации социологии и дальнейшего продвижения социологического образования!

Коллеги, друзья

«СОЦИОЛОГИ БОЛЕЮТ ЗА ВСЕ ОБЩЕСТВО В СВОЕЙ СТРАНЕ...» (интервью с В.А. Мансуровым)

Аннотация. В интервью с В.А. Мансуровым, президентом Российского общества социологов (РОС) с 1997 г., в биографическом контексте рассматриваются вопросы, связанные с историей становления исследовательского направления социологии профессий и профессиональных групп как преемника исследований интеллигенции, его потенциалом в решении проблем современного российского общества, а также с деятельностью РОС, авторитетного российского профессионального сообщества. Сегодня в РОС около 5000 индивидуальных членов, 76 региональных отделений, 42 исследовательских комитета. РОС проводит всероссийские социологические конгрессы раз в четыре года, является членом Международной и Европейской социологических ассоциаций, является организатором масштабных всероссийских исследований по актуальным социальным проблемам. Интервью фокусируется на оценке состояния организационной деятельности РОС, его международных связей, вопросов профессиональной этики, а также перспектив развития социологии в России.

Ключевые слова: социология • Российское общество социологов • социология профессий и профессиональных групп • социологические конгрессы • международное сотрудничество

DOI: 10.31857/S013216250021570-0

И.П. Расскажите, пожалуйста, о наиболее значимых вехах Вашего профессионального пути.

В.М. Я пришел в социологию от практической работы с молодежью в комсомоле. При подготовке различных вопросов на заседания бюро Кировского обкома ВЛКСМ нужна была систематизированная информация, собранная из различных источников, в том числе из бесед с разными людьми. Сейчас я могу сказать, что я проводил в командировках фокусированные глубинные интервью экспертов и массовые интервьюирования молодежи, анализировал соответствующие документы и статистические показатели. Всегда хотелось получить больше информации за сравнительно короткое время. Именно тогда, обучаясь на курсах Высшей комсомольской школы, я впервые услышал о социологических методах сбора и обработки социальной информации. Затем я прочитал изданную в 1966 г. Всесоюзным обществом «Знание» брошюру Галины Михайловны Андреевой «Буржуазная социология в поисках теории», в которой были ссылки на работы американских социологов, в том числе Т. Парсонса, П. Лазарфельда, У. Мура. Провёл несколько самостоятельных опросов сельской и рабочей молодежи и понял практическую ценность анкетирования для своей работы. Некоторые результаты моих непрофессиональных исследований были опубликованы в областной газете «Комсомольское племя» и на научно-практической Всесоюзной конференции «Молодёжь и социализм», организованной ЦК ВЛКСМ в 1967 г. Знаний мне явно не хватало, и я решил поступить в аспирантуру философского факультета МГУ. В это время я уже работал в Кировском политехническом институте на кафедре марксизма-ленинизма, читал курс диалектического и исторического материализма, но продолжал на общественных началах руководить группой социологических исследований Кировского обкома ВЛКСМ. В этот период и произошли события, окончательно определившие моё социологическое будущее. Во-первых, я поступил в аспирантуру после встречи с моим научным руководителем Галиной Михайловной Андреевой и, во-вторых, продолжил активное сотрудничество с группой социологических исследований ЦК ВЛКСМ, в которой работали мои будущие коллеги и друзья Геннадий

Терентьевич Журавлёв, Артемий Семёнович Кулагин и Владимир Ильич Чупров. После досрочной защиты кандидатской диссертации в 1969 г. я вернулся на работу в Кировский политехнический институт и продолжил руководить группой социологических исследований Кировского обкома ВЛКСМ. За время обучения в аспирантуре я вступил в Советскую социологическую ассоциацию по рекомендации Г.М. Андреевой и Б.А. Грушина, принял участие в исследовании «Таганрог-1», в VII Всемирном социологическом конгрессе (Варна, Болгария), в исследовании Б.А. Грушина «Выборы руководителей производственных коллективов». А.С. Кулагин и В.И. Чупров перешли на работу в Институт социальных исследований АН СССР. В 1973 г. Чупров позвонил мне в Киров и сообщил, что его направляют на Кубу для работы в группе советских консультантов и от имени руководства Института социальных исследований АН СССР пригласил на работу вместо себя в качестве руководителя лаборатории проблем социальной активности молодёжи закрытого отдела ИСИ. Так, с июля 1973 г. и по настоящее время я работаю в этом институте, теперь это Институт социологии ФНИСЦ РАН. В мае 1985 г. меня избрали заместителем директора Института социологии АН СССР. А с основания ГАУГН до 2019 г. работал зав. кафедрой отраслевой социологии. В 2001–2004 гг. был приглашённым профессором университета Де Монтфорт (De Montfort University) (Англия).

И.П. Вы были основателем такого нового для российской социологии исследовательского направления, как социология профессий/профессиональных групп. Как начиналась эта работа?

В.М. Я заведовал сектором социологии интеллигенции, который затем стал сектором социологии профессий и профессиональных групп. Мы разработали свою методологию, ее мы и придерживаемся. Некоторые исследователи, которые стали включаться в это направление, кого интересует эта методология, так или иначе выходят на контакты и сотрудничают с нами. Еще с советских времен, когда я занимался социологией интеллигенции, наши секции на конгрессах и конференциях не были многочисленными. Проблематика профессиональных групп представлялась более широкой и разнообразной, чем проблематика просто интеллигенции. Тем более что на Западе никто и не понимал, что такое интеллигенция.

И.П. Как произошел поворот от изучения проблем интеллигенции к социологии профессий и фокусировке на профессиональных группах?

В.М. Это произошло во время работы над международным исследовательским проектом INTAS-РГНФ «Российские врачи: отношение и стратегия адаптации к новой ситуации», которым я руководил от России. В этот период в Международной социологической ассоциации (МСА / ISA) шло становление исследовательского комитета (ИК) социологии профессиональных групп, аналогичный ИК во главе со мной был создан и в РОС. В этом проекте мы сотрудничали с Майком Саксом, который представлял Университет Де Монтфорт в Великобритании и был членом правления рабочей группы по социологии профессиональных групп МСА. Он был очень активен, избирался и в другие исследовательские структуры этого направления. Через него мы познакомились с канадскими, американскими партнерами, финских партнеров мы знали до работы в проекте. Это был международный проект, важно было, чтобы мы понимали друг друга. Поэтому мы начали сблизиться в плане категорий, подходов. Мы перестали разговаривать с нашими партнерами об интеллигенции, стали говорить о профессиональных группах. Для себя мы понимаем, что раз человек получил высшее образование и определенный объем теоретического знания, что является признаком профессионала, то в интеллектуальном плане его уровень высок, и его можно отнести к интеллигенции. Хотя, с нашей точки зрения, интеллигент – это понятие, больше связанное с этикой и нравственными вопросами. С тем, как человек относится к другим людям вообще. Что касается профессионалов – это очень ограниченная сфера общения, отношений – профессиональная деятельность. Но свои проблемы они пытаются решать во взаимодействии и с профессиональным сообществом, и с более широким окружением. Мы избрали для себя определенный сегмент. Ведь есть разные

концептуальные подходы у социологов в исследовании профессиональных групп, дискуссии касаются и самого понятия профессий – profession or occupation. Нас привлекла неовеберианская концепция. В ее рамках мы решали и вопросы, связанные с систематической профессиональной подготовкой интеллигенции. Это проблематика, близкая к исследованию профессионалов и полупрофессионалов (semi-professionals), которые выделяются в каждой профессиональной группе по уровню образования: в первом случае это достаточно большой объем теоретических знаний, полученных в вузах, во втором – скорее практических навыков и умений, основанных на среднем специальном образовании. В частности, по аналогии с группой врачей мы стали рассматривать и группу учителей, где в качестве полупрофессионалов рассматривали тех, кто работает в дошкольном образовании. Помимо всего прочего, это давало нам возможность понять специфику и нюансы Болонской системы.

И.П. Какие наработки Вашего сектора Вы считаете актуальными и важными для продолжения исследований?

В.М. Очень важно изучение профессиональных групп с точки зрения их среды, того, как организована сфера их деятельности, это является первым шагом в исследовании. Затем в сфере нашего внимания – система подготовки и профессионализации, т.е. вхождения в профессию. В случае врачей – это медицинские колледжи, училища, медицинские университеты, структуры по переподготовке. Благодаря этому понятна и социальная потребность – общество заинтересовано в здоровых людях. Но его часть заинтересована и в том, чтобы люди болели. И даже сами врачи, если они работают в системе капиталистических отношений. И я выделяю важное направление более широкого, общего характера – надо прекращать коммерциализацию социальной сферы. Это важный момент с точки зрения позиции социологов: социологи болеют за общество в целом, прежде всего в своей стране. Ведь до сих пор Россия как общество, как структурная система является расколотой, разбитой, растащенной. То, что Россию не удалось развалить формально на какие-то кусочки в государственном плане в 1990-е гг., – это удалось сделать экономически. В Советском Союзе пенсионер пользовался своими льготами и правами независимо от места жительства, учителя получали равную заработную плату в соответствии со своим статусом независимо от региона, где они занимаются своей профессиональной деятельностью, так же как и врачи, ученые, работники культуры и т.д. В социальной сфере общих правил нет. Статус пенсионера-москвича не работает в регионах, и наоборот. Реально мы разбиты на регионы экономически. Надо возвращать федеральную систему в социальную сферу деятельности. Это все тянется очень давно. Если помните, была дискуссия по зарплатам научных сотрудников. Долго с этим работали, вроде бы успокоились, а на самом деле проблема так и осталась. Я знаю, что люди в таком же статусе, что и я, в регионах получают меньше. Социологи должны об этом говорить. Они должны предупреждать, что это раскалывает общество. Мы хотим объединять людей – давайте принимать меры. Платите людям за их работу таким образом, чтобы зарплаты не различались в зависимости от места жительства. Это резко улучшило бы климат в стране и положение людей в целом. Я не понимаю, почему с этим так долго тянут. Ведь разговоры об этом идут, даже наши политехнологи об этом говорят. Проблемой является социальное неравенство в этих сферах, когда ректор получает в десятки раз больше, чем профессор. Любой социолог прекрасно понимает, к чему это приводит. Поэтому, конечно, можно говорить о проблемах наших внутренних, внутри своей профессиональной группы – они, конечно, есть. Но мы же социологи, и главная наша характеристика – мы все-таки должны понимать, что есть уровни в развитии профессиональной деятельности, которые важны для всего общества, и здесь необходимы верные, сбалансированные решения. Как, например, в сфере науки и техники. Науке надо вернуть ее высокий статус в обществе – не только техническим нашим наукам, благодаря которым мы имеем возможность вести себя так независимо в мире, или нашей медицинской науке, COVID-19 постарался. Ведь есть и другие науки, социальные, от состояния которых многое зависит. Это частично наш

менталитет – пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Но что-то все-таки меняется. Потому что ситуация резко обострилась и большинству стало понятно, что дальше уже так быть не может.

И.П. Вы – признанный лидер такой авторитетной организации, как Российское общество социологов, его президент на протяжении многих лет. Расскажите, пожалуйста, подробнее о том, каким было состояние РОС в то время, когда Вы впервые были избраны президентом?

В.М. В это время все те организации, которые были в Советской социологической ассоциации (ССА), практически исчезли. В свое время ССА Академии наук СССР было выделено большое количество ставок. На пятом этаже нашего Института социологии она кабинетов семь занимала. Там были главный ученый секретарь, ученый секретарь по международным делам, отдельный человек занимался публикациями. А в 1992 г., когда исчез СССР и Академия наук СССР тоже, ССА пребывала в растерянности, решали, каким образом ее реформировать. Ее перестали финансировать. Люди тоже перестали работать. И был период после 1992 г., когда пытались воссоздать как-то эту структуру под другим названием, много было всяких заседаний... В то время А.Г. Здравомыслов создал свою ассоциацию – Профессиональную социологическую ассоциацию. РОС как организация¹ продолжал существовать, но денег не было, был один кабинет в здании Института социологии, и на собранные мизерные средства там пытались содержать ученого секретаря. Страны нет, надо что-то предпринимать. И было знаменитое это последнее заседание президиума Советской социологической ассоциации в 1992 г. З.Т. Голенкова секретарствовала как вице-президент ССА. Было принято решение передать полномочия Российскому обществу социологов. Я тогда был заместителем директора Института социологии, и в учредительном собрании РОС я и участвовал-то как представитель Института социологии. На этом собрании президентом избрали Н.И. Лапина, и были избраны вице-президенты, человек шесть, среди них В.И. Добренев, О.И. Шкартан и я. Был такой порядок – каждый год перевыборы, и РОС как организация обязался проводить ежегодную конференцию. И мы практически начали воссоздаваться. В Питере на какой-то очередной конференции провели перерегистрацию членов, их оказалось 200 с небольшим человек. Т.е. мы ухнули с семи с лишним тысяч человек до 200... Стали потихоньку подниматься. Прежде всего, это продолжение работы по проведению ежегодных конференций. На каждой из них выбирали президентов, были А.К. Зайцев, В.С. Дудченко, потом избрали В.А. Ядова. Практически единственное, что они делали, – проводили одну конференцию в год и все. В 1997 г. была очередная конференция, которую проводили в МГИМО, на пленарном заседании выступали с докладами М.К. Горшков, Б.А. Грушин. Никакой подготовительной работы по выборам не велось, просто В.А. Ядов предложил мою кандидатуру, а Б.А. Грушин поддержал, сказав, что нам нужен человек активный, с позицией... Поскольку у меня статуса было достаточно, нам выделили две комнаты в Институте социологии. А до этого РОС несколько лет жил на территории соцфака МГУ. Ученым секретарем – единственная тогда штатная должность – была Л.Н. Цой, и она проводила работу по перерегистрации РОС в 1997 г. РОС первоначально был зарегистрирован в Минюсте, затем мы официально зарегистрировались и в Академии наук как академическое общество. И через несколько месяцев мы зарегистрировали РОС и как самостоятельную организацию уже в Минюсте РФ. Тем не менее Президиум Академии наук принял решение о научно-методическом руководстве со стороны Президиума РАН общественными организациями, в том числе РОС со стороны Отделения общественных наук Президиума РАН.

Первый Всероссийский конгресс мы провели в сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге, там принимал участие президент МСА А. Мартинелли, профессор Миланского университета, я его лично знал и пригласил участвовать. Все прилично прошло, надо сказать.

¹ Российское общество социологов создано в 1989 г. в рамках Советской социологической ассоциации сначала как республиканская организация, но уже в 1991 г. стало самостоятельным.

И.П. Да, этот конгресс запомнился многим, мне в том числе, как крупное, интересное мероприятие.

В.М. И там, если помните, выступал с приветствием от Президиума РАН на пленарном заседании В.И. Иванов. Я отчитывался на конгрессе, меня снова переизбрали. Тогда ИК было меньше десятка. Но пришли все, кто был заинтересован. Тогда же сложился принцип, который действует до сих пор, – в конгрессах (съездах) РОС могут принимать участие все желающие, но если они не избраны делегатами съезда, то не имеют права голосовать. Тогда это получилось незапланированно, но вошло в жизнь РОС. И с того времени членство РОС стало расти. И потом процесс пошел таким образом, что в год конгресса каждый раз у нас был солидный прием – я помню, до 500 человек мы принимали. Вот когда был IV конгресс в Уфе (2012), мы приняли более 500 человек. Люди хотели участвовать. И мы приняли решение проводить конгрессы раз в четыре года и там проводить переборы, чтобы дать людям работать в течение четырех лет. А потом получилась такая ситуация, что меня каждый раз переизбирали президентом РОС. Причем никто не предлагал никаких специальных усилий – просто так привычно стало. Людей новых мы всегда привлекали. У нас и на последнем конгрессе в 2021 г., например, 25% членов президиума сменилось. Вот так и пошло. Ну наладилось что-то, надо сказать. Снова стали возникать отделения – сейчас у нас почти 80 региональных отделений. Практически везде есть, хотя бы формально. Какие-то работают активно, какие-то менее активны, но работают. А есть и «спящие», к сожалению.

И.П. Там нет достаточно активных людей?

В.М. Они вроде и есть, и изъявляют желание участвовать, но потом «пропадают». Вот Южно-Сахалинское отделение: они прислали протокол, что создали отделение, а потом тишина. Они ответили на наши запросы, что у них перестали готовить социологов, несколько человек уехали на материк.

И.П. Все зависит от условий.

В.М. Конечно. Пока в университете готовят социологов, есть кафедра, то по крайней мере это стабильно какая-то. А когда социологи исключили из списка обязательных дисциплин студентов вузов любого профиля... Несколько лет мы быстро росли, отделений много было и факультетов много было. Наладилась издательская работа. Был лавинообразный рост мероприятий. Был период, когда одну конференцию в год проводили, и люди еле находили средства, чтобы приехать, и мы с трудом находили деньги, чтобы издать материалы. А потом – у нас уже пять конференций в год, а далее уже и счет потеряли. Сейчас конференции сплошным потоком по регионам. Они сами проводят конференции, но, правда, пишут, что это от Российского общества социологов, поскольку региональные отделения РОС проявляют активность.

И.П. Почему?

В.М. Прежде всего потому, что они не являются самостоятельными юридическими лицами. У нас по уставу не возбраняется иметь самостоятельные региональные отделения как юридические лица. Но ни одного такого отделения сейчас нет. Это нерентабельно с финансовой точки зрения – надо содержать главного бухгалтера, иметь постоянный источник дохода, платить налоги. А если бы отделения были юридическими лицами, они могли бы писать, что конференцию проводят они, а не РОС. В конце концов, это момент самостоятельности, уважения. Для региональных социологов это важно, потому что это федеральный уровень. Таким образом они себя позиционируют как сильную сторону в своих условиях, внутри своей организации. Я это понимаю. Когда я был в Кирове и вступил в Советскую социологическую ассоциацию в 1966 или 1967 г. еще в аспирантуре в Москве, это было важно для меня. И для рекомендаций, и корочки очень симпатичные, под кожу... Это было очень здорово. И сейчас это тоже работает, потому что региональные власти видят, кто функционирует на их уровне. И социологи у них активно себя проявляют.

Сейчас мы доросли до уровня около 5000 индивидуальных членов. Правда, иногда мы выскакиваем за эту цифру за счет студентов, но когда они заканчивают учиться – многие

исчезают, и сразу количество членов РОС опять опускается. Но все равно это очень прилично, в мире мы вторые–третьи. Мы соревновались по количеству индивидуальных членов с Индией, которая по населению, как известно, превосходит Россию. РОС – национальная социологическая ассоциация – такой статус у нас и в Международной ассоциации, и в Европейской. А вся Европейская социологическая ассоциация сейчас включает около 3000 тыс. человек. Мы там гигантами выглядим. Поэтому странно, когда прибалтийские национальные ассоциации, которые даже взносы не платят, потому что они слишком маленькие, и их содержат те, кто взносы платит, хотят нас исключить.

Таким образом, появилась какая-то система в работе. Структура РОС строилась по формату МСА и состоит из региональных отделений (территориальные компоненты) и ИК (отраслевые, содержательные компоненты). Так и РОС работает². Люди уже привыкли к этому. Стабильность появилась, появился хороший актив. И все вопросы мы всегда решаем коллективно. В последнее время в этом плане помогает то, что есть возможности связываться онлайн. Рассылка идет, люди реагируют. В конце концов, вырабатывается общая позиция.

И.П. Как бы Вы охарактеризовали Вашу организаторскую работу? Кем Вам чаще приходится быть: дирижером сложно организованного оркестра или Вы больше опираетесь на инициативу активных участников РОС?

В.М. Сначала, конечно, на меня очень многое валилось. Ответственность вся ложилась на президента. Но я потихоньку делегировал свои полномочия. Вот уже второй созыв И.А. Сосунова очень активно работает как вице-президент по региональным отделениям. Я уже через нее работаю. Не нужен такой постоянный контроль. Люди стали свои обязанности выполнять. Или Н.В. Дулина, молодой наш вице-президент по исследованиям и публикациям, двум серьезным направлениям. Они великолепно организовались и провели исследование в этом году, в тяжелое время пандемии и СВО, по теме преемственности, сохранения традиций в сфере культуры среди студентов. Мы опросили 12 тыс. студентов, причем не только России, но и Беларуси, Киргизии, Казахстана, и даже Узбекистана – тех, которые у нас учатся, они тоже захотели отвечать. Это инициативное исследование, мы же провели конгресс по теме «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов», в этом же плане решили провести и исследование. Это тоже то новое, что появилось начиная с конгресса в Екатеринбурге в 2016 г., который был посвящен проблемам социального неравенства и социальной справедливости. В тот раз и исследование мы провели по этой же проблематике, хорошие публикации сделали, выпустили монографию. Это уже стало нашей традицией: конгресс раз в четыре года, и каждый год мы проводим исследования, в том числе в рамках ИК по своей проблематике. К V конгрессу РОС было исследование, посвященное 75-летию Победы, информацию запросила Госдума, нас наградили благодарностями, а мы наградили участников своими грамотами.

Важно, что эта работа проводится через университеты. И у них уже есть позитивный опыт сотрудничества с РОС. Причем исследования, которые потом звучат: были публикации в центральных журналах, в том числе и в СоцИсе. В те университеты, которые принимали участие в опросах, мы присылаем благодарственные письма. Мы приушаем их таким образом к тому, что РОС – это действующая организация, с которой можно сотрудничать. Но и университеты тоже зарабатывают авторитет, участвуя во всероссийском исследовании. А в этом году некоторые отделения отработали просто великолепно. Например, Чеченское отделение – на 3-м месте по количеству опрошенных. Ставропольский педагогический университет опросил более 600 студентов – практически самостоятельное исследование.

И.П. Какие из региональных отделений РОС наиболее активные? Кого Вы могли бы выделить? Есть ли устоявшаяся специфика в их деятельности?

В.М. Все знают, что у нас Уральское отделение хорошо работает, и в плане мероприятий, и проведения исследований, среди организаторов – Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, сейчас М.В. Певная. Пермское отделение отлично работает, растет численно,

² Подробнее см. на сайте РОС (<http://www.ssa-ros.ru>).

Орловское отделение, которое в основном они базируется в Среднерусском институте РАНХиГС. Есть традиционные базовые отделения, такие как Новосибирское отделение, в Санкт-Петербурге был длительный период, когда в качестве нашего Северо-Западного отделения работала ассоциация – Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, оно базируется в университете, а затем СПАС – в Европейском университете, а точнее уже в нашем Социологическом институте ФНИСЦ РАН. Это не значит, что мы ими руководим. От них избирается вице-президент РОС со стороны Санкт-Петербурга. Уже второй срок А.В. Дука избирается, он и СПАС представляет, и Социологический институт. Активно отделение в Уфе, Р.М. Валиахметов стал деканом социологического факультета в Башкирском университете, это расширило масштаб отделения. Тюмень сейчас с нами активно сотрудничает, благодаря в том числе конгрессу, который не удалось провести там, на месте, но провели по всей России онлайн в прошлом году.

И.П. Как Вы считаете, насколько перспективен новый формат проведения социологических конгрессов, сочетающий онлайн и офлайн (как это было в прошлом году из-за пандемии COVID-19)?

В.М. Как и у любого явления, здесь есть свои минусы и плюсы. Но благодаря именно этой форме не потеряли тех людей – а это почти 900 человек, – которые зарегистрировались, прислали свои статьи на основе докладов и надеялись принять участие в заседаниях. И в конце концов, это все произошло. Эта форма дала мне возможность участвовать практически во всех заседаниях. Была проблема, например, с Владивостоком, но просто из-за временного графика. В целом, я очень доволен – чем труднее, тем интереснее на самом деле. Я же чувствовал – был очень тесный контакт, всегда! Люди активно были включены. Если раньше исследовательские комитеты должны были организовать людей для того, чтобы они подали заявки и приехали на конгресс, чтобы принять участие в заседании комитета, то теперь они должны были сами организовать это заседание. Ведь в обычных условиях мы, в оргкомитете конгресса, проводили эту работу – составляли программу, привязывали ее к аудиториям, временной график составляли. А здесь – они сами устанавливали дату, время, место, все технические детали – и это, конечно, было более глубоко включением в работу по организации этого большого мероприятия. Люди работали активно, и я очень благодарен. Ведь благодаря именно их активности это все удалось провести. И провести очень неплохо – и с точки зрения количества участвующих, и с точки зрения многоаспектности программы. Кстати, я заметил, что часть нашего актива тоже «гуляла» практически по всем мероприятиям конгресса, независимо от своих личных предпочтений в плане проблематики. Люди использовали эти новые возможности. Поэтому, я думаю, будущее за смешанной формой, сегмент онлайн не будет исчезать, но может трансформироваться. В этой ситуации он был основным, конечно. Ведь когда мы только начинали организацию конгресса и еще не было пандемии COVID-19, у нас два исследовательских комитета выясняли, не возражаем ли мы, если они будут проводить свои заседания у себя. Например, секция по социологии спорта. Это же Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге, прекрасная база и у них много специалистов, и они просили разрешить нам проводить заседание ИК у себя, онлайн. И в их работе действительно был широкий круг участников. Я тоже принимал участие, мне было очень интересно, я хорошо знаю многих, дважды был на конференциях у них. А раньше база этого ИК была в Красноярском пединституте, где был очень активный организатор.

Надо просто использовать все возможности, любые. В этом плане общественные организации, в частности РОС, – очень свободны. Мы сами принимаем решение, сами выбираем наилучшие для нас способы общения, форматы исследовательской деятельности, межрегиональных мероприятий.

Например, во время нашего последнего Социологического конгресса появилась новая комиссия президиума РОС – по работе с молодыми социологами. Мы избрали вице-президента по этому направлению, это В.П. Засыпкин, ректор Сургутского

государственного педагогического университета. В помощь ему избрали Е.В. Андрианову, зав. кафедрой социологии Тюменского госуниверситета. Это тоже была инициатива. Я знал, что такая работа в международной социологии есть. И формат проведения работы до конгресса – когда формируется молодежная группа и затем «рассыпается» по конгрессу, по различным комитетам и заседаниям – я взял из опыта международных социологических организаций. Например, в МСА комитет по образованию, который насчитывал большое количество индивидуальных членов, порядка 500, всегда проводил свои конкурсы, свои мероприятия с молодыми социологами во время мировых конгрессов. Ну а мы-то уже давно это делаем, и давно созрела необходимость выделить это специальное направление. И теперь оно организовано, и люди заинтересованы в этом. Эту работу возглавляет ректор, который непосредственно с молодежью работает и чувствует все эти проблемы. И зав. кафедрой большого университета тоже знает эти проблемы. А потом уже подключали молодых из регионов. Теперь это большая структура, в которой есть представители от регионов. И далее они сами должны решать, что им нужно.

И.П. Для них это платформа роста.

В.М. Да, это как молодежный парламент. Они обучаются здесь.

И.П. Мы уже говорили с Вами о важности международной деятельности для развития российской социологии³. Расскажите, пожалуйста, о наиболее ярких историях такого сотрудничества.

В.М. Было много различных форматов международного сотрудничества. Когда-то был очень интересный опыт сотрудничества с комитетом по методологическим, историческим, теоретическим проблемам социологии в МСА. Тогда в институте был большой отдел методологии, методики и техники социологических исследований под руководством В.Г. Андрееенкова. Мы принимали западных социологов, проводили совместные мероприятия. Активным в советское время было сотрудничество с комитетом по социологии молодежи МСА. В то время почти во всех правлениях ИК МСА был наш представитель. Эта задача была «спущена сверху». Я пытался продолжать эту линию и в РОСе, но в какой-то степени мы потеряли свои позиции. Хотя и сегодня в некоторых комитетах они сохраняются, например в комитете по социологии науки и технологий, где руководитель Н.А. Ащеулова. В комитете по социологии образования мы всегда были активны. Совсем недавно в РУДН проводилось наше мероприятие с приглашением членов этого ИК. РОС был в числе организаторов. Комитет по социологии досуга также отличался активностью, еще с тех пор, когда в нем активное участие принимал В.Д. Патрушев.

Мы довольно часто предлагали провести у нас международные социологические мероприятия – конференции ЕСА, Форумы МСА. Например, социологический конгресс МСА в 2026 г. На 2022 г. предложили провести конференцию Европейской социологической ассоциации в Казани. Но мероприятие было также перенесено из-за СВО.

К сожалению, сорвалось интересное мероприятие, которым я занимался с ноября прошлого года. Ко мне обратился президент МСА профессор Сари Ханафи⁴ – он, кстати, выступал на пленарном заседании последнего конгресса РОС. Такие выступления уже традиция, ведь зарубежные коллеги понимают, что в России большая социологическая аудитория. Сари Ханафи обратился с просьбой организовать заседание исполкома МСА в одном из российских университетов. Мы пришли к соглашению о проведении такого мероприятия на базе Финансового университета при Правительстве РФ. Заседание было назначено на 10 апреля. К сожалению, оно было отменено – как аккуратно было сказано в письме Сари, в связи с изменившейся ситуацией.

³ См.: *Голенкова З.Т., Мансуров В.А., Попова И.П.* Международное сотрудничество в воспоминаниях: от 1970-х к концу 2000-х (интервью с З.Т. Голенковой и В.А. Мансуровым) // Социологические исследования. 2018. № 12 (416). С. 13–29.

⁴ Ханафи Сари – профессор социологии в Американском университете Бейрута (Ливан), президент Международной социологической ассоциации с 2018 г.

И.П. В этой связи каким Вы видите изменение наших международных связей с зарубежными социологами? Каковы их перспективы в изменившейся обстановке?

В.М. На уровне отдельных ученых у нас ничего не изменяется и не переформируется. Люди сотрудничают, взаимодействуют друг с другом. Польские, прибалтийские, немецкие, французские, финские социологи принимают участие в наших конференциях, онлайн – я имею в виду конференции в Тюмени, Белгороде, где проходит традиционная уже конференция Белгородского отделения РОС. Личные контакты сохраняются, нормальные социологи свои контакты не прерывают. Проблема в институциональных контактах – международные ассоциации приостановили контакты с нами в этом плане. В ЕСА велась дискуссия об отказе РОС в членстве. Но они же не политики, они социологи в основном. И они не поддержали обращение прибалтийских и польской национальных ассоциаций на том основании, что в уставе нет такой опции об исключении коллективного члена, если он регулярно платит взносы. Это было не так давно, несколько дискуссий было, и я принимал участие в них⁵. Они все время требовали, чтобы я ответил за все. Мы написали наше официальное письмо, где мы постарались разъяснить нашу позицию. Мы занимались этим вопросом с Е.Н. Даниловой, вице-президентом по международным делам РОС. Обращение Международной ассоциации есть на нашем сайте, она определила свою позицию еще раньше, выразив надежду когда-нибудь вернуться к нашему сотрудничеству. Т.е. мягко приостановила вроде бы, на самом деле.

И.П. А другие направления международного сотрудничества, например с социологами Китая, которое у нас было особенно активным в последние годы?

В.М. С Китаем никаких проблем нет. У нас же есть объединение национальных социологических ассоциаций стран БРИКС. Открывалось оно в Пекине, когда там праздновался юбилей Института социологии при Академии социальных наук Китая. Я приезжал от России, и мы там основали эту организацию. После этого на каждом международном конгрессе мы проводили свое заседание. В последний раз это было в Канаде, в Торонто в 2018 г., мы проводили совместные секции, заседания с ИК стран БРИКС. В Йокогаме в Японии была большая сессия, я там председательствовал. Сейчас продолжается работа по выпуску материалов одного из заседаний, которое проходило в ЮАР. Этот формат работает хорошо. Сейчас возможно его активизировать и, может быть, уже проводить свои всемирные мероприятия в рамках этой структуры стран БРИКС. Так что это такой альтернативный вариант в развитии международных связей. Но пока еще нас не исключают из других международных организаций, и мы не уходим, ждем развития событий, но принципы свои мы храним – принципы открытости и четкой традиции: научное сотрудничество – это не политическое сотрудничество, тут совсем другие цели, задачи и принципы. И не надо это смешивать и политизировать. Наша позиция довольно спокойная. С другой стороны, если будет какой-то нажим, мы просто уйдем и усилим сотрудничество с другим нашим объединением, будем проводить свои мероприятия в его рамках – там, где больше взаимопонимания.

И.П. Какое место занимают в деятельности РОС этические проблемы сообщества? Этический кодекс принят в окончательной редакции в этом году, как он работает?

В.М. Эта работа проводилась давно, в этом году решили наконец формально утвердить этический кодекс. Он был вывешен у нас на сайте, его обсуждали. По нему работают. Просто не было принято заключительного решения. Теперь это документ, обязательный для исполнения: вступаешь в РОС, значит, должен следовать этому этическому кодексу.

И.П. Участвует ли РОС в разрешении ситуаций этического характера? Какие проблемы могут возникнуть, каковы стратегии РОС по их разрешению?

В.М. У нас было немного обращений по этому поводу, и они не были масштабными. Звонкое дело было связано с увольнением И.Л. Грошева с работы из-за профессионального конфликта – он провел опрос, причем по методике, разработанной внутри самого ведомства, и результаты исследования не понравились руководству его организации. Мы

⁵ См.: URL: <https://www.ssa-rss.ru/Ukraine-2022> (дата обращения: 01.08.22).

его защищали. Мы защищали нашего партнера из Ставрополя – ему начали вменять разжигание межнациональной розни после того, как он всего лишь процитировал в отчете выдержки из ответов респондентов, а их сочли оскорбительными. И РОС его отстаивал, наряду с другими организациями. Отстояли – не удалось его убрать с работы, признали, что его вины нет в предоставлении анализа исследования. Если мы не будем предоставлять эти данные, что мы тогда будем знать о народе, о социальных проблемах? Были и другие обращения. Не во всех случаях мы принимаем активное участие – мы не суд. В этическом кодексе главная идея в том, как проводятся сами исследования, в необходимости соблюдения каких-то правил, методики проведения исследований. Ведь появился социологический бизнес. И с точки зрения профессиональных социологов, это далеко не всегда чистая социологическая сфера деятельности. Возникали споры между исследовательскими структурами в регионах. Они конкурируют между собой, пытаются строить отношения таким образом, чтобы не давать жить конкурентам. Люди, вместо того чтобы объединяться и помогать друг другу решать общие задачи, дерутся друг с другом, мешают друг другу и общему делу.

И.П. Ваше участие действительно бывает весомым в подобных спорах, и побеждает та сторона, которую Вы отстаиваете? Бывает ли достаточно авторитета РОС?

В.М. Конечно. Мы общественная организация, причем научная. Авторитет имеет значение. Ведь у нас есть широкие возможности провести экспертизу. И люди прекрасно это делают, они понимают значение этой работы. Например, есть законы, правила, как оценивать деятельность местных органов управления, в том числе через проведение социологических исследований. На это выделяются деньги. И часто вместо того, чтобы обращаться к профессиональным социологам, проводят тендеры. В результате эти работы поручаются абсолютным непрофессионалам. Они и документ толком создать не могут. Заказчик часто бывает неудовлетворен, и исполнители бывают обижены на заказчика. И те и другие начинают жаловаться. Иногда эти тяжбы выходят на более высокий уровень, не только на региональный. И иногда мы выступаем в качестве экспертов и арбитров. Потому что и для той, и для другой стороны мы являемся авторитетной организацией.

И.П. Какие проблемы Вы считаете сейчас наиболее важными в Вашей работе по организации социологического сообщества? Каковы его перспективы?

В.М. Самая важная проблема социологического сообщества России – это постоянное уменьшение социологических учебных программ в системе высшего профессионального образования, отказ от активного формирования сознательных членов общества. Необходимо возвращать социологию в число обязательных учебных дисциплин для всех профилей обучения. Такие социальные институты, как образование, здравоохранение, наука, культура, цель и функция которых – развитие личности и общества, а не получение прибыли, должны быть декоммерциализованы, а профессиональные группы, обеспечивающие работу этих социальных институтов, должны получать идентичную заработную плату, независимо от региона.

И.П. Что в связи с этим Вы планируете в работе РОС?

В.М. Мы уже несколько лет своими силами ведем мониторинг состояния российского образования, обучения в вузах. В него включены региональные отделения, через людей, которые работают в университетах, мы запрашиваем по нашей форме информацию, которую затем анализируем. Есть также официальная статистика, которая отслеживает динамику количества обучающихся по социологии, наличия социологических циклов, курсов в рамках учебных дисциплин в вузе. Перспектива пока плохая, присутствие социологии в вузах постоянно уменьшается. Недавно мы потеряли еще одну точку, где готовили социологов, – в Южно-Сахалинске. А теперь и в Магадане закрыли целевое обучение социологов. Пока неизвестна позиция Министерства науки и образования в этом плане. Точнее, оно сохраняет старую позицию: социология – непрофильная дисциплина и не является обязательной во всех университетах. А для нас это, конечно, смерть, социологическое направление будет сокращаться и само собой усохнет. Потому что держаться только на ограниченной подготовке студентов социологических специальностей неэффективно,

прием на них невелик. К тому же не все работодатели понимают важность и ценность такого образования для любого вида социальной деятельности. И профессиональной деятельности, которая в широком плане тоже является социальной. Для общества же все это, для людей. Это главная проблема. Ну и внутренние проблемы – отсутствие взаимопонимания, мелкая конкуренция, местная вражда технических и классических университетов, к сожалению.

И.П. Какие пути влияния на разрешение этих проблем Вы видите?

В.М. Через организацию совместных мероприятий, соучастие в каких-то делах. Мы пытаемся всех объединить, в том числе через попытки объединить в наших проектах, о которых я говорил. Региональные проекты стали сейчас появляться более активно. Появилась линия на исследование такого процесса, как реализация всероссийских проектов в разных сферах – в образовании, культуре, науке. Я надеюсь, что социологи поднимут значение социологии в обществе через социологическое образование широких слоев людей и особенно лиц, принимающих решения.

И.П. Когда есть свободное время, что является для Вас любимым делом «для души»?

В.М. Для души читаю, слушаю хорошую музыку – классику и классический джаз; прогулки и просмотр спортивных трансляций.

И.П. Что бы Вы хотели сказать в заключение нашей беседы?

В.М. Я хотел бы сказать, что социология стала для меня жизнью, полной событий, встреч с интересными людьми, участия в значимых для страны, науки и меня делах. Я увидел мир во всём его многообразии, научился понимать других, быть терпимым к различным взглядам и поступкам, понимать мотивы поведения людей. Моя жизнь оказалась включённой в процесс институционализации социологии, от отдела в Институте философии АН СССР, затем единственного Института до сотен исследовательских центров и кафедр, от нескольких десятков энтузиастов, не имеющих специального социологического образования, до многотысячной профессиональной группы, которая оказывает существенное влияние на развитие общества.

Беседовала И.П. ПОПОВА, к. социол. н.,
вед. науч. сотр., ИС ФНИСЦ РАН (popova-book@mail.ru)

**“SOCIOLOGISTS ARE ROOTED FOR THE WHOLE SOCIETY IN THEIR COUNTRY...”
(interview with V.A. Mansurov)**

MANSUROV V.A.*, POPOVA I.P.*

**Institute of Sociology, FCTAS RAS, Russia*

Valeriy A. MANSUROV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (mansurov@isras.ru); Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (popova-book@mail.ru). All – Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Presented is an interview with V.A. Mansurov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Sociology of Professions and Professional Groups Sector of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Society of Sociologists (ROS) since 1997. In the biographical context, the issues are considered related to the history of the formation of the sociology of professions and professional groups studies as a successor to the studies of the intelligentsia, its potential in solving the problems of modern Russian society, as well as the activities of the RSS, an authoritative Russian professional community. Today, the Russian Society of Sociologists has more than 4,000 individual members, 76 regional branches, 42 research committees. RSS holds All-Russian sociological congresses every four years and is a member of the International as well as European Sociological Associations. This professional public association organizes large-scale All-Russian researches on topical social problems. The interview focuses on assessing the state of the Russian Society of Sociologists organizational activities, its international relations, issues of professional ethics, as well as prospects for the development of sociology in Russia.

Keywords: sociology, Russian Society of Sociologists, sociology of professions and professional groups, sociological congresses, international cooperation.

К 100-летию ИНСТИТУТА МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

© 2022 г.

Б.В. БАЗАРОВ, В.Г. ЖАЛСАНОВА, Д.Д. БАДАРАЕВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПУЛЬСЕ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

БАЗАРОВ Борис Ванданович – академик РАН, директор Института (bazarov60@mail.ru); ЖАЛСАНОВА Валентина Гурожаповна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (valyazhal@list.ru); БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (damdin80@mail.ru). Все – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Аннотация. В статье представлены этапы развития социологического направления в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Показаны условия становления и формирования направления в тесном взаимодействии с социологическими центрами страны, вызванные необходимостью изучения вопросов социального развития региона. С началом постсоциалистического этапа основными ориентирами социологов института стали актуальные вопросы трансформации социальной структуры трансграничных обществ Байкальского региона. На современном этапе при условии геополитического «поворота России на Восток» актуализируются и расширяются исследования социологов института, касающиеся комплекса социальных процессов, трансформации и модернизации трансграничных обществ Байкальской Азии, Монголии и Китая. Для сохранения преемственности и дальнейшего развития социологического направления в институте требуются новые кадры, расширение сети сотрудничества с социологическими центрами, внедрение результатов исследований в практику деятельности органов власти.

Ключевые слова: региональная социология • Бурятия • трансграничье • поворот России на Восток • социальные процессы

DOI: 10.31857/S013216250020288-9

В 2022 г. отмечает свой 100-летний юбилей один из старейших академических институтов Сибири и Дальнего Востока – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН). Возникнув в сложных социально-политических и экономических условиях, сложившихся в стране в начале XX в., на сегодняшний день он является крупным российским исследовательским центром, расположенным в зоне геополитического взаимодействия России, Китая и Монголии. Его история началась в 1922 г., когда по инициативе бурятских общественных деятелей

Статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

и ученых был образован Бурят-Монгольский ученый комитет в рамках национальных бурят-монгольских автономий ДВР и РСФСР. Ученый комитет стал первой научной организацией в Бурятии, перед которой был поставлен широкий круг научно-исследовательских вопросов: изучение национальной культуры, языка, литературы и истории. Наряду с изучением Бурятии в качестве приоритетного направления, рассматривалась необходимость исследования «Монголо-Тибетского Востока, значение которого в политическом и культурно-географическом отношении чрезвычайно важно не только для Бурятии, но и для всего Союза ССР»¹. За столетнюю историю Институт пережил ряд структурных и институциональных трансформаций и переименований, которые отражали как повестку научно-технологического развития государства на разных исторических этапах, так и векторы основных научных исследований². В 1997 г. Институт обрел свое нынешнее название – ИМБТ СО РАН. «Это было связано с возросшим уровнем исследований, преодолением региональной научной повестки и расширением научных направлений, которые охватили изучение истории и культуры значимых регионов Евразии» [Базаров и др., 2021: 132].

Становление и развитие социологии в ИМБТ СО РАН. Начало социологическим исследованиям в ИМБТ СО РАН было положено в 1960-х гг. благодаря инициативе директора Д.Д. Лубсанова. Идея создания социологической группы отвечала веяниям эпохи, когда в стране и обществе актуализировалась необходимость проведения эмпирических исследований с целью дальнейшей выработки практических рекомендаций по улучшению социальной и политической жизни. Известно, что «в конце 1950-х – начале 1960-х гг. благоприятные для формирования социологических центров и проведения ими эмпирических исследований условия складываются в Свердловске, Москве, Ленинграде, Новосибирске. В 1960 г. на базе Ленинградского государственного университета открывается первая в стране социологическая лаборатория (В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов). С начала 1960-х гг. по инициативе “Комсомольской правды” начинают проводиться опросы общественного мнения (руководитель опросов – Б.А. Грушин). В Новосибирске формируется школа экономико-социологических исследований под руководством Г.А. Пруденского и А.Г. Аганбегяна. Создаются социологические подразделения при ЦК ВЛКСМ (В.Г. Васильев, В.И. Чупров, А.С. Кулагин) и Академии общественных наук при ЦК КПСС (И.Г. Петров)»³. В Бурятии был создан оперативный орган конкретно-социологических исследований, работающий в основном под эгидой руководящих партийных органов республики, готовя докладные материалы для партийных секретарей и других руководителей директивных органов. В процессе работы сотрудники шаг за шагом осваивали методы массовых эмпирических исследований, основы теории и методологии новой науки. Трудности усугублялись тем, что кадры готовились путем переподготовки и переучивания людей другой профессии и специализации [Рандалов, Жалсанова, 2012: 133].

Идеологическая составляющая советского общества оказывала влияние на содержание социологических изысканий – анализ работы партийных и советских органов, выявление проблем культурно-технологической подготовки кадров в промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. Важное место в ряду тем НИР Института в 1970-х гг. занимало изучение процессов формирования коммунистического сознания у сибирских народов. В 1960–1970-х гг. прошлого столетия в исследовательском фокусе оказались обследования по эффективности социалистического соревнования, движения за коммунистический труд, политического

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 58. Л. 66.

² Бурят-Монгольский государственный институт культуры (1929), Государственный институт языка, литературы и истории (1936), Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (1944), Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (1949), Бурят-Монгольский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (1959), Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (1966), Бурятский институт общественных наук СО АН СССР (1988), Бурятский институт общественных наук СО РАН (1991).

³ История института. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2523 (дата обращения: 01.04.2022).

просвещения и деятельности средств массовой информации и пропаганды, текучести кадров и т.д. Важным подспорьем в овладении методологией конкретных социологических исследований и наработке эмпирического материала стали так называемые разработки хозяйственных работ на промышленных предприятиях республики. С разработкой комплексного планирования социального развития трудовых коллективов были проведены хозяйственные исследования на «Селенгинском целлюлозно-картонном комбинате», «Улан-Удэнском локомотивовогоноремонтном заводе», «Авиазаводе» и заводе «Электромашин». По итогам в директивные партийно-государственные органы республики были представлены научные отчеты, справки, рекомендации, предложения, разработанные на основе социологического анализа.

Заметное развитие социологические исследования в Институте получили в 1980-х гг. Подтверждением высокого уровня и качества методологии и методики исследований тех лет до сих пор остаются научные публикации, не теряющие своей актуальности по настоящее время⁴. Одним из определяющих факторов для выхода на новый уровень стало сотрудничество бурятских социологов с Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и Институтом социальных исследований АН СССР (Институт социологии с 1988 г.). По итогам сотрудничества с новосибирской школой социологии было реализовано масштабное по своим задачам массовое комплексное исследование села и сельского населения в Бурятской АССР на основе методологических принципов и методики изучения социалистической деревни, разработанной под руководством Т.И. Заславской⁵. «Знаковым событием стало первое международное исследование образа жизни и бюджета времени населения Казахстана, Бурятии и Монголии, проведенное в 1987–1988 гг. социологами Института социологии АН СССР, Бурятского института общественных наук СО РАН и Института философии и социологии АН Монголии» [Рандалов, Жалсанова, 2012: 134]. Также проведено два международных симпозиума социологов в Улан-Удэ (1988) и в Улан-Баторе (1990), способствовав налаживанию постоянных контактов, подготовке программ сотрудничества и совместных исследований.

Проблемы и актуализация исследовательских направлений. 1990-е гг. – сложный период в жизни российского общества и науки. Тем не менее, несмотря на тяжелое положение, обусловленное недостаточным финансированием научных исследований, социологическое направление в стенах ИМБТ СО РАН получило новый импульс для дальнейшего развития. Во-первых, сам статус российской социологии стал заметно выше, существенно повысился ее авторитет как социальной науки, способной объяснить сущность происходивших в обществе изменений. Во-вторых, благодаря появлению большого количества переводной литературы стали доступными работы зарубежных классиков социологии. В-третьих, социальные перемены, затронувшие все сферы общественной жизни, способствовали расширению тематики проводимых исследований. В экономической и социальной сферах началось изучение явлений, связанных с новыми формами собственности, видами предприятий, типами экономического и социального поведения людей. Активизировались работы, направленные на анализ социальной структуры, стратификации и мобильности в российском обществе в переходный период. Процессы демократизации, возникновение новых политических институтов, формирование элементов гражданского общества, изменения в социальных идентификациях актуализировали широкую ветку социально-политических исследований.

Масштабные социальные изменения, происходившие в российском обществе в постсоветский период, актуализировали в 2000-х гг. усиление междисциплинарных разработок

⁴ Будаева Ц.Б., Рандалов Ю.Б. Социальная инфраструктура региона: проблемы развития. Новосибирск, 1989; Будаева Ц.Б. Социально-экономические проблемы домашнего труда. Новосибирск, 1991; Доболова Э.О. Идеологическая деятельность и общественное мнение. Улан-Удэ, 1987; Санхядова Л.К. Молодежная газета как средство нравственного воспитания (контент-анализ). Улан-Удэ, 1978; Цыденова А.Л. Дальнейшая оценка значимости показателей математико-статистического анализа // Социальные показатели образа жизни советского общества. М., 1980.

⁵ Результаты исследования были обобщены в монографии «Социальное развитие села Бурятской АССР» (Улан-Удэ, 1989).

ряда научных направлений в ИМБТ СО РАН. Ключевым направлением исследований, проводимых группой социологов, стал анализ социальной структуры населения региона, динамики ее трансформационных, этносоциальных и стратификационных процессов.

Существенно расширилась география исследований, и в фокусе внимания оказались национальные республики Сибири – Алтай, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия) и Монголия, а также вся этническая Бурятия, включающая в себя Республику Бурятия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские округа. Новизна результатов исследований и их значимость состояла в том, что комплексное теоретическое и эмпирическое обоснование проблем трансформации социальной структуры населения в Сибирских республиках и регионах Байкальской Азии в современный период позволило выявить содержательную сторону трансформационных процессов. Была выработана гипотеза о том, что одним из основных условий выживания и дальнейшего развития народов Байкальской Азии является не дискретная адаптация к сугубо модернизационным структурам, а взаимодополненное использование элементов традиционной и модернизационной структур. Так, например, на фоне распада совхозов и колхозов одним из основных способов поддержки сельского хозяйства стало развитие личных хозяйств, в которых приоритетным стало животноводческое направление. В целом обращение к традиционной культуре, рост национального самосознания бурят и русского населения в лице потомков казаков, русских старожилов⁶ и семейских⁷ стали неким базисом для приспособления к изменившимся условиям жизни. Через процессы возрождения традиционной культуры, религии, актуализации этнической идентичности население не перешло к архаизации жизни, но получило импульс для дальнейшей жизнедеятельности.

Исследования 2000–2010-х гг. показали, что «в Бурятии наблюдаются сходные с общероссийскими социальные проблемы и структурные ограничения ... Отмечается сочетание и параллельное развитие процессов социальной интеграции и социальной дезинтеграции во всех сферах и уровнях общественной жизни» [Социологический анализ..., 2016: 221].

Накоплению эмпирической базы способствовали грантовые проекты, реализованные при поддержке РГНФ и РФФИ. Наиболее крупными исследованиями стали: «Республики Сибири: особенности этносоциальной стратификации в условиях трансформации современного общества» (рук. Е.В. Петрова), «Социальное самочувствие сельского бурятского населения Республики Бурятия в условиях изменяющейся России» (рук. В.Г. Жалсанова), «Этносоциальная стратификация населения Республики Бурятия в условиях изменяющейся России» (рук. А.В. Бильтрикова), «Приоткрытая приватность»: бурятская семья и быт в кино-, фотодокументах XX – начала XXI в. (рук. И.Н. Дашибалова), «Межнациональное согласие в Республике Бурятия в изменяющихся социально-политических условиях» (рук. Е.В. Петрова). Вторым источником формирования эмпирической базы являются хозяйственные работы, проводимые по заказу органов государственной власти, среди которых два исследования носят мониторинговый характер – это исследования состояния и перспектив развития межнациональных отношений в регионе, а также изучение современного положения бурятского языка.

Полиэтнический состав населения Бурятии актуализировал исследования этносоциальных процессов, состояния межэтнических отношений и межнационального согласия, а также этнокультурного многообразия в регионе⁸. Мониторинговые исследования «показали, что, несмотря на наличие возможных дестабилизирующих факторов, сохраняются стабильные доброжелательные отношения во взаимодействиях между народами, живущими в республике. Современная этносоциальная ситуация характеризуется отсутствием чрезмерной напряженности и острых конфликтов, а этническое и этнокультурное многообразие, характерное для

⁶ Русские старожилы – это потомки первых поселенцев.

⁷ Этноконфессиональная группа старообрядцев.

⁸ Исследования проводились в сотрудничестве с Комитетом по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия в 2016–2019 гг.

нашего региона, обладает значительным внутренним потенциалом для сохранения позитивных межнациональных отношений» [Межнациональные отношения..., 2019: 105].

Бурятские социологи в трансграничном пространстве «Россия-Монголия-Китай».

В современном мире остро стоит проблема развития языков малых народов. В условиях глобализации усиливаются процессы культурной ассимиляции бурят как в России, так и во всем мире, утрачиваются национальная самобытность и вековые традиции, безусловным транслятором которых является бурятский язык. Сохраняется тенденция сокращения численности бурят, владеющих родным языком. На протяжении двадцати лет сектором социологии ИМБТ СО РАН совместно с Министерством образования и науки Республики Бурятия проводится панельное исследование по изучению процессов сохранения и развития национального бурятского языка в регионах России, Монголии и Китая. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что, несмотря на разноразмерный административно-территориальный статус мест расселения бурят в трех странах, главными объединяющими факторами и основой для сравнительного изучения бурятского населения являются историческое прошлое, общность этнического происхождения, диалектная схожесть языка, самоидентификация, родство культур, традиций и обычаев. Как показали результаты исследования, во всех случаях необходимо говорить о специфике языковой ситуации, языкового контактирования в каждом отдельно взятом регионе, где, в частности, можно наблюдать как разнообразие, так и отличия контактологических условий одного и того же языка [Бурятский язык..., 2020].

Востоковедческое и монголоведческое направления института обусловили рост интереса социологической группы к изучению современных социальных процессов в монгольском мире. В традициях российского востоковедения феномен монгольского мира в основном изучается через призму исторических и культурологических исследований, а взаимодействия России, Монголии и КНР рассматриваются посредством анализа социально-экономических и геополитических контактов на межгосударственном уровне. Определяющим фактором социологических исследований становится российско-китайско-монгольское трансграничье, обуславливающее особенность формирования социального, экономического, политического, геополитического и этнического пространства в этом регионе. Социологи института ставят перед собой задачу рассмотреть комплекс социальных процессов, протекающих в монгольском мире в современную эпоху в условиях трансграничных взаимодействий России, Китая и Монголии. Внимание социологов сектора привлекают вопросы трансформации социальной структуры, миграции и урбанизации рассматриваемых обществ, проблемы бурятского языка как фактора этнической идентичности народа, возможности этнокультурного и социально-гуманитарного взаимодействия трансграничных обществ и т.д. Исследовательский фокус также обращен на изучение изменения образа и стиля жизни современных номадов при совмещении исконных традиций и современных вызовов модернизаций. Монголия является фактически одной из немногих стран, если не единственной, где, с одной стороны, сохранен традиционный кочевой уклад, а с другой – наблюдается бурный рост городской жизни, высокая скорость модернизационных изменений. И особенность Монголии в том, что номадизм, подчиняясь веяниям современности, не утрачивает своей эксклюзивности.

Актуальность нового направления обусловлена повышением значимости восточноазиатского вектора развития российского государства, в том числе в рамках экономического коридора Китай-Монголия-Россия [Петрова, 2017]. Одним из первых шагов на пути развития данного направления исследований стала проведенная в 2018 г. международная научная конференция «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке», которая позволила обозначить актуальные научные проблемы, связанные с осмыслением последних тенденций и перспектив российского общества в условиях трансграничного взаимодействия и сотрудничества на постсоветском пространстве. В ее рамках была организована работа научного семинара «Номады Внутренней Азии: история и современность», круглого стола «Россия и Монголия в сравнительной перспективе», а также Байкальской школы социально-политических исследований для молодых исследователей и студентов Бурятского

и Монгольского государственных университетов. Проведение столь масштабного мероприятия стало возможным благодаря сотрудничеству ИМБТ СО РАН с ФНИСЦ РАН, Институтом востоковедения РАН, Бурятским государственным университетом, Дальневосточным федеральным университетом и поддержке со стороны Российского общества социологов и Российского фонда фундаментальных исследований.

Заключение. Современные геополитические и модернизационные вызовы обуславливают необходимость постоянного развития социологического направления в институте в целях разрешения как общих для современной российской науки, так и частных для региональной социологии проблем. Для сохранения преемственности и полноценного продолжения исследовательских инициатив особое значение имеет вопрос подготовки квалифицированных кадров в области трансграничной и сравнительной социологии в образовательных и академических учреждениях региона с возможностью дальнейшего трудоустройства по полученной специальности. В условиях новых геополитических вызовов становится актуальным расширение методологической базы сравнительных и этносоциальных исследований, необходимо дальнейшее развитие сети международного и внутрироссийского сотрудничества с крупными социологическими центрами страны. Постоянное взаимодействие с органами государственной и региональной власти позволит социологическому направлению института представлять научно-обоснованные разработки, внести в практику их деятельности комплексные рекомендации для эффективного разрешения актуальных проблем регионального общества.

ИМБТ СО РАН является крупным академическим учреждением, осуществляющим многоплановую исследовательскую работу, где наряду с традиционными историческими, лингвистическими, философскими, религиоведческими и источниковедческими исследованиями активно развивается социологическое направление. Потенциал последнего заключается как в слаженном коллективе⁹, так и в растущей актуальности монголоведческого вектора, направленного на изучение комплекса социальных процессов в Центральной и Восточной Азии. Основным ориентиром в деятельности социологов института остается приоритетность праксеологических ценностей – служение во благо российской науки, содействие в развитии регионального общества в условиях трансграничного положения, достижение социального благополучия и сохранение этносоциальной стабильности в Байкальском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров Б.В., Ванчикова Ц.П., Плеханова А.М., Чимитдоржиева Г.Н. От Ученого комитета к академическому институту: к 100-летию юбилею Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 127–132.
- Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития: монография / Отв. ред. Д.Д. Бадараев. Улан-Удэ: БГУ, 2020.
- Межнациональные отношения в Республике Бурятия: по материалам мониторинговых исследований 2016–2018 гг.: кол. моногр. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019.
- Петрова Е.В. Взаимодействие субъектов Байкальского региона с Монголией и Китаем в новых геополитических условиях // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 122–127.
- Рандалов Ю.Б., Жалсанова В.Г. Становление и развитие социологических исследований в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3(7). С. 132–141.
- Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2016.

Статья поступила: 18.05.22. Финальная версия: 08.07.22. Принята к публикации: 10.07.22.

⁹ д.социол.н., доц., в.н.с. Е.В. Петрова; к.социол.н., доц., с.н.с. Д.Д. Бадараев; к.социол.н., н.с. А.В. Бильтрикова; к.и.н., в.н.с. А.С. Бреславский; м.н.с. И.Д. Ван; к.филос.н., с.н.с. И.Н. Дашибалова; к.социол.н., доц., с.н.с. В.Г. Жалсанова.

SOCIOLOGICAL STUDIES ON THE PULSE OF THE DEVELOPMENT OF THE TRANSBOUNDARY REGION

BAZAROV B.V.*, ZHALSANOVA V.G.*, BADARAEV D.D.*

**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Russia*

Boris V. BAZAROV, Academician of RAS, Director of the Institute (bazarov60@mail.ru); Valentina G. ZHALSANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher (valyazhal@list.ru); Damdin D. BADARAEV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher (damdin80@mail.ru). All – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

Acknowledgements. The research was carried out within the state assignment (project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17–21 Centuries)”, № 121031000243-5).

Abstract. The article presents the stages of development of the sociological direction at the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, which is a large Oriental studies center located in the zone of geopolitical interaction between Russia, China and Mongolia. Sociological research began to develop simultaneously with the revival of sociology as a science in Soviet society in the 1960s. The conditions of formation and formation of the direction in close cooperation with the sociological centers of the country caused by the need to study the issues of social development of the region are shown. Since the beginning of the post-socialist stage, the main guidelines of the Institute’s sociologists have become topical issues of transformation of the social structure of cross-border societies in the Baikal region. At the present stage, under the condition of the geopolitical “turn of Russia to the East”, the research of sociologists of the Institute concerning the complex of social processes, transformation and modernization of cross-border societies of Baikal Asia, Mongolia and China is being updated and expanded. In order to maintain continuity and further develop the sociological direction at the Institute, new personnel are required, the expansion of the network of cooperation with sociological centers, the introduction of research results into the practice of government activities.

Keywords: regional sociology, Buryatia, “Russia’s Eastward turn”, social processes, cross-border.

REFERENCES

- Bazarov B.V., Vanchikova Ts.P., Plekhanova A.M., Chimitdorzhieva G.N. (2021) From the Scientific Committee to the Academic Institute: toward the 100th Anniversary of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. No. 3 (43): 127–132. (In Russ.)
- Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: condition, problems, factors of conservation and development.* (2020) Ulan-Ude: BGU. (In Russ.)
- History of the Institute.* URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2523 (accessed 01.04.2022).
- Interethnic Relations in the Republic of Buryatia: based on monitoring researches of 2016–2018.* (2019) Ulan-Ude: BNTs SO RAN. (In Russ.)
- Petrova E.V. (2017) Interaction of the Baikal region subjects with Mongolia and China in the new geopolitical situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 122–127. (In Russ.)
- Randalov Yu.B., Zhalsanova V.G. (2012) The making and development of sociological studies at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. No. 3 (7): 132–141. (In Russ.)
- Sociological analysis of cross-border companies Baikal region: the dynamics, problems and prospects.* (2016) Ulan-Ude: BNTs SO RAN. (In Russ.)

Received: 18.05.22. Final version: 08.07.22. Accepted: 10.07.22.

Социологическая публицистика

© 2022 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

КЛАССОВОЕ ГОСПОДСТВО В ЭПОХУ ПОСТКАПИТАЛИЗМА. Часть 2. Дистрибуция внимания

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы трансформации классовой структуры в эпоху посткапитализма. Во второй части статьи анализируется внутренний антагонизм посткапиталистической классовой структуры. Предложено взглянуть на экономику творчества как на расширяющуюся область продуктивной деятельности, которая не подчиняется прямому действию капиталистических законов накопления. Именно творчество как созидание нематериальных благ (от художественных образов до научных теорий) считается субстанциальной основой посткапитализма, а потому осмысливается в утопическом ключе с акцентом на свободу самореализации. Тем не менее в статье обосновывается, что «закат капитализма» может привести к еще большему социально-экономическому неравенству (от власти 1% к власти 0,1%) и соответствующей трагедии массы имперсоналиата как класса «творческих неудачников».

Ключевые слова: посткапитализм • персоналиат • социальная революция • постматериализм • марксизм • классовый анализ • социальная стратификация • классовая идеология • экономика творчества

DOI: 10.31857/S013216250019871-1

В предыдущей части мы выяснили, что в дискурсе персоналиата, вбирающем в себя крайне актуальные для современного Запада проблематики политики идентичности или, скажем, глобального потепления, можно разглядеть новую классовую идеологию, нацеленную на замену «класса дискурсом», вернее – на вытеснение классовых интересов людей прошлого (а потому рабочие и консерваторы-республиканцы неожиданно оказываются в одной лодке) новыми и «прогрессивными» классовыми интересами «креативных» и «неповторимых» людей будущего, озабоченных, по большому счету, почти исключительно «производством» и продвижением своей собственной личности путем креативного поиска «себя» и почти безграничного расширения способов самовыражения (от 50 и более вариантов гендера до возможности быть пони).

Тем не менее все это вовсе не подразумевает, что в «прогрессивном» мире все будет лучше, чем при «отсталом» капитализме. Как будет показано далее, посткапиталистическое общество может оказаться в социально-классовом смысле еще более противоречивым и неравным, чем капиталистическое даже в его худшие времена. Персоналиат воплощает собой привлекательность творческого успеха и богатства, обретенного благодаря самореализации и популярности. Но такая притягательная магия «обретения себя» может оказаться обманчивой для подавляющего большинства людей. Более того, это большинство может остаться в конечном счете вообще ни с чем.

Далее речь пойдет о социальной структуре, складывающейся вокруг экономики творчества [Дерезевец, 2021], которая включает в себя как литературу, визуальные искусства,

кино, музыку, так и развлекательные шоу (на ТВ, в блогосфере и т.д.). Акцент на этой области социального связан в основном с тем, что именно сфера искусства и творчества (как высокого, так и массового) лучше всего отражает то самое пришествие посткапиталистического *нематериального*, которое подчеркивается левыми авторами [Gorz, 2010; Бузгалин, 2017]. Но важно другое: именно в «экономике творчества» имеются наиболее комфортные условия для «производства личности», ведь креативность здесь, как правило, подразумевает выстраивание яркого индивидуального образа, направленного на пробуждение и удержание *внимания* максимально широкой аудитории¹.

От 1% к 0,1%. В силу комплекса причин уже сейчас экономика творчества (или экономика создателей/творцов) расширяется быстрыми темпами. К примеру, Deloitte (июнь 2021 г.) оценивает ее как вполне большую и растущую. Были рассмотрены шесть крупных экономик Европы: Германия, Великобритания, Франция, Италия, Испания, Турция; и три крупные экономики Азиатско-Тихоокеанского региона: Япония, Южная Корея и Австралия. Выяснилось, что в 2018 г. в креативной экономике было занято почти 20 млн человек в этих девяти странах. При этом в данном случае под экономикой творчества понимались творческие индустрии, включая кино и телевидение, издательское дело, музеи и ремесла, музыку и исполнительское искусство, компьютерное программирование, архитектуру и дизайн. В указанных девяти странах занятость в экономике творчества составляет около 7% от общей. Причем экономика творчества *росла быстрее, чем экономика в целом* во всех девяти странах, увеличившись на четыре млн человек с 2011 г. Эксперты Deloitte прогнозируют, что креативная экономика может вырасти на 40% к 2030 г., добавив более восьми миллионов дополнительных рабочих мест в девяти изученных странах².

Но такой бурный рост экономики творчества вряд ли стоит воспринимать как благую весть о будущем обществе, состоящем из свободных творцов. *О больших проблемах здесь свидетельствует сама не-капиталистическая суть экономики творчества.* Чтобы пояснить, о чем речь пойдет далее, необходимо сделать небольшое отступление и углубиться в область экономической социологии и политэкономии.

Существуют разные концепции стоимости, а также взгляды на то, что представляет собой капитализм. Это отдельная тема, требующая рассмотрения специалистов в области экономической теории. Здесь мы лишь выделим трудовую теорию стоимости в ее марксистской интерпретации. Из нее вытекает классическое марксистское представление о капитале как самовозрастающей стоимости. Трудовая теория стоимости, разумеется, не может объяснить всего, но, как оказалось, несмотря на атаку со стороны маржиналистов, она все еще актуальна [Маццукато, 2021]. Согласно марксистской трудовой теории стоимости, труд является главным источником экономических ценностей в условиях капитализма, и он измерим, а потому его удобно дробить на части и «присваивать» (эксплуатация рабочей силы). Долгие годы марксистская критика капитализма была нацелена именно на этот аспект трудовых отношений в буржуазном обществе: не обладая средствами производства, рабочие продают свою рабочую силу капиталистам, а те, в свою очередь, оплачивают лишь часть рабочего времени, присваивая себе все остальное. Но на все это можно посмотреть совсем по-другому.

Что, если уязвимость представителей рабочего класса была долгие годы еще и преимуществом? Дело в том, что количественная измеримость труда (особенно труда физического или рутинного) не только делает человека отчужденной частью гигантского

¹ Науку тоже можно отнести к экономике творчества, но в ней результаты деятельности обычно ассоциируются с коллективом и плохо связываются с одной яркой персоной; и даже если так происходит, то редкий ученый притягивает к себе внимание относительно широких слоев населения (хотя, конечно, его аудитория может быть очень влиятельной сама по себе) по причине сложности научного языка, дробления специализаций и направлений и т.д.

² The Future of the Creative Economy. New report commissioned by Netflix // Deloitte. 2021. June. URL: <https://www2.deloitte.com/uk/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/the-future-of-the-creative-economy.html> (дата обращения: 06.04.2022).

производственного механизма, в котором каждое действие и операция рассчитаны и согласованы с другими действиями, но и дает ему некоторые возможности. В конце концов, если на рынке каждый час и каждая минута рабочего времени легко выражается в денежном эквиваленте и, соответственно, прямо коррелирует с потребительной ценностью производимых товаров и услуг, то у рабочих появляется весомое переговорное преимущество, ведь полезность их труда наглядна; а подчас они являются частью того механизма, который могут в любой момент остановить, доставив тем самым большие неприятности своим начальникам. Творчество нельзя охарактеризовать столь простой конвертируемостью в числовые показатели вроде трудочасов. Творчество – нерутинный, нерегулярный и «нематериальный» процесс, который трудно направлять и контролировать даже самому творцу, не говоря уже о корпорациях. Собственно, во многом именно поэтому мы и говорим о посткапитализме³, так как представить себе процесс «самовозрастания» стоимости таким, как его описал К. Маркс в «Капитале», применительно к экономике творчества просто невозможно. Но важнее то, что это не преимущество, а очень серьезная уязвимость творческих личностей (креаторов). «Эфемерную», не поддающуюся четкому измерению творческую «рабочую силу», у которой не бывает предсказуемых результатов, гораздо сложнее продать на рынке.

Производители «нематериального» уступают рабочим буржуазной эпохи еще в одном отношении. Благодаря развитию сети Интернет творческая деятельность становится максимально масштабируемой. Одна и та же работа является масштабируемой, если ее конкретный продукт может быть продан много раз. Капитализм процветал как раз потому, что производство материальных благ невозможно максимально масштабировать, а потому для экспансии требуется постоянное привлечение нового живого труда, который и есть (согласно известным тезисам Маркса) источник прибавочной стоимости. К примеру, владельцы сети ресторанов McDonald's не могут увеличивать свой капитал, не позволяя появляться все большему количеству ресторанов и не привлекая новых сотрудников. То же самое можно сказать и о торговых сетях вроде «Магнита» и «Пятерочки», которые появляются буквально у каждого дома. С творчеством все обстоит совсем иначе. Как замечает Б. Миланович, «лучший в мире пианист раньше мог продать свой труд лишь тем, кто физически мог прийти на его выступление. Затем, с изобретением звукозаписи, он мог продать его всем, кто может купить пластинку; сегодня, благодаря Интернету и YouTube пианист может продавать свои выступления практически в любой точке земного шара. Тех, кто играет немного хуже или кому не так повезло, никто не будет слушать. Масштабируемые работы поэтому создают большие разрывы доходов в рамках одной и той профессии» [Миланович, 2017: 297].

Добавим сюда еще один немаловажный фактор. Капиталистическое производство всегда основывалось на строгой взаимосвязи между количеством затрачиваемого труда и количеством производимых благ. Различными усилиями (прежде всего технологическими) эту связь делали максимальной, увеличивая производительность. При производстве нематериальных благ такая связь может быть гораздо менее очевидной, а то и вовсе отрицательной. Например, если завод произвел автомобилей определенной модели в два раза больше, чем раньше, то, при стабильном спросе, его владельцы получают вдвое больший доход. Если же два инженера изобрели одновременно два технических решения для этих автомобилей, то один из них, успевший первым запатентовать технологию, получит награду, а второй, скорее всего, останется ни с чем (то есть потратит время впустую).

³ Посткапитализм не означает исчезновения капитализма, как и не означает того, что экономика творчества полностью выпадает из пока еще преобладающей системы. Скорее, новые общественные отношения «наслаиваются» на прежние. В частности, сегодня подавляющее большинство креаторов не являются ни рабочими, ни капиталистами. Их доходы – не зарплата и не капиталистическая прибыль. Их деятельность – не калькулируемый труд, а неуловимое творчество. Результаты их творчества – не материальные блага, а «летучие» нематериальные блага, легко становящиеся всеобщим достоянием без соответствующего искусственного сдерживания вроде патентов и авторского права.

Такая ситуация называется «рынком, где победитель получает все» (или «экономикой суперзвезд» [Rosen, 1981]). Х. Эббинг так ее описывает: «На обычных рынках вознаграждение в основном зависит от абсолютной производительности. Сезонному рабочему, собирающему помидоры, платят за количество заполненных им ящиков. Если А заполнит 100 ящиков, а В – 99, А получит на 1% больше дохода. Большая часть вознаграждения в производстве также прямо или косвенно основана на абсолютной производительности. На рынках, где победитель получает все, награда зависит больше от относительной результативности, чем от абсолютной. Если спортсмен А бежит на 1% быстрее, чем Б, и побеждает, он вполне может забрать все призовые деньги и, таким образом, заработать бесконечно больше, чем Б» [Abbing, 2002: 108]. То же самое можно сказать и про практически любое творчество: зачем, к примеру, платить тысяче музыкантов, если есть один, который лучше остальных хоть на условные 0,1% (все будут слушать именно его, ведь теперь это технически возможно)?

Данные факторы, как мы увидим далее, способствуют экстремальному неравенству в креативной экономике (см. ниже), а потому вырисовывающаяся социальная структура посткапиталистического общества во главе с персоналиатом может оказаться еще более «проблематичной», чем капиталистическая. Но экономические факторы – не единственные. Социальные тоже немаловажны.

* * *

Если экономика позволяет объяснить экстремальное неравенство, то социология нужна, чтобы понять, почему люди готовы жертвовать своим благосостоянием ради призрачного успеха на творческом поприще, ведь широко распространенные бедность и прекарность – это неотъемлемые особенности креативных профессий. Так, сегодня многие исследователи-социологи, интервьюируя музыкантов, писателей, блогеров и т.д., приходят к однозначному выводу: творчество сопряжено с высокими рисками как экономического, так и психоэмоционального характера (отчуждение) (см., например: [Abbing, 2002; Gross, Musgrave, 2020; Дерезевиц, 2021]). Стало быть, растущий спрос на творческие профессии довольно сложно объяснить чисто экономически. Конечно, мы можем говорить, что роботизация и автоматизация производства делают расширение экономики творчества попросту неизбежным (так как людям в противном случае будет нечем заниматься). Но это лишь половина истины. Творчество не только источник дохода, но еще и важнейший способ самореализации, *самовыражения*. С.Э. Гросс и Дж. Масгрейв, которые опросили 2211 работников музыкальной индустрии (в основном сами музыканты), отмечают следующее: «несмотря на то, что эти артисты хотели сделать свою работу своей карьерой <...>, они также создают музыку потому, что им это нравится» [Gross, Musgrave, 2020: 46]. Но если творчество привлекательно нематериальными выгодами, то очень многие жертвуют именно «материальным», лишь бы иметь хоть какие-то возможности выразить свое «я».

Более того, экономику творчества окружают антикапиталистические социальные представления. Считается, например, что подлинное искусство не должно быть коммерческим. «Именно в современном мире, – пишет У. Дерезевиц, – появился божественный голодный художник, одинокий гений – образ блаженно необычный, монашески самоотверженный и духовно избранный. Бедность автора стала чарующим, показным признаком внутренней чистоты. Двадцатый век добавил к этим представлениям явный политический и, в частности, антикапиталистический оттенок» [Дерезевиц, 2021: 34]. Понятно, к чему это ведет. Если искусство сакрально, а бедность священна, то и открыто проявлять свою заинтересованность в повышении собственного благосостояния – тоже зачастую моветон. Разумеется, большинство творцов о богатстве мечтают, но преимущественно как о результате большого творческого успеха.

Можно найти еще несколько социальных факторов, способствующих экстремальному неравенству в экономике творчества. К примеру, *легкость вхождения в сферу творчества*.

Чтобы стать творцом сегодня, даже не обязательно какое-либо образование. Писателем может быть любой, кто умеет писать. Блогер теперь всякий, кто что-то снимает или пишет и выкладывает в сеть. Художник – тот, кто загадочным образом размазал краски по холсту. Даже музыкантам необязательно знать нотную грамоту, ведь появляются жанры, где академическая музыкальная грамотность вряд ли приветствуется (скажем, Grindcore). Поэтому и постоянно растущий избыток творческих людей (или так себя классифицирующих) и соответствующей творческой «продукции», не находящих какого-либо «спроса». Разумеется, все это играет понижающим образом на и без того невысокие доходы креаторов.

Также актуален известный когнитивный эффект *предвзятости выборки*. Классовая идеология персоналиата основывается на историях успеха, который случаен, но при этом невозможен без упорного труда. Однако такие истории являются единственными доступными историями, которые подхватывают современные СМИ. Историй многих миллионов «творческих неудачников» не знает никто (а также малоизвестны издержки эмоционального труда, самобрендинга и постоянных «предпринимательских» усилий [Duffy, Wissinger, 2017]). Х. Эббинг подмечает тонкий нюанс: сфера творчества вообще пронизана множеством мифов, среди которых особенно коварен миф о том, что «проигравший в конце концов победит». Этот миф, подпитываемый многочисленными историями посмертного признания великих гениев, «посылает художникам неверные сигналы. Тем не менее сей миф объясняет, “почему многие художники так долго сохраняют надежду на то, что они в конечном итоге станут знаменитыми, даже после своей смерти”» [Abbing, 2002: 120]. Веря этому мифу, многочисленные авторы долгие годы выживают с надеждой на успех и широкое признание в далеком от них будущем, но по факту подавляющее большинство из них просто тратят время до тех пор, пока возвращаться назад, то есть получать другое образование, искать другую работу, станет уже поздно и «себе дороже».

Обозначенные тенденции осмысляются социологами как способствующие появлению огромной прослойки так называемых *прекогов* – «нестандартных когнитивных работников», которые «могут иметь престижную профессию, но работают в классических ненадежных условиях» [de Peuter, 2011: 420]. Правда, эту прослойку можно обозначить более точным словом, подчеркивающим весь драматизм ситуации: *имперсоналиат*. Это огромное количество глубоко несчастных людей, чья основная неудача – не просто бедность или нестабильность в экономическом смысле, но еще и в силу ряда причин неспособность в полной мере раскрыть себя в творчестве, неспособность найти свое подлинное «я».

Масштабы неравенства. Итак, каковы реальные «масштабы неравенства» в экономике творчества как одном из прообразов посткапитализма? Начать можно с «масштабов бедности».

К примечательным выводам пришел Национальный (Великобритания) опрос Panic! тех, кто работает в сфере творчества и культуры (2015 г., N = 2487 человек, работающих во всех основных областях индустрии культуры; методология: открытый опрос на сайте theguardian.com). Опрос показал, что неоплачиваемая работа характерна для профессий в этой области экономики. Около 87% респондентов, независимо от творческой профессии или демографических данных, сообщили, что каким-то образом работали *бесплатно*⁴. Масштабное исследование «Доходы создателей музыки в цифровую эпоху» (Д. Хесмондалг, Р. Осборн, Х. Сон и К. Барр), проведенное в Великобритании в 2021 г., включало в себя, в частности, опрос 700 музыкантов. Согласно этому опросу, более трети музыкантов (37%) сообщили о годовых доходах от музыки в размере 5000 (!) фунтов стерлингов или меньше в 2019 году, и почти половина (47%) заработали менее 10 000 фунтов стерлингов. 62% заработали на музыке 20 000 фунтов стерлингов или меньше в 2019 году. Из музыкантов, чей доход полностью основан на музыке, 43% сообщили о заработке 20 000

⁴ Panic! Social Class, Taste and Inequalities in the Creative Industries. 2018. URL: <https://createlondon.org/wp-content/uploads/2018/04/Panic-Social-Class-Taste-and-Inequalities-in-the-Creative-Industries1.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).

фунтов стерлингов или меньше, а 64% сообщили о 30 000 фунтов стерлингов или меньше. Доля музыкантов, ничего не зарабатывающих на музыке, удвоилась в период с 2019 по 2020 год с 4 до 8%⁵. Эти цифры не являются уникальным британским опытом. Как замечает Л.Б. Крюгер, средние доходы музыкантов в США составили 20 000 долларов в 2016 году, что примерно на 15 000 долларов меньше, чем средняя зарплата всех остальных работников [Krueger, 2019: 46–47]. Художники в США занимают «четвертое место снизу по среднему доходу среди тридцати профессиональных групп, опережая только работников, занимающихся уходом за детьми, приготовлением пищи и обслуживанием, но не опережая уборщиков и горничных» [Дерезевец, 2021: 161].

Разумеется, более чем скромные показатели средних доходов не означают, что все креаторы – бедняки. Никто не отрицает очевидной концентрации богатства в руках касты «избранных» очень богатых и влиятельных представителей персоналиата (вроде певицы Тейлор Свифт или модели Кайли Дженнер). Причем в силу озвученных выше причин неравенство с каждым годом растет. Такая особенность, как «победитель получает все», давно не удивляет социологов и экономистов, изучающих считаемые творческими профессиями. Но по мере развития Интернета некоторые комментаторы предположили, что зависимость творческих «индустрий» от правила «победитель получает все» постепенно исчезнет по причине более дешевых средств производства, более легкого доступа к распространению (через Интернет и новых цифровых посредников) и расширенных технических возможностей потребителей получать доступ к огромному количеству контента в любое время и в любом месте. Наиболее известной версией этой идеи является «тезис о длинном хвосте», согласно которому в цифровой среде гораздо более широкий спектр культурных продуктов достигнет успеха, а Интернет позволит все большему количеству произведений располагаться на остальной части кривой популярности (не только в середине, но и в «длинном хвосте») и приносить хоть какой-то доход [Anderson, 2006].

Критики отмечают, что не только предсказание о «длинном хвосте» не сбылось, но и цифровизация в некоторой степени привела к тому, что паттерны «победитель получает все» стали еще более выраженными (см., напр.: [Elberse, 2013])⁶. Так сложилось по причине более легкой масштабации (см. выше), а также из-за действия «степенного закона»⁷ и социальных эффектов влияния⁸. Л.Б. Крюгер приводит следующие показательные данные, полученные Pollstar (ведущее отраслевое издание, которое освещает гастрольную деятельность музыкантов): 1% лучших артистов увеличил свою долю в общем доходе от концертов с 26% в 1982 г. до 60% в 2017 г. Верхний 1% теперь получает больше доходов, чем 99% нижних вместе взятых, а 5% лучших исполнителей увеличили свою долю в общей денежной выручке от концертов с 62% до 85% за тот же период. Лучшие 5% исполнителей зарабатывают почти в шесть раз больше денег, чем 95% «худших» вместе

⁵ Music Creators' Earnings in the Digital Era // UK Intellectual Property Office. 2021. September. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1020133/music-creators-earnings-report.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

⁶ The Long tale of P2P // Economic Insight. 2009. May 14. URL: <https://www.prsformusic.com/-/media/files/prs-for-music/research/economic-insight-14-the-long-tail-of-p2p> (дата обращения: 06.04.2022).

⁷ К примеру, согласно этому закону, популярность песни или исполнителя растет не линейно, а в геометрической прогрессии. Популярность лучшего исполнителя кратна популярности второго по популярности исполнителя, который, в свою очередь, кратен популярности третьего по популярности исполнителя, и так далее.

⁸ Речь идет о знаменитом эксперименте, в рамках которого на искусственно созданном «музыкальном рынке» 14 341 участник загружал ранее неизвестные песни, в одних случаях зная, а в других – не зная о выборе предыдущих участников. Эксперимент показал, что если участники знали о том, как часто другие загружали различные песни (социальное влияние), то возникала ярко выраженная тенденция к появлению песен-суперзвезд, а частота загрузок больше напоминала степенную зависимость. Это пример того, что называют кумулятивным преимуществом, когда небольшое преимущество над соперником, приобретенное по какой-либо причине, со временем превращается в гораздо большее преимущество (см.: [Salganik, Dodds, Watts, 2006]).

взятых [Krueger, 2019: 69]. Как отмечает У. Дерезевиц, «“толстая голова” стала еще толще. Книги-бестселлеры становятся все популярнее, фильмы-блокбастеры – еще лучше продаваемыми, а синглы просто сидят в хит-парадах и все дольше занимают первые места в чартах. В эпоху “Триллера” (Thriller), великого блокбастера 1980-х годов, 80% дохода в музыкальном бизнесе получали те, кто входил в топ-20% контента. Теперь это топ-1%. Длинный хвост становится не только вытянутым, но и тонким» [Дерезевиц, 2021: 120–121]. Применительно к изобразительному искусству стоит говорить вообще не об 1%, а о 0,1%. В 2018 г. только 3% сделок были связаны с произведениями искусства на сумму более одного миллиона долларов. Но эти 3% составили 40% от общей стоимости продаж арт-рынка. В 2018 году продажи 20 лучших ныне живущих художников составили 64% мирового объема арт-рынка⁹.

Так как именно Интернет упростил масштабизацию, то сильнее всего тенденция к росту неравенства в распределении доходов проявляется именно в социальных медиа, то есть там, где вдобавок сильны еще и социальные эффекты влияния (все видят, сколько тот или иной материал просмотрели, оценили положительно – лайки, репосты – и т.п.). Компания Official Charts Company (OCC) предоставляет точные данные о потоковой передаче по запросу, встречающиеся в статистических ежегодниках Британской ассоциации производителей фонограмм (BPI). Ею была установлена стабильная закономерность «концентрации популярности» потоковой музыки (в таких сервисах, как Amazon, Apple Music, Tidal, Spotify, Deezer). Основываясь на выборке данных за каждый октябрь с 2014 по 2020 г., было определено, что на 0,1% самых популярных треков приходилось более 40% всех потоков (то есть прослушиваний) за все годы, а на 0,4% лучших треков приходилось более 65% всех потоков, начиная с 2016 г. На 1% лучших треков приходилось от 75 до 80% потоков, а на 10% лучших – от 95 до 97% за все годы с 2016 по 2020 г. 1% лучших исполнителей постоянно набирал 63–65% всех потоков за те годы, по которым имеются данные. На 1% лучших артистов приходится 78–80% потоков, а на 10% лучших – 98%¹⁰. На Spotify (стриминговый сервис, позволяющий легально прослушивать музыкальные композиции, аудиокниги и подкасты, не скачивая их на устройство) 43 000 лучших артистов – примерно 1,4% всех участников платформы – получают 90% гонораров и зарабатывают в среднем 22 395 долларов на артиста в квартал. Остальные 3 миллиона его создателей, или 98,6%, зарабатывали всего 36 долларов на человека в квартал. На Patreon (веб-сайт, где авторы творческих произведений могут распространять свои работы по платной подписке или предоставлять дополнительный контент для своих подписчиков, называемых «покровителями») только 2% создателей получали суммы, превышающие размер федеральной минимальной заработной платы (1160 долларов в месяц в 2017 г.)¹¹. «Из всех книг, доступных на Kindle¹² (а их сейчас больше шести миллионов), – замечает У. Дерезевиц, – 68% продаются в лучшем случае по два экземпляра в месяц. Подавляющая часть из них – это самиздат, а из всех независимых авторов менее 2000 человек зарабатывают на сайте по 25 тысяч долларов в год. Sundance¹³ принимает чуть более сотни фильмов в год. Неудивительно, что менее 3% авторов малобюджетных фильмов снимают потом хотя бы одну или две картины» [Дерезевиц, 2021: 114]. Наконец, все те же тенденции наблюдаются на платформе YouTube. Недавнее исследование, проведенное М. Бертлем, профессором международного бизнеса Оффенбургского университета в Германии, показывает,

⁹ Postmodern Art in a Post-Equality World // Inequality.org. 2019. May 22. URL: <https://inequality.org/great-divide/jeff-koons/> (дата обращения: 06.04.2022).

¹⁰ Music Creators' Earnings in the Digital Era // UK Intellectual Property Office. 2021. September. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1020133/music-creators-earnings-report.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

¹¹ The Creator Economy Needs a Middle Class // Harvard Business Review. 2020. December 17. URL: <https://hbr.org/2020/12/the-creator-economy-needs-a-middle-class> (дата обращения: 06.04.2022).

¹² Магазин электронных книг.

¹³ Кинофестиваль «Сандэнс» – национальный американский кинофестиваль независимого кино.

что количество создателей, которые доходят до того состояния, когда они могут зарабатывать на жизнь видеоблогингом, поразительно мало. В исследовании для Bloomberg News Бертли обнаружил, что проникновение в верхние 3% (более 1,4 млн просмотров в месяц) принесет рекламный доход примерно в 16 800 долларов в год, что чуть выше черты бедности в США [Bärtl, 2018: 16].

* * *

Экономика творчества – это экономика экстремального неравенства. И данное экстремальное неравенство не является результатом каких-либо заговоров или действия чего-то вроде извечных законов капиталистического накопления. Как мы убедились выше, стоит говорить об обратном: в эпоху расцвета капитализма материальные рамки самовозрастания стоимости ограничивали неравенство, способствуя формированию такого рыхлого социального образования, как средний класс с его относительно консервативным набором ценностей и убеждений. В посткапиталистическую эпоху «имматериального» все соответствующие преграды разрушаются: *растущий спрос на творческие профессии сочетается с «сужающимся» вниманием людей, которым уже ничто не мешает потреблять творческую «продукцию» 0,1% самых-самых лучших творцов из всех возможных.* Остальные же претенденты на успех, славу и богатство вынуждены слепо следовать за классовой идеологией персоналиата, согласно которой каждый – яркая личность, и стоит только приложить некоторые усилия, как все мечты обязательно сбудутся.

Разумеется, пока еще рано говорить о том, что экономика творчества достаточно масштабна, чтобы влиять на жизни каждого человека. Однако очевидно, что по мере роботизации и автоматизации производства творчество будет «последним аргументом», который еще остается у человека перед «замещающей» мощью машин. По сути, мы рассмотрели противоречивые черты социально-классовой структуры, возникающей в рамках креативной экономики, как часть приближающегося будущего. Причем многие проблемы, с которыми столкнулись сегодня художники и прочие творцы, в той или иной степени актуальны и для других сфер: от науки до бизнеса. «Экономика суперзвезд» (или «рокономика» [Kueger, 2019]) активно сегодня обсуждается не только социологами, но и экономистами, обращающими внимание на то, что «суперзвездами» уже являются не только эстрадные певцы или художники, но все чаще – представители бизнеса (или сами предприятия как «корпорации-суперзвезды» [Autor et al., 2020]) и даже профессионалы вроде юристов или врачей (в конце концов, один из 0,1% наилучших докторов может завладеть вниманием всего мира, консультируя пациентов по Интернету за безумные деньги). Поэтому становление персоналиата и имперсоналиата как новых основных антагонистических классов уже идет, причем быстрыми темпами и в самых неожиданных областях.

Заключение. Что ожидать от посткапиталистического будущего? Долгие годы марксистская социология была сфокусирована на поиске и анализе структурных, классовых противоречий капиталистического общества. Марксизм как таковой не был бы марксизмом, если бы не допускал (хотя бы в плане далекой мечты) возможность бесклассового общества, в котором сняты все основные антагонизмы. Все эти установки сохраняются сегодня. Однако складывающаяся ситуация является очень коварной. Настоящая – длинная – статья, состоящая из двух частей, задумывалась с одной простой целью: показать, что та структура, которую многие исследователи все еще видят биполярной, обманчива. К примеру, на Западе популярны и широко известны концепции интерсекциональности, авторы которых смешивают марксистский классовый анализ и политику идентичности. Если говорить просто, то под единым классом «угнетенных» подразумеваются как рабочие, так и различные «жертвы» по расовому, гендерному и прочим признакам. На противоположной стороне – белые цисгендерные гетеросексуальные мужчины, сосредоточившие в своих руках капитал. Аналогично: какую бы популярную концепцию посткапитализма мы ни взяли, почти везде новый мир свободного творчества, в котором благодаря таким перспективным вещам, как безусловный доход, каждый легко нашел бы себя в поэзии, музыке или любом

другом творчестве, противопоставляется старому блеклому и безликому миру «пуританского» и буржуазного прошлого [Srnicek, Williams, 2016; Mason, 2017]. В действительности же все гораздо сложнее. Современная классовая структура не является биполярной (если под «биполярностью» понимать именно наличие двух *основных* противоборствующих классов). Посткапитализм породил новые классы – персоналиат и имперсоналиат, антагонистичные как по отношению друг к другу, так и ко всему старому миру, в котором все еще существуют рабочие и капиталисты¹⁴. Если это учесть, то будет легче заметить, что именующие себя марксистами «прогрессивные» сторонники политики идентичности и представители рабочего класса (особенно *white working class*) очень часто де-факто оказываются по разные стороны баррикад. Более того, последние имеют больше общего с промышленной буржуазией «старой закалки», нежели с так называемыми «левыми» (а потому голосуют за капиталиста Д. Трампа).

Персоналиат – это класс, состоящий из тех, кто формирует и контролирует основные публичные дискурсы. Как мы показали, именно представители персоналиата (от университетских преподавателей, «обладающих» вниманием студентов, до журналистов и селебрити с многомиллионными аудиториями) в массе своей формируют и распространяют соответствующий этос (а по факту – новую классовую идеологию), состоящий из смеси политики идентичности и «зеленого» постматериализма. Данная классовая идеология ставит на первый план абстрактные проблемы гражданских прав и перспектив бесконечной свободы выбора путей самореализации, вытесняя из повестки «материалистические» вопросы, актуальные для простых рабочих и жителей провинции. Все это напоминает огораживания времен зарождающегося капитализма, когда классы феодального общества попросту вытеснялись на обочину истории.

Не стоит также считать, что существующие дискурсы сторонников идеи посткапитализма – это верный путь к бесклассовому обществу. Напротив, за привлекательными утопическими рассуждениями о свободном творчестве, о закате «цивилизации труда» и даруемой каждому возможности обрести свое «я» в наступающем мире свободы от материальной нужды может скрываться идеология персоналиата, продвигаемая наиболее успешными людьми, которые способны зарабатывать своим творчеством баснословные суммы, но не в состоянии осознать тот простой факт, что они – лишь часть 0,1% тех, кому очень сильно повезло оказаться на вершине социальной иерархии (хоть в «академии», хоть в искусстве). Дистрибуция внимания как ключевого ресурса посткапиталистического общества может оказаться даже большей проблемой, чем дистрибуция капитала и материальных богатств. Посткапиталистическая эпоха вполне может оказаться временем беспрецедентного неравенства и столь же беспрецедентной социальной напряженности между преуспевшими и теми, кто так и не смог обрести свое «я» в конкурентной гонке за творческую самореализацию.

Тем не менее это в основном описание тенденций, имеющих место в западных странах. Будет ли зафиксированное выше движение магистральным вектором дальнейшего развития человечества – большой вопрос. По мнению автора этих строк, капиталистическая формация включала в себя большое количество различных институциональных вариаций. Даже СССР можно рассматривать как проект, в котором капиталистический по своей сути индустриальный «базис» причудливым образом сочетался с антикапиталистической надстройкой, отрицающей основные либеральные западные ценности. В период «специальной военной операции» на Украине мы наблюдали, как «прогрессивный» российский персоналиат, состоящий из немалого числа селебрити и представителей интеллигенции, потерпел поражение в длительной культурной войне за западные ценности. Не стоит, правда,

¹⁴ Можно сказать, что и старый рабочий класс – это имперсоналиат. Однако в марксизме социальные классы различаются по их месту в исторически определенной системе общественного производства. В этом смысле имперсоналиат состоит из тех, кто стремится к тем же целям и разделяет те же ценности, что и персоналиат. Разница лишь в степени успеха.

пытаться избежать неизбежного: Россия так или иначе столкнется и уже сталкивается с теми обстоятельствами, с которыми столкнулись страны Запада. Но не означает ли это того, что мы сегодня, подобно тому, как это было в 1917 г., обрекли себя на какую-то свою собственную нетривиальную версию посткапитализма?¹⁵ На этот вопрос предстоит ответить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53. [Buzgalin A.V. (2017) *Creative Economy: Private Intellectual Property or Everyone's Ownership of Everything? Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 43–53. (In Russ.)] DOI: 10.7868/S0132162517070054.
- Дерезевич У. Экономика творчества в XXI веке. Как писателям, художникам и другим творцам зарабатывать на жизнь в век цифровых технологий. М.: Лайвбук, 2021. [Deresiewicz W. (2021) *The Death of the Artist. How Creators Are Struggling to Survive in the Age of Billionaires and Big Tech*. Moscow: Livebook. (In Russ.)]
- Маццукато М. Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: ВШЭ, 2021. [Mazzucato M. (2021) *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Миланович Б. Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации. М.: Ин-т Гайдара, 2017. [Milanovic B. (2017) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)]
- Abbing H. (2002) *Why Are Artists Poor? The Exceptional Economy of the Arts*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Anderson C. (2006) *The Long Tail: How Endless Choice is Creating Unlimited Demand*. London: Random House
- Autor D. et al. (2020) The Fall of the Labor Share and the Rise of Superstar Firms. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 135(2): 645–709. DOI:10.1093/qje/qjaa004.
- Bärtil M. (2018). YouTube Channels, Uploads and Views: A Statistical Analysis of the Past 10 Years. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. No. 24(1): 16–32. DOI: 10.1177/1354856517736979.
- de Peuter G. (2011) Creative Economy and Labor Precarity: A Contested Convergence. *Journal of Communication Inquiry*. No. 35(4): 417–425. DOI: 10.1177/0196859911416362.
- Duffy B.E., Wissinger E. (2017) Mythologies of Creative Work in the Social Media Age: Fun, Free, and “Just Being Me”. *International Journal of Communication*. No. 11: 4652–4671.
- Elberse A. (2013) *Blockbusters: Hit-making, Risk-taking, and the Big Business of Entertainment*. New York: Henry Holt and Co.
- Gorz A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. New York, London: Seagull Books.
- Gross S.A., Musgrave G. (2020) *Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition*. London: University of Westminster Press.
- Krueger A.B. (2019) *Rockonomics: A Backstage Tour of What the Music Industry Can Teach Us about Economics and Life*. New York: Currency Press.
- Mason P. (2017) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Rosen S. (1981) The Economics of Superstars. *The American Economic Review*. No. 71(5): 845–858.
- Salganik M.J., Dodds P.S., Watts D.J. (2006) Experimental Study of Inequality and Unpredictability in an Artificial Cultural Market. *Science*. No. 311 (5762): 854–856. DOI: 10.1126/science.1121066.
- Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.

Статья поступила: 16.03.22. Финальная версия: 18.05.2022. Подписана к публикации: 30.05.22.

¹⁵ Полагаю, история повторяется. В 1917 г. Россия тоже пошла «своим путем». Отклонившись от буржуазного «западного курса», часть элит предпочла выражать интересы «социальных низов» – крестьянства и рабочего класса путем построения плановой экономики. Однако в итоге этот проект потерпел поражение. Государственная машина так и не смогла обеспечить такого потребительского изобилия и качества жизни, как на Западе. Сегодня мы рискуем столкнуться с подобным. Какое-то время наше общество сможет отрицать западные ценности, противоречивую политику идентичности и прочие «прогрессивные» дискурсы, блокировать свободомыслие стремящихся к творческой самореализации индивидуальностей, апеллируя к патриотизму. Но в несомненно верной борьбе против болезней Запада мы рискуем не увидеть болезней собственных, за плохим не разглядеть хорошее или неизбежное.

CLASS DOMINATION IN THE ERA OF POST-CAPITALISM. Part 2.
Distribution of attention**DAVYDOV D.A.***Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Russia*

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article examines the prospects for the transformation of the class structure in the era of post-capitalism. The second part of the article deals with the internal antagonism of the post-capitalist class structure. For this, it is proposed to look at the economics of creativity as an expanding area of productive activity, where the laws of capitalist accumulation do not directly operate. Creativity as the creation of non-material goods (from artistic images to scientific theories) is considered the substantive basis of post-capitalism, and therefore is comprehended in a utopian way with an emphasis on freedom of self-realization. Nevertheless, the article substantiates that the "decline of capitalism" may lead to even greater socio-economic inequality (from the power of 1% to the power of 0.1%) and the corresponding tragedy of the impersonal class as a class of "creative losers".

Keywords: post-capitalism, the personalist, social revolution, post-materialism, Marxism, class analysis, social stratification, class ideology, economics of creativity.

Received: 16.03.22. Final version: 18.05.22. Accepted: 30.05.22.

© 2022 г.

А.В. ИГНАТОВ, П.Л. ПОПОВ, А.А. ЧЕРЕНЕВ

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ИГНАТОВ Анатолий Васильевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гидрологии и климатологии (ignatov@irigs.irk.ru); ПОПОВ Петр Леонидович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии (plp@irigs.irk.ru); ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии (alcherenev@gmail.com). Все – Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия.

Аннотация. Анализируются результаты анкетирования жителей ряда муниципальных районов Восточной Сибири ($N = 1358$), касающиеся их предпочтений в отношении основных современных политических партий. По результатам полевых исследований, обработанных с применением стохастического моделирования, выделена выборка основных предикторов, входящих в многофакторные модели электорального предпочтения избирателей. Установлено, что на данной территории связь возраста избирателя с его предпочтениями к той или иной партии более отчетливо появляется через другие предикторы. Наиболее сильное влияние на электоральные предпочтения оказывают пол и сфера деятельности респондентов. В частности, мужчины более склонны выбирать КПРФ и «другие партии», но больше половины опрошенных женщин склоняется в пользу ЕР. Работники промышленности поддерживают ЕР существенно реже. Эти закономерности в значительной степени связаны с контрастом между советскими временами, когда в этом регионе населенные пункты были промышленными центрами с хорошей социально-экономической инфраструктурой, и постсоветскими, когда поселения региона стали депрессивными, а иногда и заброшенными.

Ключевые слова: политическая социология • факторы электоральной предрасположенности • политические партии • параметрический портрет

DOI: 10.31857/S013216250019790-2

С опорой на работы [Подлазов, 2014; Алмонд, Верба, 2014] авторами на материалах социологических опросов населения северных районов Восточной Сибири, проведенных в 2012–2020 гг., решалась задача установить, какие характеристики и параметры (совместно и по отдельности) опрашиваемых людей и социально-экономических условий в районах их проживания наиболее сильно обуславливают партийно-электоральные предпочтения респондентов. Значимость изучения электоральных предпочтений в Восточной Сибири связана не только с общим интересом к закономерностям их формирования в современной России, но и с распространенностью протестного электорального поведения в этом регионе [Попов и др., 2019].

Далее будут рассматриваться данные социологических опросов в 2012–2020 гг. (1358 анкет) по группе районов Восточной Сибири: в Красноярском крае – Енисейский,

Исследование выполнено в рамках научных проектов АААА-А21-121012190018-2 и АААА-А21-121012190056-4.

Мотыгинский и Богучанский районы; в Иркутской области – Мамско-Чуйский и Бодайбинский районы; в Республике Бурятия – Северобайкальский и Северо-Муйский районы¹. Все эти территории находятся в похожих природно-климатических условиях, их население имеет достаточно однородный этнический состав с близкими социально-экономическими характеристиками.

Исследованные населенные пункты Иркутской области создавались как временные поселения для добычи золота и слюды. С изменением состава работников горно-обогатительных комбинатов и приисков (переориентирование на рабочую силу из Средней Азии), с получением комбинатами и приисками независимости от муниципальных и региональных властей, введением запрета на «самопринос» золота и прекращением добычи слюды местное население оказалось в условиях самовыживания. Многие поселения (Мама, Луговский, Бодайбо, Согдиондон и др.) буквально «вымирают»: после распада СССР численность их населения снизилась примерно в 10 раз. В Красноярском крае экономика исследованных муниципальных образований более многопрофильна и менее кризисна, поэтому демографическая убыль в разы ниже, чем в Иркутской области, а реальный рынок труда значительно шире. Наконец, в изученных поселениях Республики Бурятия (Северобайкальск, Нижнеангарск и Таксимо – всё это центры обслуживания БАМа) ситуация несколько лучше, чем в Иркутской области, но хуже, чем в Красноярском крае. Все эти поселения характеризуются низкой транспортной доступностью (нередко сезонной), малой численностью населения поселков городского типа и «плавной» реакцией людей на экономические и политические события. Местный социум имеет стабильные условия жизни (включая стабильность местной экономической и политической элиты), вследствие чего допустим «растянутый» на восемь лет период проведения социологического исследования.

Ввиду малолюдности (примерно от 200 до 5 тыс. человек) и малочисленности населенных пунктов и специфики хозяйственной деятельности местного населения в теплый период года (охота, рыбная ловля, заготовка дров и т.д.) в исследованном регионе анкетирование респондентов проводилось в больничных стационарах, учреждениях МВД, МЧС, местных администрациях, торговых точках и на улицах. Репрезентативность исследования определялась случайным выбором респондентов и величиной выборки. Состав респондентов был относительно однороден по уровню и качеству жизни, этнической принадлежности. В населенных пунктах до 20 тыс. человек собиралось примерно 400 анкет, в населенных пунктах до 1 тыс. – 150 анкет. Выборка в некоторых поселениях составляла 20% населения, в крупных населенных пунктах – до 7–10%. Далее будет анализироваться база данных ответов на вопрос анкеты, который был сформулирован как «ваше политическое предпочтение» с закрытым перечнем 5-ти политических партий и вариантом «Другие партии».

Для определения наиболее существенных факторов, совместно влияющих на электоральное предпочтение респондентов, из доступного инструментария программы «Стохастическое моделирование» [Игнатов, 2019] использована процедура подбора оптимальной по заданному критерию комбинации предикторов для характеристики, определяемой как зависимая переменная. В качестве таких зависимых переменных рассматривались ответы на пункты анкеты, отражающие предпочтение респондентов по отношению к одной из партий или группе партий – Единой России (ЕР), КПРФ, ЛДПР, Справедливой России (СР), «Яблоку» и другим партиям.

Выбираемая комбинация предикторов (табл. 1) с использованием многофакторной стохастической модели позволяет оценивать вероятность электорального предпочтения респондента, а обработка множества оценок – вычислить средние значения электорального предпочтения для различных групп избирателей (табл. 2). Группы с минимальным и максимальным электоральным предпочтением определялись с использованием

¹ Исследования в районах Восточной Сибири проводились в 5-ти экспедиционных выездах: в 2012 г. – 435 анкет, в 2013 г. – 152 анкеты, в 2015 г. – 343 анкеты, в 2018 г. – 187 анкет, в 2020 г. – 241 анкета.

графиков связи «Фактические значения – Рассчитанные по модели значения», формируемых программой «Стохастическое моделирование» при обработке исходных данных.

Анализ табл. 2 показывает, что многофакторная зависимость вероятности электорального предпочтения респондента к СР от комплекса ответов на остальные вопросы анкеты практически отсутствует. Такая зависимость несколько более выражена для ЛДПР и «Яблока», а наиболее сильно проявляется для ЕР, КПРФ и группы «Другие партии». В частности, это обстоятельство отражается в том, что по косвенным признакам для ЕР может быть выделена достаточно большая группа респондентов с вероятностью предпочтения этой партии, заметно превышающей среднюю по всем опрошенным лицам аналогичную величину. Такая группа характеризуется наиболее благоприятным для ЕР сочетанием влияющих факторов. Для КПРФ, соответственно, может быть выделена большая группа с вероятностью предпочтения этой партии, близкой к нулю, при наиболее неблагоприятном для этой партии сочетании значений включенных в модель предикторов. Для «других партий» по косвенным признакам выделяются значимые выборки респондентов как с заметно пониженной, так и с заметно повышенной вероятностью их электорального предпочтения.

По результатам анализа однофакторных зависимостей можно отметить ряд статистически значимых особенностей электорального предпочтения респондентов региона. В частности, мужчины более, чем женщины, склонны выбирать КПРФ и «Другие партии». Напротив, заметно больше половины опрошенных женщин склоняется в пользу ЕР. Среди работников промышленности отмечается существенно меньшее предпочтение к ЕР. Работники промышленности и работающие пенсионеры в 2 раза чаще по сравнению

Таблица 1

Предикторы, совместно в наибольшей степени влияющие на электоральные предпочтения респондентов²

Предикторы в многофакторной модели	Партии					
	СР	ЕР	КПРФ	ЛДПР	Яблоко	Другие
Пол, мужской		X	X	X		X
Пол, женский					X	
Социальное положение: «работающий»			X			
Социальное положение: «работающий пенсионер»			X			
Сфера деятельности: «промышленность»		X	X			
Оценка материального положения своей семьи: «в состоянии купить все»			X		X	
Оценка качества системы местного самоуправления: «абсолютно несовершенна»	X				X	X
Система сельсоветов советского времени эффективнее, чем современная система местного самоуправления: «да»		X	X		X	
Система сельсоветов советского времени эффективнее, чем современная система местного самоуправления: «затрудняюсь ответить»	X			X		
Планируете ли вы уехать в ближайшее время: «нет»	X			X		
Чувствуете ли вы социальную защиту государства: «да»		X			X	
Чувствуете ли вы социальную защиту государства: «нет»				X		X
Уровень личной политической активности: «не принимаю участия»		X	X			X

² Знаком «X» отмечены предикторы, включенные в модель оценки вероятности предпочтения респондентом соответствующей партии.

Таблица 2

Характеристики моделей многофакторной зависимости электорального предпочтения респондентов к соответствующей партии

Характеристики модели	Партии					
	СР	ЕР	КПРФ	ЛДПР	Яблоко	Другие
Коэффициент множественной корреляции	0,077	0,256	0,298	0,126	0,116	0,23
Средняя по всей выборке вероятность электорального предпочтения	0,07	0,51	0,11	0,07	0,011	0,22
Максимальная вероятность предпочтения (при благоприятном сочетании значений предикторов)	0,1	0,76	0,42	0,13	0,09	0,48
Число респондентов в группе с максимальным предпочтением к партии	299	80	9	103	11	30
Минимальная вероятность предпочтения (при неблагоприятном сочетании значений предикторов)	0,03	0,1	0	0	0	0,06
Число респондентов в группе с минимальным предпочтением к партии	57	7	91	48	229	115

с остальными людьми предполагают голосовать за КПРФ. То же самое относится и к лицам, положительно оценивающим эффективность системы сельсоветов советского времени по сравнению с современной местной властью. Респонденты, которые не смогли сравнить эти две системы, но чувствуют социальную защиту со стороны современного государства, преимущественно выбирают ЕР. Среди пассивных в политическом плане респондентов отмечаются повышенная доля сторонников «других партий» и пониженные доли сторонников ЕР и КПРФ. В группе людей, оценивающих себя настолько богатыми, что «могут купить все», в 7 раз выше доля предпочитающих партию «Яблоко» по сравнению с аналогичной долей в полной выборке. Однако этот вывод недостаточно статистически значим из-за малой численности этой группы.

Статистически значимые зависимости электорального предпочтения к отдельным партиям наблюдаются и от возраста респондентов. Однако такие зависимости, скорее всего, отражают возрастные изменения других факторов, непосредственно влияющих на электоральное предпочтение опрошенных людей. Наибольшая такая косвенная зависимость отмечается для КПРФ, вероятность предпочтения которой возрастает от 0,04 в группе моложе 30 лет до 0,38 в группе старше 75 лет. Высокую склонность старшего поколения голосовать за КПРФ можно объяснить тем, что именно в советские времена в этом регионе населенные пункты, ставшие в постсоветское время депрессивными, а иногда и заброшенными, были промышленными центрами с хорошей социально-экономической инфраструктурой и особым материальным обеспечением (например, поселок городского типа Мама негласно называли тогда «Северный рай»).

К выбору ЕР склоняются преимущественно женщины, ощущающие социальную поддержку со стороны государства, но не очень разбирающиеся в системах управления. За КПРФ чаще собираются голосовать мужчины старшего возраста, преимущественно работающие в сфере промышленности, отмечающие лучшее качество системы сельсоветов в советское время по сравнению с современной системой местного самоуправления. У сторонников «Яблока» в первую очередь женское лицо. ЛДПР чаще выбирают недовольные нынешней властью мужчины. Респонденты, предполагающие голосовать за другие партии, дополнительно характеризуются низкой текущей политической активностью. Портрет сторонника СР самый «размытый»: его параметры слабо отличаются от среднего портрета избирателя, построенного по всей выборке респондентов.

Подведем итоги анализа. Наиболее сильно влияющими факторами на электоральное предпочтение в нашем случае являются пол и сфера деятельности респондента. Такое влияние реализуется за счет выраженного неприятия партий ЕР и «Яблоко» работающими в промышленности мужчинами, включая пенсионеров, и повышенной поддержки КПРФ этой группой граждан. Выделяется также существенное влияние сравнительной оценки респондентами эффективности системы местного самоуправления на предполагаемый выбор партии. На сторонников ЕР и КПРФ этот фактор действует в противофазе. Ощущаемая гражданами социальная поддержка склоняет их выбор в сторону ЕР.

Опрошенные респонденты разделяются на специфические группы в отношении электорального предпочтения, прежде всего, к ЕР и КПРФ. По отношению к остальным партиям такая дифференциация выражена меньше. Распределение сторонников СР практически и статистически не отличается от распределения респондентов по их специфическим группам во всей выборке использованных данных.

Таким образом, устоявшееся мнение о значительном влиянии возраста на электоральные предпочтения населения нуждается в некоторой корректировке. По результатам нашего исследования возраст в многофакторных моделях не попал в комбинации наиболее существенных предикторов. Однако возраст связан с другими переменными, вошедшими в эти модели. В однофакторных же моделях зависимость электорального предпочтения от возраста проявляется статистически значимо.

Совместный учет факторов влияния на электоральное предпочтение в рамках многофакторной модели по сравнению с наиболее сильной однофакторной зависимостью позволяет повысить чувствительность расчетной вероятности выбора той или иной партии респондентом. Для трех парламентских партий и группы «другие партии» такое повышение чувствительности увеличивает статистически значимую оценку данной вероятности на границах области ее изменения более чем в 2 раза. Из этого правила выпадают партии СР и «Яблоко», для которых эта разница существенно меньше.

Выявленные закономерности, вероятно, могут быть распространены на северные районы азиатской части России, сходные с рассматриваемыми районами по этническому составу и экономико-географическим условиям, но эта гипотеза требует проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. [Almond G., Verba S. (2014) *Civic culture: political attitudes and democracy in five countries*. Moscow: Mysl. (In Russ.)]
- Игнатов А.В. Руководство пользователя программы «Стохастическое моделирование». Иркутск: ИГ СО РАН, 2019. [Ignatov A.V. (2019) *User's Guide to the program «Stochastic modeling»*. Irkutsk: IG SO RAN. (In Russ.)]
- Подлазов А.В. Опыт изучения московской электоральной статистики (по итогам выборов) // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 77–88. [Podlazov A.V. (2014) Experience in studying Moscow electoral statistics (based on the results of elections). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 77–88. (In Russ.)]
- Попов П.Л., Чернев А.А., Сараев В.Г., Галёс Д.А. Ареал социально-экономического отставания и протестного электорального поведения в восточной части РФ // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 43–51. [Popov P.L., Cherenev A.A., Saraev V.G., Gales D.A. (2019) The area of socio-economic backwardness and protest electoral behavior in the eastern part of the Russian Federation. *Vlast'* [Power]. Vol. 27. No. 2: 43–51. (In Russ.)]

Статья поступила: 11.04.22. Финальная версия: 20.06.22. Принята к публикации: 06.07.22.

ELECTORAL PREDISPOSITION OF EASTERN SIBERIA RESIDENTS**IGNATOV A.V.*, POPOV P.L.*, CHERENEV A.A.*****V.B. Sochava Institute of Geography of SB RAS, Russia*

Anatolij V. IGNATOV, Dr. Sci. (Geogr.), Senior Researcher (ignatov@irigs.irk.ru); Petr L. POPOV, Cand. Sci. (Phil.), Senior Research (plp@irigs.irk.ru); Aleksei A. CHERENEV, Cand. Sci. (Geogr.), Senior Researcher (alcherenev@gmail.com). All – V.B. Sochava Institute of Geography of SB RAS, Irkutsk, Russia.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the scientific projects AAAA-A21-121012190018-2 и AAAA-A21-121012190056-4.

Abstract. The results of a survey of the northern municipal districts of Eastern Siberia residents ($N = 1358$) regarding their preferences for modern political parties are analyzed. Based on the results of field studies processed using elements of the “stochastic modeling” technology, a sample of the main predictors included in the multifactorial models of electoral preference of voters was identified. It has been established that in this territory, the relationship between the age of the voter and his/her preferences for a particular party appears more clearly through other predictors. The strongest influence on electoral preferences is exerted by the gender and field of respondent’s activity. Men are inclined to choose the Communist Party of the Russian Federation or “other parties”, more than half of the women surveyed are inclined to favor United Russia, industrial workers are much less likely to support United Russia. The revealed patterns can be explained to a large extent by the contrast between Soviet times, when the settlements in this region were industrial centers with good socio-economic infrastructure, and post-Soviet times, when the regional settlements became depressed and sometimes abandoned.

Keywords: political sociology, factors of electoral predisposition, political parties, parametric portrait.

Received: 11.04.22. Final version: 20.06.22. Accepted: 06.07.22.

© 2022 г.

М.Ю. МИЛОВАНОВА**О ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ НА СЕЛЕ**

МИЛОВАНОВА Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (m_milovanova@mail.ru).

Аннотация. Представлены результаты вторичного анализа данных репрезентативных всероссийских исследований прекарности (2018 и 2020 гг.), характеризующие условия занятости на селе. Рассматриваются изменения показателей материального благополучия, трудовых отношений и социальных гарантий в связи с ограничительными мерами 2020 г. в период пандемии COVID-19. Сделаны выводы о снижении качества трудовых ресурсов сельских территорий в России, недоиспользовании рабочей силы, а также о недостаточности «подушки безопасности» сельских жителей в связи со слабой социальной защищенностью, отсутствием финансовых накоплений, нестабильностью в трудовых отношениях, которые проявились в период пандемии.

Ключевые слова: трудовые ресурсы • занятость • прекарность • сельские и удалённые территории • пандемия COVID-19

DOI: 10.31857/S013216250017247-4

Трудовые (человеческие) ресурсы находятся в критическом положении в России, а их сохранение остаётся одной из насущных проблем социально-экономического развития страны. Население трудоспособного возраста в России на начало 2021 г. составило 81,9 млн чел., или 56% от численности населения в целом, количество занятого населения сократилось на 200 тыс. чел. – с 72,1 млн чел. в 2018 г. до 71,9 млн чел. в 2020 г.¹ В отношении трудовых ресурсов села демографические показатели свидетельствуют о ещё более явной депопуляции. В сельской местности в настоящее время проживает 37,3 млн чел., что составляет 25% от общей численности населения, это значительно ниже удельного веса сельского населения в мире – 44%². Численность рабочей силы в трудоспособном возрасте среди сельского населения составляет 15,4 млн. Из них 14,3 млн чел. являются занятыми³. Доля занятых собственно в сельском хозяйстве – 4,237 млн чел.⁴, то есть 29,6% от общего числа занятых среди сельского населения, остальные заняты в образовании, здравоохранении, социальном обслуживании, органах местного самоуправления или их рабочая сила вынужденно недоиспользована.

Обратим внимание на показатели уровня занятости и уровня безработицы в 2019 г. – 71,6 и 7,3% (табл.). Ещё 21,1% сельского трудоспособного населения предположительно заняты неформально, являются безработными или характеризуются временной неполной занятостью.

Некоторые характеристики положения в сфере занятости на селе, которые стоят за данными статистики, позволяют пояснить результаты вторичного анализа данных исследований прекарности, проведенных в 2018 и 2020 гг.⁵

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

² Женщины в экономике. Обзор международной и российской повестки департамента многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России, апрель 2021. Архив автора.

³ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/2/10/document/13211?print=1> (дата обращения: 06.09.2021).

⁴ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения: 06.04.2022).

⁵ Прекариат-2018 – май-июль 2018 г., в рамках проекта коллектива социологов РГГУ (рук. Ж.Т. Тощенко) проведен всероссийский опрос трудоспособного населения (N=1200) по репрезентативной выборке для Российской Федерации и федеральных округов РФ с соблюдением пропорций по численности занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата, Центром социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги). Охватил пять типов поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа, села (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 поселков городского типа (пгт). На последнем этапе для отбора респондентов соблюдались квоты по социально-профессиональным группам с учетом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5 поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю (при пороге теоретической допустимой средней погрешности $\pm 5\%$). Прекариат-2020 – октябрь 2020 г., проведен всероссийский опрос трудоспособного населения России в возрасте 18 лет и старше в трех сферах: промышленность, сельское хозяйство и наука (N = 900). Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги). Исследование проводилось в 8 федеральных округах, в 21 субъекте РФ. При формировании выборочной совокупности происходило районирование объектов, квоты соблюдались на двух ступенях пропорционально статистической численности населения в возрасте 18 лет и старше по федеральным округам и по пяти типам поселений, а на последней ступени – по социально-профессиональным группам. Степень репрезентативности выборочной совокупности относительно генеральной совокупности проверялась согласно показателям, рассчитанным на основании данных официальной статистики по состоянию на 01.01.2020 г. Среднестатистическое отклонение по трем основным контролируемым признакам (параметры квот численности населения в федеральных округах, по 5 типам поселений, по социально-профессиональному составу занятого населения) не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

Таблица 1

Рабочая сила в сельской местности в трудоспособном возрасте

Годы	Всего, тыс. чел.	Из них		Уровень участия в составе рабочей силы, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		занятые, тыс. чел.	безработные, тыс. чел.			
2009	17231	15230	2001	76,0	67,2	11,6
2014	16396	15048	1347	77,0	70,7	8,2
2017	16186	14825	1360	78,3	71,7	8,4
2018	15949	14712	1237	78,4	72,3	7,8
2019	15406	14283	1123	77,2	71,6	7,3

Источник: Росстат. Рабочая сила. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2EfrJGVJ/Rab_sila_2020.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

Прежде всего, обратимся к специфике проблем трудовых отношений и занятости в сельской местности. О работе без оформления трудового договора заявили 15,6% (2018) и 14,6% (2020), в два раза больше мужчин. Если эти данные объединить с данными о занятых, имеющих трудовые договоры менее одного года, то уязвимость трудового положения касается каждого четвёртого из десяти. Каждому девятому сельскому труженнику приходилось получать оплату за труд в конверте, однако 66% мужчин и 70,7% женщин никогда не получали «серый» заработок, в то же время с этим мирятся 11,3% мужчин и 6% женщин. Каждый четвертый получавший оплату таким образом считает, что его труд оплачивается несправедливо.

Подавляющее большинство – 73,9% среди населения в целом и 72,4% сельских жителей (70,7% мужчин и 72,7% женщин) – не меняли место работы за последние три года, 38% мужчин и 44% женщин считают, что их образование/квалификация соответствуют выполняемой работе, а почти четверть из опрошенных мужчин и 18,7% женщин заявляют о несоответствии (Прекариат-2020). С 2018 г. сокращается число удовлетворённых своей работой сельских жителей (с 77,8% до 55,9%). Безусловно, негативные выводы работников имеют экономическую подоплёку: позитивную оценку своего материального положения дали в 2018 г. 29,1%, в 2020 г. лишь 13,5% сельских жителей. Женщины чаще позитивно оценивают удовлетворённость своей работой (Прекариат-2018, Прекариат-2020).

В условиях пандемии COVID-19 существенно изменились многие показатели. В 2020 г. почти в три раза возросло количество сельских жителей, неудовлетворённых своей жизнью (22% против 7%), превысив долю 2014 г. [Сельская жизнь..., 2016]. В 2018 г. половина сельчан (50,8%) считали курс развития страны правильным, а в 2020 г. таких было в два раза меньше – 23,7%. Доля тех, кто считает курс страны неправильным, в 2018 г. составила на селе 16,1%, а в 2020 г. – 37,2%. Ситуация строгой изоляции в связи с пандемией, ухудшение материального положения, недовольство условиями и организацией работы ожидаемо породили у людей чувство страха перед будущим, ощущение того, что так жить больше нельзя.

Ограничительные меры 2020 г. повлияли и на ряд характеристик занятости: каждого одиннадцатого отправили в неоплачиваемый отпуск, каждый десятый перешёл на сокращённый график работы или оказался в ситуации сокращения штатов/увольнения, каждый седьмой перешёл на дистанционную работу, каждому пятому «урезали» зарплату, участились трудовые конфликты (табл. 2).

Что касается социальных гарантий, то они примерно одинаково оцениваются сельскими жителями и горожанами. Речь идет об оплате больничных листов (73,4% сельские жители и 76,4% горожане), отпуска (73,9% и 76,1% соответственно) и уходе за ребёнком (62,8% и 62,3%), работодатель идёт навстречу и даёт отгул в случае необходимости

Таблица 2

Отношение к событиям в связи с пандемией, Прекариат-2020, % по столбцу

События	Это произошло и/или происходит			Это может случиться в течение ближайшего времени			Думаю, что этого не случится в ближайшее время			Затрудняюсь ответить		
	Сельское население	Мужчины	Женщины	Сельское население	Мужчины	Женщины	Сельское население	Мужчины	Женщины	Сельское население	Мужчины	Женщины
Введение дистанционной формы работы	13,9	12,0	15,3	11,8	6,0	16,7	62,5	72,0	57,3	11,8	10,0	10,7
Переход на сокращенный рабочий день/неделю	10,1	10,7	8,7	30,9	25,3	35,3	49,7	56,7	46,7	9,4	7,3	9,3
Отправление в неплатимый отпуск	8,7	9,3	7,3	26	28,0	28,0	52,1	50,7	52,7	13,2	12,0	12,0
Уменьшение («резание») заработной платы	21,2	29,3	16,7	25,3	18,0	32,0	40,6	42,0	38,7	12,8	10,7	12,7
Трудовые конфликты	7,6	10,7	6,0	17,4	18,7	18,7	59,4	56,7	60,7	15,6	14,0	14,7
Увольнения, сокращение штатов	11,5	16,7	9,3	22,2	19,3	25,3	52,1	52,7	50,7	14,2	11,3	14,7
Закрытие организации, предприятия	5,2	5,3	5,3	10,1	12,0	11,3	70,8	69,3	71,3	13,9	13,3	12,0

(76,4% и 75,9%). Самый тревожный показатель – 54,3% сельских жителей и 50,3% населения в целом не рассчитывают на оплату во время вынужденной остановки работы.

Уязвимость положения в сфере занятости оказывает влияние на материальное благополучие, вклад в которое вносит прежде всего оплата труда. По данным исследования, 64,9% сельчан указывали заработную плату основным источником доходов, и в современной ситуации растёт зависимость материального благополучия сельских жителей именно от заработной платы [Смыслы..., 2016: 62]; 95% (2018 г.) и 95,8% (2020 г.) сельских жителей указали именно заработную плату в качестве основного источника дохода (Прекариат-2018, Прекариат-2020).

Среднемесячный заработок сельчан по среднему значению ниже, чем у населения в целом, и составлял 77% (22285,13 руб. против 28935,6 руб. в 2018 г.), а среднемесячный доход на каждого члена сельской семьи 74% (15219,79 руб. против 20521,4 руб.). Среднемесячный заработок мужчин несколько выше, чем у женщин: 23643,8 руб. и 22377,8 руб. соответственно (Прекариат-2020). Имеет значение оценка подворья как гаранта выживания при сокращении поступления ресурсов [Семейное хозяйство..., 2020: 4], ведь 51,8% сельских жителей обеспечивают себя дополнительно продуктами питания (дача, огород, подсобное хозяйство) против 25,8% населения в целом. «Запас прочности» ограничен и потому, что у сельского населения фактически нет сбережений, около половины (48,6%) не имеют кредитных обязательств, но около трети (32,3%) имеют потребительский кредит, 4,2% обременены ипотекой, у них отсутствует недвижимость, в том числе земля, или скот [Тощенко, 2018: 243].

Таким образом, данные исследований подтверждают продолжающееся влияние условий и факторов, которые превращают сельского труженика в прекария [Смыслы..., 2016: 15]. Свидетельством тому являются снижение качества трудовых ресурсов сельских

территорий в России, бедность, недоиспользование рабочей силы, снижение привлекательности сельского образа жизни. В период пандемии выявилась недостаточность «подушки безопасности» сельчан в связи со слабой социальной защищенностью, отсутствием финансовых накоплений, нестабильностью в трудовых отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко, М.: ЦСП и М, 2016.

Семейное хозяйство в жизненном пространстве современной деревни. Саратов: Саратовский источник, 2020.

Тощенко Ж.Т. Жизненный мир сельских жителей: векторы изменений // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. М.: Весь Мир, 2018. С. 269–302.

Статья поступила: 19.10.21. Финальная версия: 18.04.22. Принята к публикации: 30.06.22.

SOME CHARACTERISTICS OF EMPLOYMENT IN RURAL AREAS

MILOVANOVA M.Yu.

Russian State University for the Humanities, Russia

Marina Yu. MILOVANOVA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (m_milovanova@mail.ru).

Abstract. The results of a secondary analysis of representative All-Russian precarity studies (2018 and 2020) data characterizing employment conditions in rural areas are presented. Changes in material well-being, labor relations and social guarantees indicators in connection with restrictive measures in 2020 are discussed. Conclusions are drawn about the decline in the quality of labor resources in Russia's rural areas, underutilization and precarization of labor, as well as insufficient "safety cushion" for rural residents due to weak social security, lack of financial savings, instability in labor relations manifested during the pandemic.

Keywords: labor resources, employment, precarity, rural and remote areas, COVID-19 pandemic.

REFERENCES

Family household in the living space of a modern village. (2020) Saratov: Saratovskii istochnik. (In Russ.)

Tooshchenko J.T. (ed.) (2016) *Meanings of Rural Life (Experience of Sociological Analysis)*. Moscow: TsSP i M. (In Russ.)

Tooshchenko Zh.T. (2018) The life world of country people: vectors of changes. In: *Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians*. Moscow, Ves' Mir: 269–302. (In Russ.)

Received: 19.10.21. Final version: 18.04.22. Accepted: 30.06.22.

© 2022 г.

V КАЗАНСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Пятая международная конференция «Казанские социологические чтения» на тему «Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества» состоялась 20–21 мая 2022 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ). В рамках конференции работало пять секций, на которых выступили более трехсот ученых из разных городов России, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Йемена, Ирака, Афганистана и Турции.

На пленарном заседании конференции гостей приветствовали проректор КФУ, проф. **Д.К. Нургалиев** и директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, проф. **М.Д. Щелкунов**. Проф. **Р.Г. Минзарилов** (КФУ, Казань) в своем выступлении остановился на ключевых этапах развития социологического образования и социологической науки в Республике Татарстан, отметив, что социология в республике прошла непростой путь развития, от первых полевых исследований о состоянии религиозного сознания и поведения населения, трудовой активности рабочего класса к масштабным проектам различной тематической направленности, в том числе междисциплинарным. В результате, наряду с существованием в стране социологических школ, сложившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Тюмени, Перми, Уфе, Самаре, можно говорить о функционировании подобной научной школы в Казани.

Проф. **В.А. Мансуров** (РОС, Москва) отметил, что традиция проведения «Казанских социологических чтений» трансформируется. Формат диалога профессионального сообщества перерастает в формат взаимодействия экспертов с аспирантами и студентами, что является, по мнению докладчика, положительной тенденцией. Оценивая современное состояние российского общества и российской социологической науки, В.А. Мансуров выразил мнение, что «в последние два года мы переживаем тяжелые времена, сначала COVID-19, а теперь то, что называется технологией исключения». В таких условиях актуализируется роль социологической науки, обеспечивающей общество информацией о существующих тенденциях и процессах его развития.

Выступления на пленарном заседании продолжил проф. **А.Н. Ершов** (КФУ, Казань), остановившийся на истории проведения Казанских социологических чтений. Участников конференции приветствовали также президент Евразийской ассоциации социологов, проф. **Г.Т. Галиев** (Уфа), проф. **Н.Л. Антонова** (УрФУ, Екатеринбург), **А.Р. Жусубалиев** (КНУ им. Ж. Баласагына, Бишкек).

После завершения пленарного заседания работа Чтений продолжилась в рамках секций, где состоялось обсуждение актуальных направлений социологических исследований. Модерирование секциями осуществляли: **Е.Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ, СПб.), **М.Ю. Ефлова**, **Ж.В. Савельева**, **Ю.Р. Хайруллина**, **Л.Г. Егорова**, **О.А. Максимова**, **Р.Р. Гарипова**, **Л.Р. Низамова**, **А.Н. Нурутдинова**, **А.Р. Гарифзянова**, **Л.М. Фахретдинова** (все – КФУ, Казань).

В ходе работы секции «Гендер, тело, здоровье: проблемы воспроизводства социального порядка и неравенства в современных условиях» рассматривались актуальные вопросы о роли семьи и гендерного неравенства, новых моделей нормативной телесности и здоровья, в том числе психического здоровья. Докладчики отметили необходимость интенсификации публичной (научной, медийной и общественной) риторики по вопросам обеспечения равных прав и возможностей и достойного качества жизни для всех вне зависимости от особенностей тела, здоровья, нейроразвития и гендера, а также

проведения критической рефлексии о проблемах воспроизводства неравенства в сфере социального порядка. Важно развивать и поддерживать медийную информационную среду в контексте разрушения мифов, стереотипов, повышения информированности в отношении здоровьесберегающих практик.

Работу секции «Жизненное пространство современной российской молодежи: вызовы, проблемы, возможности» открыла **Е.Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ, СПб.), выделившая основные тренды в молодежных исследованиях в России. В заслушанных докладах поднималась различная тематика, связанная с молодежью: от патриотических установок учащейся молодежи, эффективности управления социальным участием молодежи до влияния государства на молодежное предпринимательство и молодежные активности. Особый интерес аудитории вызвали выступления **Ж.В. Пузановой** и **Т.И. Лариной** (РУДН, Москва) про роль СМИ в системе взглядов студенчества Москвы; отклик получил и совместный доклад **М.В. Певной** и **Е.А. Шуклиной** (УрФУ, Екатеринбург) об эффективности управления социальным участием молодежи с точки зрения экспертов. Представленные в работе секции студенческие исследовательские проекты затрагивали интересные малоизученные темы. Например, особенности региональной молодежи в креативных индустриях; трансформация сообщества скейтбордистов во взаимодействии с пространством города и др.

На заседании секции «Социальная структура, культура, медиа в контексте глокализации» поднималась разнообразная тематика с широким географическим охватом исследований: социальная структура кыргызского общества, репрезентация культурного наследия эвенков в социальных сетях; патриотическое воспитание российской молодежи в условиях цифровизации; роль социальных медиа в формировании мировоззрения студенчества; конструирование экологической проблематики в СМИ России и Казахстана; проблемы жилищной сферы в оценках россиян; город как пространство культуры; отношение россиян к эзотерическим практикам и их представленность в социальных сетях и др.

Содержательно дискуссии касались вопросов трансформации ценностей различных социальных групп российского общества; изменений социальной структуры общества в связи с процессами глобализации и глокализации; возможностей и практик представления разнообразных социальных проблем в новых медиа. Анализировались коммуникационные особенности новых медиа (многомерность каналов взаимодействия, изменчивость, интерактивность, мультимедийность) и сложности, которые они порождают, в том числе связанные с размыванием ценностных установок, этических и социальных норм, а также с ролью социальных медиа в формировании общественного мнения. В докладах раскрывались вызовы современности (мобильность, удаленная работа, новые модели потребления, цифровые трансформации, новые критерии оценки потребителем комфортности жилья и др.) и ответы на эти вызовы, которые продуцирует современное городское пространство, а также конфликты, связанные с ситуациями оспаривания городского пространства различными социальными группами.

Секция «Человеческий потенциал, социальный капитал, образование и профессиональные траектории в поздней современности» раскрыла проблемы формирования человеческого капитала на федеральном и региональном уровнях, особенности функционирования различных уровней отечественного образования, противоречия и проблемы его цифровизации, образовательные и профессиональные траектории поведения молодежи в России и странах ближнего зарубежья; человеческий потенциал и индивидуальный интеллект в вопросах социального управления; пенсионный капитал работников в контексте рисков формирования и реализации в условиях глобальных вызовов и др.

Актуальным этноконфессиональным проблемам современного общества была посвящена работа секции «Этничность и религия в социологическом измерении: хроники повседневности и изменения социальных практик». Так, **Е.М. Арутюнова** (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подняла проблему социального исключения мигрантов в российском обществе и значение языковой интеграции приезжих в региональном сообществе для преодоления мигрантофобии (на примере Республики Саха (Якутия)). **Л.В. Сагитова** (АН РТ, Казань)

обозначила идеи актуализации и трансформации исламской идентичности в Татарстане под влиянием глобализации. **А.Р. Жусубалиев** (КНУ им. Ж. Баласагына, Бишкек) представил результаты опроса, посвященного изучению патриотических настроений и этнической идентичности молодежи Кыргызстана.

Высокий научный уровень докладов и разнообразие представленной тематики позволили принять решение о проведении Казанских социологических чтений ежегодно.

М.Ю. ЕФЛОВА, О.А. МАКСИМОВА

ЕФЛОВА Мария Юрьевна, д. социол. н., зам. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (mmmmm16@yandex.ru); МАКСИМОВА Ольга Александровна, к. социол. н., доц. (olga_max@list.ru). Обе – Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250020847-4

V KAZAN SOCIOLOGICAL READINGS

Maria Yu. EFLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications (mmmmm16@yandex.ru); Olga A. MAXIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (olga_max@list.ru). Both – Kazan Federal University, Kazan, Russia.

© 2022 г.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ

Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» прошла 23–25 июня 2022 г. на базе ИДИ ФНИСЦ РАН при поддержке Россоотрудничества и Евразийского аналитического консорциума (ЕАК). Для участия в школе было подано свыше 100 заявок молодых исследователей из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана.

Открывая работу школы, чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН) рассказал об идее ее создания и важности реализации для приобщения молодежи к науке. С приветственными словами к молодым исследователям также обратились: **Д.М. Поликанов** (Россоотрудничество) и **Н.Н. Бордюжа** (Координационный совет ЕАК), а также проф. **Г.И. Осадчая** и **Е.Ю. Киреев** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН).

Формат школы предполагал возможность презентации и обсуждения начинающими и молодыми учеными результатов самостоятельных исследований, позволяющих участникам лучше узнать общества других стран, их особенности и проблемы, как их видят новые поколения исследователей. В первый день работы школы будущие специалисты представили свои доклады по семи направлениям – демографическая политика и миграция; евразийская интеграция и политико-юридические аспекты; экономика, социально-трудовая сфера и медицина; наука, образование и образовательная миграция; семья и гендер; молодежь и молодежные проблемы; цифровое пространство и виртуальные идентичности.

Особый интерес и живое обсуждение вызвали доклады: **М.А. Мамырканова** (МУК, Кыргызстан) «Внешняя трудовая миграция Кыргызстана в Российскую Федерацию», **Н. Кочаряна** (ИСФП НАН РА, Армения) «Миграция армянской молодежи», **Т.А. Резвушкиной** (Карагандинс. ун-т им. Е.А. Букетова, Казахстан) «Рождаемость в современном Казахстане: влияние региона и этничности», **В.В. Дмитриевой** (КРСУ им. Б.Н. Ельцина, Кыргызстан) «Концепция многополярного мира как теоретическая основа построения Большого

евразийского партнерства», **Н.В. Дирксена** (СПбГУ, Россия) «Мотивы принятия решения о пластической хирургии на примере пациенток российской клиники пластической хирургии»; **А.Д. Апацкой** (БГУ, Беларусь) «Студенческая мобильность как фактор молодёжного сотрудничества в рамках стран-участниц ЕАЭС»; **А. Ибраевой** (КТУ «Манас», Кыргызстан) «Студенческая миграция в контексте аккультурации и форм капитала на примере кыргызстанских студентов в Турции».

Во второй день работы школы прошла серия мастер-классов и лекций ведущих российских ученых, направленных на знакомство с исследовательскими проблемами, представляющими интерес для научного сообщества сегодня, методами и методиками, применяемыми при проведении исследований, а также методологическими и методическими трудностями, с которыми приходится сталкиваться ученым, и их преодолению. Так, чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН) представил доклад на тему «Демографические и миграционные процессы в Евразии: тренды и подходы к исследованию». Чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (ИС ФНИСЦ РАН, РГУ) прочитал лекцию «Прекариат – новое явление в социально-экономической сфере общества». Проф. **Г.И. Осадчая** (ИДИ ФНИСЦ РАН) выступила с темой «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: модели социологического измерения». Лекцию «Теория, методология и методика социологического измерения миграции в Евразии» провела проф. **Т.Н. Юдина** (РГСУ).

Также в рамках школы были проведены мастер-классы, подготовленные молодыми представителями академической науки России, в которых освещались результаты исследований молодежи из стран ЕАЭС в различных контекстах: миграционном, адаптационном, образовательном, цифровом и мемориальном. **Е.Ю. Киреев** и **М.В. Рославцева** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН) познакомили участников школы с исследованиями Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС в рамках доклада «Молодежь из стран ЕАЭС в России: опыт социологических исследований межпоколенческих различий, социальной памяти, особенностей адаптации и образа жизни». **Е.Е. Киселева** и **А.А. Черникова** (оба – ИДИ ФНИСЦ РАН) представили материалы об особенностях социологического анализа процессов евразийской интеграции и социологическом измерении образовательной миграции в ЕАЭС.

Работа школы позволила участникам приобрести новые умения и навыки проведения самостоятельных исследований, обменяться мнением с опытными коллегами-социологами, расширить горизонты научного поиска. В завершение работы школы сертификатами были отмечены лучшие выступления и наиболее активные ее участники. Организаторы выразили надежду, что Международная летняя школа ИДИ ФНИСЦ РАН станет хорошей традицией и приобретет ежегодный формат.

Г.И. ОСАДЧАЯ, Е.Ю. КИРЕЕВ

ОСАДЧАЯ Галина Ивановна, д. социол. н., проф. (osadchaya111@gmail.com); КИРЕЕВ Егор Юрьевич, к. социол. н., вед. науч. сотр. (yegorkireev@gmail.com). Оба – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250021080-1

EURASIAN SOCIETIES IN THE FOCUS OF YOUNG SOCIOLOGISTS

Galina I. OSADCHAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (osadchaya111@gmail.com); Egor Yu. KIREEV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (yegorkireev@gmail.com). Both – Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ЛЮДИ. ОБЩЕСТВО. СОЦИОЛОГИЯ (о книге И.В. Катерного)

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. Анализируя книгу И.В. Катерного «Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы»¹, автор показывает связь поднятых в ней вопросов с проблемами социологической теории последних десятилетий. Анализ дискурсообразующих содержание книги проблем подводит к выводу о взаимодействиях вызовов, поисков и кризиса для сообщества социологов как продолжающемуся процессу, корнями уходящему в меняющуюся социальную реальность и в соответствующее социологическое теоретизирование. Автор монографии решающей причиной фундаментальных для социальной реальности перемен считает элементы грядущей цифровой эры и роботизации. Неизбежен конец эпохи *Homo Sapiens*; ряд социальных перемен – например, в окружающей среде – приняли очертания, грозящие существованию человека и требующие безотлагательных действий сообщества людей на планете. «Люди, думайте вперед», – говорит эта книга.

Ключевые слова: постгуманизм • дискурс • вызовы социологии • социологическая теория • культура вынесения за скобки • фронезис • девелопментальный гуманизм

DOI: 10.31857/S013216250021063-2

Рецензируемая книга по тематике относится к социологическим исследованиям дискурса, практикуемым в социологии с семидесятых годов прошлого столетия. Она представляется значимой для понимания и обсуждения фундаментальных проблем российской теоретической социологии. Естественна озабоченность – исходная точка автора – ситуацией в социальных науках страны, их отставанием с проникновением в сущность происходящих в мире и нашем обществе процессов. В книге Катерного (и защищенной в мае т.г. в МГИМО-университете докторской диссертации) научной общественности предъявлен анализ дискурса постгуманизма – дискурса в среде ученых многих специализаций, выступавших по данной проблематике, прежде всего социологов, социальных философов и тех, кого на Западе в последние десятилетия маркируют как *social scientists*. К сути «посттеоретизирования» нового в социальной реальности мы вернемся ниже, сейчас же отметим, что выбор Катерным анализа именно дискурса оказался оправданным. Изучен корпус социально-научных и социологических текстов по проблемам, объединенным понятием «постгуманизм». Объем выбранных текстов, анализ активных дебатов – в первую очередь на Западе – помогает, в частности, понимать грани надуманного мира, в котором живет там часть политиков и пропагандистов. Не обойдены вниманием выступления по теме исследования отечественных ученых и общественных деятелей последних пятидесяти лет.

¹ Катерный И.В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021. 352 с. Ссылки на рецензируемую книгу приводятся далее в круглых скобках.

Обозначим сразу: анализируется не гуманизм из курса истории средних веков, а смена представлений об обществе и человеке в нем, о человеке как таковом в социологии. В дискурсе постгуманизма последних десятилетий поднимались вопросы человека, общества и наук об обществе и человеке; за этим угадываются пока неопределенные очертания теоретического прочтения новой, создаваемой самим человеком реальности, в которой предстоит жить. Постгуманизм – часть фундаментальных перемен, которые интересуют социологию. Тема книги – не периферия современной социологии, а сердцевина ее самой и её теории. Постгуманизация актуализирует постановку вопросов как о природе человеческого в человеческом, так и о человеческом в социальном, пишет И.В. Катерный (с. 38).

Триста с лишком страниц текста читаются трудно: приходится обращаться к словарям, справочникам, энциклопедиям (хотя автор тщательно поясняет терминологический аппарат), разбираясь с агентивами, апоптозом, лимбами, гилозоизмами, лиминальностью, палимпсестами, юбикомпами и пр. насыщенность текста книги специальными терминами оправдано; она отражает нарождающуюся или нарочито конструируемую участниками анализируемого Катерным дискурса реальность и вводимые при этом ее обозначения (симулякры).

Краткое содержание книги таково. Первая глава с оправданной тревогой описывает угрозы и вызовы, брошенные человеку и человеческому обществу (на планете Земля) тем, что представляет собой «постгуманизм». Следующая глава показывает комплекс социальных проблем, требующих в современных условиях новых подходов (прочтений) к, казалось бы, устоявшимся основам социальной реальности и ее оценкам социологами. Третья глава подробно знакомит с обстоятельствами возникновения, развертывания и этапами дискурса «постгуманизма». Заключает книгу глава об экологической этике постгуманизма, подводящая к итоговым выводам. Об «упущениях» при таком построении книги скажу ниже. Нацеленность книги лучше всего отражается понятием «вызовы», акцентирующим тональность исследования проблемы. Три основных вызова – это вызовы человеку, обществу и самой социологии.

Вызовы человеку призывают ученых уже сейчас искать подходы к решениям комплекса жизненно важных для человечества проблем. Глубину и фундаментальность начавшихся перемен характеризуют, в частности, мысли участников дискурса (отмечаемые Катерным) о том, что онтология человеческого делается онтологией постчеловеческой, а исторической эре *Homo Sapiens* приходит конец.

Движителями перемен в социальной реальности и социальном теоретизировании Катерный видит, в частности, дигитализацию и робототехнику – факторы становления постчеловеческой онтологии (с. 99–105). Перечислим некоторые грани показанного в рецензируемой книге дискурса этих проблем. Робототехника, создавая смешанную реальность (начиная с *non-human actors* Б. Латура), ставит вопрос о сути сосуществования в едином обществе людей с андроидами и т.п. примерно так: человек с цифрой или цифра с человеком определяют пути человечества. В состоянии фундаментальных подвижек находятся формы, нормы общества и представления о нем, сама его структура от исходных ячеек до макрообразований, ролевые функции (к примеру, людей, мужчин и женщин, технических объектов) и т.д. Попутно отмечу практическое отсутствие в рассматриваемой книге «сетевой» тематики.

С телом человека происходит прежде невообразимое (см. раздел «Висцеральная трансформальность: личность и тело как поле реализации морфологической свободы», с. 83–99). 14 млрд «умных объектов» действуют рядом с людьми; незамечаемые пока «простым человеком» цифровые объекты (роботы) становятся цифровыми субъектами. Гуманоиды «прописались» в кинематографии, на телевидении, в медиа. Подвижки в социальной реальности затронули ядро понимания людей как мужчин и женщин, их жизни и смерти, мобильностей, социальной стратификации, форм нормы и норм формы – смена пола, тела, внешности и личности, вплоть до «коммуникаций» с миром мертвых (с. 100). Широко обсуждается чипизация и сопровождающая её массовая манипуляция людьми.

Приоритет и, я бы сказал, суверенитет человека оказались под ударом «цифры» в обличье больших данных. Цифровая грань постгуманизации проявляется в том, что

общество и окружающий мир перестают концептуализироваться как система «материальных» событий и процессов, становясь прогнозируемым и программируемым посредством алгоритмов. Постгуманизация (в определенном смысле это и дегуманизация) сводит познание мира и принятие решений к программному построению корреляционных моделей в ущерб традиционным каузальным (с. 33). Образцы поведения и мышления отдельного человека, социальных масс преобразуются в совокупность их цифровых меток, взаимодействий и связей с контентом в Интернете. Правомерен вопрос: не спрятаны ли за часто используемыми возвратными глаголами – «концептуализируются», «становятся», «сводятся» и т.п. – конкретные (неизвестные «массе» людей) лица, планирующие и реализующие установки, реализующие свои задачи, планы и т.п.? Кибервласть, основанная на сборе данных, делает общество и жизнь людей доступными невидимому институциональному мониторингу, надзору и контролю. Остается имплантировать людям наушники плюс подобие смартфона – и все всегда будут «на связи».

Революционный характер соединения реальности с реальностями дополненной и виртуальной разворачивается посредством больших данных, идущих на смену данным аналоговой эпохи. Тотальная² датификация переводит явления и процессы в количественную форму выражения. Массовым сознанием пока этот факт не осознан. Между тем 10 лайков позволяют машине узнать каждого пользователя компьютера на уровне коллеги, 70 лайков – на уровне приятеля, 150 лайков – как члена семьи, 300 лайков – как близкого партнера. Персональный компьютер знает хозяина лучше, чем сам хозяин знает себя. Исследования больших данных позволяют знать внутренний мир людей лучше, чем они сами знают себя (с. 34). Это и есть качественно новая ступень истории человечества нашей планеты.

Вызовы обществу. Метаморфоза привычного всем социального мира говорит не об его уничтожении, а о разрушении определенной точки зрения на этот мир (У. Бек). Книга о постгуманизме показала смену современных концепций общества, приближающую реальность к тому, что недавно считалось научной фантастикой. Видимо, человечеству пора предметно думать о вещах, которые означают пришествие общества, названное советским литератором Д. Граниным «неизбежностью странного мира»; применима к происходящему и формула «этот безумный, безумный мир».

Анализ дискурса постгуманизма показывает, что нас ждет смена институтов, ценностей и норм социальных практик. «Общество 5.0» будет «супер-умным», основанным на интеграции физического и киберпространства, роботизации и искусственного интеллекта. Перемены в стратификации, дифференциации, статусных позициях, поляризации, репродуктивном поведении, миграциях и т.д. изменят границы между Я и средой, индивидом и обществом, индивидом и природой, между системой и окружением, субъектом и субстанцией сущего. Приручение, дрессировка («социализация») роботов, развитие их эмоциональных, когнитивных, моральных и биологических способностей, легализация их правового статуса – часть этих перемен.

Обостряется вопрос о новом нормативном морфотаксисе (с. 49): «что такое хорошо и что такое плохо». Регулировать ли смену пола, платить ли за эвтаназию и сколько, совместимы ли убийства людей с гуманным отношением к животным, и т.д. Уже становятся прикладными проблемы обновления социальных движений, конкретных институтов, практик. Массовой, всеобщей автору книги видится «лиминальность» (с. 127–153) – одна из терминологических новаций, отражающая неопределенность, подвижность всего сущего, размытость и нечеткость границ, переходность всех состояний. Убедительно аргументирован вывод, что постгуманизм трансформирует поле интересубъективности (в феноменологическом смысле) и поле признания (в нормативном смысле), которые составляют структуру социальности. Смешанная – уточняет Катерный – пока социальная реальность находится на начальном этапе становления; но парадоксов хватает. В сумме это и есть

² Алгоритмы могут стать тоталитарными в такой степени, которой не знает история. Их, как атом, можно использовать (это проделывают в массовом порядке) не только «в мирных целях».

развернувшееся в последние годы становление новой социальной реальности, социальной – технологического, биологического, социального порядка. Перемены кажутся неудержимыми, темп их нарастает.

Вызовы для социологии фундаментальны. Что содержательно означает такой этап развития нашей науки? Антропоцентризм перестает быть центральным понятием новой социальности; сложившаяся социология становится «пост». Подвижки в обществе отражаются в базовых понятиях и практиках теоретической социологии; она не может изучать разные социальности, ибо метапонятие «социальность» определяет и название нашей науки, и единство ее предмета, вообще – критерии научности. В каком же положении находится современная теоретическая социология – через призму анализа дискурса «постгуманизма»?

Постгуманизм лишь название, ярлык; факты говорят о сути перемен в науке о социальном. «Плоская онтология», как стирание онтологических границ между человеческим и нечеловеческим мирами с точки зрения вовлеченности в социальные процессы (с. 27–31), ставит вопрос: где корни социологии? Далеко не в координатах только модерна (нового времени, – мнение, довольно широко распространенное в среде социологов). Тогда понятнее, почему в ходе развития современной теоретической мысли в социологии всплывают монады Лейбница и уходящий корнями в античность номенализм, «поворот» к исторической социологии в конце прошлого века, ее мультипарадигмальность и т.д. Всё это – части эволюции науки о социальном.

Явление в общем ходе истории социологии серии «постконцептов» дают стимул осмыслению «постфеноменов» в социологическом макротезировании. Социология, можно заключить, пользуясь показанными Катерным феноменами развития современного общества, находится в состоянии лиминальности – переходности, неустойчивости, поиска. Этот факт содержательно связан (смысловой/временной/пространственной связью) с феноменом «поворотов» в социальных науках: исторический, культурный, пространственный («спациальный»), иконный, лингвистический, онтологический, типологический и др. Метафора поворотов, постфеномены в социологическом тезировании последних десятилетий – на фоне становления новой социальной реальности (социальности) – это есть «кризис»³ старого и одновременно поиск нового. Больше поиск, нежели кризис. Феномен множества «пост» в теоретической социологии продолжает полосу возникновения в ней «поворотов».

Книга Катерного – часть поиска в социологической теории, разработки ключевых для современного поколения социологов, в том числе российских социологов-теоретиков, проблем теории, состояния и тенденций социологической науки. В конце прошлого века коллектив ИС РАН под руководством Ю.Н. Давыдова создал пятитомник «История теоретической социологии», завершив анализ современных социологических теорий сюжетом постмодернизма в социологии. Одновременно В.Г. Федотова создала труд о «хорошем обществе», на который опирается в своей работе И.В. Катерный. Тогда же осмысление технологических и экологических изменений, инвайронментальный подход позволили Т.М. Дридзе предложить оригинальную, трансформированную версию предмета социологии: «Основным предметом новой социологии – науки о способах самоорганизации и воспроизводства вещества и форм социальности – должен стать человеко-средовой метаболизм (то есть обмен веществом, энергией и информацией между человеком и его жизненной средой)» (с. 242) (см.: [Дридзе, 2001: 19]).

Книга о дискурсе постгуманизма продолжает поиски отечественных социологов, возвращает в нашу социологию проблематику будущего (несколько притихшую со смертью И.В. Бестужева-Лады). Да, макрофрейм опыта истории советского общества, 70 лет попыток реализовать утопию (коммунизма), видимо, приучили осторожно обращаться с подобным материалом. Но эта грань ментальности общества и части сообщества социологов,

³ Тема «кризиса» постоянно «всплывает» в разделах пятитомника Ю.Н. Давыдова – о нем несколькими строками ниже.

надо думать, преходящая. Будущее всегда с человеком, как и прошлое. Проблема в том, чтобы этот фундаментальный (для общества и науки о нём) факт сознавать, не допуская ситуации «пока гром не грянет»...

В культуре России есть традиция не только вечных вопросов, но и предвидения грядущего, в том числе и в социальной, социологической мысли: Ленин (отдельно от последователей – в массе своей номинальных), по его же метафоре, то же зеркало русской революции и современных ей исканий, что и видные российские мыслители, смотревшие далеко вперед: Толстой, Кропоткин, Бакунин, Сорокин⁴.

«Конструктивизм» будущего в современной отечественной социологии, может быть, один из путей к возрождению массового интереса к нашей науке. Иначе на вакантное место придут иные дисциплины, или – с возможными катастрофическими последствиями – внеученные античеловеческие доктрины (новое издание нацизма), – возможность, о которой на коллективном Западе похоже забывают. В этом плане книга предлагает обобщенные и дополненные Катерным идеи, звучавшие в проанализированном дискурсе проблем человека. Книгу завершает проект (12 характеристик) «хорошего постгуманизированного общества» (с. 318–320). К выводам автора мы вернемся, сейчас же о том, что не нашло по разным причинам адекватного отражения в книге.

В плане советов к воображаемому продолжению темы книги начну с её названия. Постгуманизм, не человек, он в заголовке на втором месте, сузил потенциальную аудиторию читателей. Не постгуманизм – главное в обсуждаемой книге, а человек в «постчеловеческом состоянии» общества. Проблемы людей, человечности и человечества обозначены как новая социальность, социальная реальность и т.д. Согласитесь, для «широкой публики» проблемы человека намного ближе проблем гуманизма. Это одно упущение автора.

С сожалением приходится констатировать и то, что дискурс постгуманизма в книге западоцентричен. Лишь затронута возможность иных культурно-цивилизационных подходов к проблемам человека, общества и того, что обозначает слово гуманизм. Только угадываются контуры возможной реакции обобщенного Востока и Юга (Индия, Китай, страны мусульманского мира, Латинская Америка, Африка и т.д.)⁵ на дискурс и практики постгуманизма. «Сдвиг на Восток» между тем продолжается (см.: [Терборн, 2022]). Тем более, что коллективный Запад, признавая (книга Катерного как раз о факте такого признания) наличие сложных проблем у человечества, не справляется с поиском решений проблем «не-навязывания» другим своих – объективно, эпистемологически ограниченных – представлений о правах человека и справедливом для него обществе.

Констатирую еще два упущения. (1) Автор, излагая проблемы, не разворачивает их в историческом времени, что сделало бы логику дискурса постгуманизма более доступной читателю. (2) Не заметно стремления отмежевать социологию от «социальной науки», что вынуждает читателя самому выстраивать связи междисциплинарного дискурса постгуманизма с эволюцией социологической науки и ее теоретической составляющей.

Итожит книгу Катерного обоснование авторской программы действий – «девелопментальный» гуманистический проект общественных отношений (с. 318). Смысл его в выработке, конструировании прикладных, повседневных, культурных подвижек в человеческих практиках, не рвущих преемственности с гуманизмом, каким его знает история человечества. Речь идет о сфере экологии как отвечающей установкам современного дискурса постгуманизма. Проблемы экологии – человечество их осознало – не терпят отлагательств; отсчет времени идет, и лимит его не бесконечен. Договариваться нужно, пока для этого еще есть время. Катерный, проработав на уровне практически политическом возможность такого рода действий, находит опору в античной идее фронеизиса – практическая рациональность зрелого обыденного сознания (с. 294).

⁴ В книге (примечание, с. 177–178) приведен факт употребления впервые в истории термина «post-Human» в конце XIX в. Е.П. Блаватской.

⁵ Речь идет о «южной» и постколониальной социологии.

Намечены и прикладные решения. Это идея «Cancel culture» – культуры вынесения за скобки (подобно запрету использовать химическое оружие) действий, неприемлемых для человечества. От лица человечества может выступить Организация Объединенных Наций. Упоминание на с. 12 книги конференции 1945 г., создавшей ООН, несет в себе глубокий смысл. Заслуга автора рассмотренной книги в том, что он показал проблематику современной концептуализации человека, общества и науки, сформулировал релевантные, уместные вопросы по данной проблематике, чтобы как можно больше людей поняли, осознали, что речь идет о вещах, затрагивающих жизнь на планете Земля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Катерный И.В.* Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М.: ЛЕНАНД, 2021. [Katerniy I.V. (2021) Posthumanism. Humans in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas. Moscow: LENAND. (In Russ.)]
- Дридзе Т.М.* Станет ли социология «наукой наук об обществе»? // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 19–20. [Dridze T.M. (2001) Will sociology become the “science of the sciences of society”? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 19–20. (In Russ.)]
- Терборн Й.* Знание и власть: социальная наука и социальный мир (пер. Н.В. Романовский) // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 15–20. [Therborn G. (2022) Knowledge and power: social science and the social world. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 15–20. (In Russ.)] DOI: 10.31857/s013216250019603-6.

HUMANS. SOCIETY. SOCIOLOGY (reflecting on a monograph by I.V. Katerny)

ROMANOVSKIY N.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Deputy Chief Editor, Journal “Sotsiologicheskie issledovaniya” (Sociological Studies), Moscow, Russia (socis@isras.ru).

Abstract. Reviewing the monograph *Posthumanism. Humans in the era of new sociality: metamorphoses, narratives, dilemmas* (Moscow, 2021) by Ilya V. Katerny author of the review emphasizes interconnectedness with the issues besetting sociological theory evolution for decades. Analysis of the respective discourse contents reveals current search, or, in G. Steinmetz’s terms – crisis in the academic community of sociologists, as an ongoing process rooted in changing social reality and in ensuing sociological theorizing. Vague – so far – contours of emerging sociality (social realities) keep giving rise to numerous challenges for scholars to ponder about, to conceptualize and construct relevant social and sociological theories. The monograph under review states that decisive changes stem from digitalization and robotics making an end of *homo sapiens* era imminent. Some of the social *nova* – such as those discussed in environmental sphere – assume qualities threatening humankind’s existence and require urgent actions of global human community.

Keywords: posthumanism, discourse, challenges for sociology, sociological theory, cancel culture, phronesis, developmental humanism.

Книжное обозрение

© 2022 г.

Лапин Н.И. СЛОЖНОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РОССИИ. АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД. М.: Весь Мир, 2021.

Памяти Н.И. Лапина

В декабре 2021 г. ушел из жизни известный российский социальный философ и социолог, многолетний руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, чл.-корр. РАН Николай Иванович Лапин. Ушел как настоящий ученый – успев издать книгу о российской модернизации, которая, на наш взгляд, является одной из лучших на эту тему в последние годы. Книга чрезвычайно актуальна: на большом историческом материале обсуждаются трудности модернизации нашей страны. Опираясь на разработанный им антропосоциокультурный подход, он показывает, какими путями шла модернизация исторической России, с какими проблемами сталкивалась, что в ней было специфического и, наконец, как процессы социальных трансформаций происходят в современной (постсоветской) России.

Согласно Лапину, своеобразие российской истории заключается в противоречии между собирающей землей, народы и культуры культурой России и вседозволенностью, произволом ее властных элит (с. 15–21). При этом первая часть этого уравнения видится безусловно позитивной (так создавалась российская цивилизация), а вторая часть – несомненно, отрицательный факт нашей истории, который должен быть, по мнению Лапина, преодолен в исторической перспективе. Как получилось, что цивилизационный, гуманистический вектор развития совпал с выстраиванием другого – деспотического, паразитарного, характеризующегося «властной вседозволенностью» правящих элит? На этот вопрос Лапин отвечает в соответствии с российской исторической традицией.

Первый раздел книги скорее методологического характера, где повествуется о сложности анализируемого социума. Рассуждая о перестройке, Лапин показывает, что за внешне простыми и понятными процессами (как они представлялись советскому руководству) стояли сложные явления, и ответом на кризис тоже должны были стать сложные, неоднозначные решения (например, разделение КПСС на две партии – консервативную и социал-демократическую). Идея Лапина, что *реформы нужно проводить постепенно, выстраивая их шаг за шагом*, а не пытаться одним махом решить накопившиеся проблемы («реформировать по всем азимутам», как говорил Горбачев), представляется верной.

При оценке современного состояния российского общества Лапин солидаризируется с позицией ученых Института социологии РАН¹, которые пишут, что Россия представляет собой *принципиально новое общество*, несводимое к советскому и к досоветскому его вариантам. Разумеется, российское общество – новое, но в нем сегодня немало такого, что характеризует не самые лучшие – *застойные* традиции советского периода (прежде всего, имитация развития², а некоторые авторы полагают, что современная Россия прямо вернулась к досоветским временам (к временам до Февральской революции 1917 г.)³).

¹ Российское общество и вызовы времени. В 5-ти т. / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015–2016. Далее по тексту ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках.

² См., например: Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012.

³ Явлинский Г.А. Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М.: Медиум, 2007.

Последнее выражается прежде всего, в возрождении феномена власти-собственности, характерного на протяжении многих столетий для исторической России.

Отметим методологические новации Николая Ивановича. Это, прежде всего, разработанный им вместе с коллегами по ЦИСИ ИФРАН антропосоциокультурный подход, при помощи которого Лапин пытался совместить объективный анализ российского социума и его смысловую (культурную) составляющую. Лапин подчеркивает, что социологические данные, приводимые им, верны, однако сами по себе мало что говорят о том, как живет российское общество и российские люди. Именно для этого и требуется *антропосоциокультурный* подход, который бы учитывал, помимо социального, антропную (человеческую) и культурную составляющие, поэтому подробно рассматриваются такие понятия, как *человек, сообщество, общество, цивилизация и культура*. Лапин также выделяет различные типы *гражданской культуры*, которые использует при анализе исторического опыта России (с. 30–35). Его идеал – это собирающая народы гражданская культура при одновременной ее инновационности и направленности на создание хорошей жизни для самых широких слоев российского общества.

Основная гипотеза исследования Лапина – российская история на всем ее протяжении характеризовалась антропосоциокультурными подъемами и травмами. Например, расцвет древнерусского государства был подъемом, а монгольское завоевание – травмой (после чего наступил новый подъем). При этом интересно, что травмы сначала причинялись русским экзогенно, а после травмировали собственное население уже сами российские правители (например, посредством узаконивания крепостного права). Таким образом, получается своего рода исторический пульсар: подъем – травма – подъем – травма. Именно эта идея в центре размышлений Лапина о российской истории.

Используя созданную им концепцию исторического пульсара, автор рассматривает российскую историю со времен Киевской Руси. Он показывает, что это время можно считать своего рода «золотым веком» российской государственности – прежде всего потому, что культура населения и культура правящих слоев были тесно связаны, органичны, соответствовали друг другу (чего не было на протяжении всей последующей истории Российского государства). Можно сказать, что социум древней Киевской Руси был вполне *традиционным и европейским*, а нормы, господствовавшие в нем, соответствовали общеевропейской «этике служения»⁴. Но нашествие монголов в середине XII в. изменило древнерусскую государственность. Именно с их практиками властвования связывает автор книги кардинальные перемены в политической культуре Русского государства⁵. Лапин говорит не только об укоренении нового типа властных отношений, но и о «великом оцепенении» населения в это время, что было связано с различными природно-климатическими катаклизмами, болезнями и войнами. «Это состояние *фаталистской покорности судьбе* можно считать *фоновой предпосылкой вседозволенности властных элит – внешних и внутренних*» (с. 131).

Но русские все же смогли преодолеть травму, нанесенную их государству и обществу. Однако преодоление травмы и новый социокультурный подъем, согласно концепции Лапина, уже через несколько веков сменились новыми травмами, прежде всего становлением *крепостного права* в XVI в. (при Иване III) и установлением на Руси *самодержавного государства* (при Иване IV).

⁴ Спиридонова В.И. Концепция «общего блага» в современной западной науке // Духовное измерение современной политики / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2003. С. 5–38.

⁵ Хотелось бы добавить, что не только ордынское нашествие стало источником авторитарной политической культуры в России. Важным фактом, на который обращают внимание историки и философы (см.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005), явился факт создания в Северо-Западной Руси нового типа социума, который, в противоположность «традиционному» социуму Киевской Руси, основывался уже не столько на договоре князя с населением, сколько на всевластии верховного правителя по отношению к этому самому населению.

Новая внешняя травма – Смутное время и польское нашествие на Россию – благодаря консолидации российского социума была успешно преодолена, и вместо династии Юриковичей по выбору «всей Земли» воцарилась новая династия Романовых. Однако, как отмечает Лапин, это вовсе не означало начала более светлого периода для населения России: напротив, династия и весь правящий класс еще больше стали эксплуатировать население страны. Хотя в то же время имелась альтернатива этому пути развития: подобно западноевропейским странам провести модернизацию, смысл которой – не в эксплуатации, а создании условий для раскрытия потенциала (экономического, культурного) населения. Но этого сделано не было. Первое модернизационное усилие было сделано только в конце XVII в. с приходом к власти царя-реформатора Петра I. Как пишет Лапин, Петр предпринял колоссальные усилия для создания армии нового типа, военной промышленности, усилия в сфере административных реформ, создания в России науки и образования по западному образцу (с. 152–155). Второе важнейшее модернизационное усилие романовской России было предпринято при Екатерине II, которая, хотя и ориентировалась прежде всего на интересы дворян, пыталась создать в России основы Просвещения. Именно с правлением Екатерины, ее Жалованной грамотой дворянству, социальные историки связывают распад системы «власти-собственности» в России⁶.

Реформы – собственно, *полноценная модернизация исторической России* – были проведены уже Александром II. Отметим, что именно его либеральные реформы считаются специалистами по модернизации началом подлинного реформирования *российского социума по современному (прежде всего, западному) образцу*, тогда как реформы Петра и Екатерины проводились на традиционной (авторитарной) основе и в рамках традиционного (авторитарного) социума. С Александра II начинается переход от традиции к модернизации, т.е. к *собственно современному обществу*⁷.

Важной составляющей исторического анализа российской модернизации в книге Лапина становится и анализ советского общества, которое Николай Иванович характеризует весьма критически, утверждая, что оно было обществом почти тотального социального отчуждения (он выделяет семь слоев такого отчуждения) (с. 169–172). Это так и не так одновременно. Конечно, в СССР присутствовали во всей полноте все те формы отчуждения, о которых говорит Лапин (и особенно это верно в отношении сталинского режима, но в немалой степени в отношении «застоя»), но не будем забывать, что СССР был *своеобразным социальным государством*, в котором реализовывалась, пускай и не на демократических началах, *социальная поддержка населения и его культурное развитие*.

Третий раздел посвящен социальным трансформациям современной России. Подробно рассматривая особенности постсоветского постсоциалистического транзита, Лапин пытается предложить определенные рецепты преодоления сложившейся в России на данный момент ситуации. Свой анализ он начинает с рассмотрения двух стадий становления капитализма в России – первую стадию он, вслед за известными социологами, называет «бандитским капитализмом» (с 1991 по 1998 г.), после 1999 г. наступает второй этап – «капитализм для своих» (иной, встречаемый в литературе термин – «кумовской капитализм»). Думаем, что периодизация, предложенная Лапиным, в общем, верна, однако ее можно было бы уточнить, отметив, что с начала 2000-х гг. в России начинается формирование не просто кланового (или олигархического), но *капитализма бюрократически-олигархического*, который характеризуется весьма тесными связями между правящим бюрократическим классом и олигархией.

Говоря о проблемах современного российского общества, Лапин констатирует исчерпание потенциала существующей ныне модели капитализма. И главная проблема – это, конечно, проблема социально-экономического неравенства, именно ее Лапин

⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.

⁷ Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 3–18.

считает главной травмой, нанесенной российскому населению в постсоветский период. Почему эта проблема хронически не решается? Николай Иванович говорит в этом контексте об институте *социального государства*⁸. Оправданно обращаясь к текстам французского исследователя Т. Пикетти, который пишет о решении социального вопроса в Европе прежде всего за счет *прогрессивного налога на доходы и состояния*, Лапин в этой связи говорит о *социально-слабом (или социально-минимальном) государстве в России*, в которой до сих пор существует плоская шкала налогообложения (планка в 15% для доходов, которые превышают 5 млн руб. в год, представляется совершенно недостаточной). *Согласимся с теми, кто говорит о том, что России нужна прогрессивная шкала налогообложения*, при которой наиболее богатые граждане платили бы до 75% на свои доходы, а налоговая ставка для бедных, напротив, была бы значительно ниже 13%. Заметим: аргумент о том, что в этом случае капиталы будут «убегать» из России, не работает, поскольку капитал может убежать только туда, где хотели бы жить сами богатые люди (развитые страны Запада). Однако именно в этих странах (особенно в странах с социал-демократическими режимами) налоговая ставка самая высокая.

Впрочем, проблема неравенства – отнюдь не единственная, которая интересует Лапина. Он также посвящает много места проблемам модернизации российских регионов. Подчеркивая преобладание спонтанных процессов развития в современной России, когда модернизация осуществляется новым средним классом (включая верхние его слои, например управленцев), Лапин пишет, что такой сценарий представляется недостаточным, – необходимо, чтобы власть более активно принимала участие в модернизационных процессах (т.е. необходимы усилия и сверху, и снизу) (с. 295). В целом же модернизация, ее ход признаются Лапиным не вполне удачными, поскольку для российского общества сегодня характерно нарастание социогуманитарной рецессии, симптомами которой становятся все усиливающиеся нарушения со стороны власти прав и свобод человека.

В деле же преодоления главного противоречия российского развития (азиатско-элитаристская культура верхов и европейски-гуманистическая культура основной части населения) Лапин уповает на проект *«всегражданского самопросвещения»* (включая чиновников), который должен, по его мнению, сформировать из масс российских людей самостоятельно мыслящих граждан, способных на диалог с властью, а главное – на защиту своего гражданского достоинства (с. 262–277). В своей идее «гражданского самопросвещения» Лапин несомненно опирается на И. Канта и М. Мамардашвили. При всем гуманистическом характере этого проекта, он представляется несколько утопичным: думается, что кардинальная трансформация гражданской культуры в России начнется тогда, когда станет возможным *«учить граждан демократии» в близких для них сферах* – о чем вслед за американской исследовательницей К. Пэйтмен говорил 15 лет назад известный российский политолог и политический философ И.К. Пантин⁹. Впрочем, о сугубо практическом характере «самопросвещения» (необходимость практического применения приобретенных навыков) пишет и Лапин (с. 268).

В заключение подчеркнем, что рецензируемая монография является ценным исследованием. Это тем более так, что активное обсуждение в российском научном сообществе в 2000-е гг. проблем демократии практически «сошло на нет». Сегодня мы как будто согласились с тем, что демократии в России не бывать. Однако в России все-таки возможна определенная модель демократии, которая отводит большую роль социальному равенству, национальным особенностям («суверенная демократия» В.Ю. Суркова, при всей спорности этого концепта) и сочетается с большой ролью государства в национальном

⁸ См., подробнее: Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019.

⁹ Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 113–135.

развитии¹⁰. Эти представления о демократии, думается, вполне отвечают концепции национальной модели модернизации. Идеи Н.И. Лапина, высказанные им в обсуждаемой книге, на все 100% соответствуют интересам России и ее народа.

Г.Ю. КАНАРШ

КАНАРШ Григорий Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия (grigkanarsh@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250020844-1

Lapin N.I. THE COMPLEXITY OF THE FORMATION OF A NEW RUSSIA. ANTHROPOSOCIOCULTURAL APPROACH. Moscow: Ves` Mir, 2021. Reviewed by G.Yu. Kanarsh

Grigory Yu. KANARSH, *Cand. Sci. (Polit.)*, Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (grigkanarsh@yandex.ru).

© 2022 г.

Абдулагатов З.М. СЕМЬЯ И ШКОЛА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021.

Основная тема рецензируемой книги – проблема профилактики религиозного экстремизма и терроризма среди учащихся старших классов. Нет особой надобности обосновывать актуальность темы исследования: воздействию различных террористических идеологий во всем мире все чаще подвергаются дети школьного возраста. Анализ проведен на основе данных статистики, экспертных оценок, а также массовых социологических опросов. Отметим, что книга рекомендована к изданию Экспертным советом при Антитеррористической комиссии в Республике Дагестан (РД), который призван способствовать выработке научно обоснованной политики в сфере противодействия идеологии терроризма.

Ключевая идея книги: государство должно бороться с идеологией экстремизма и терроризма, опираясь преимущественно на светские институты и ценности, а не на религиозные, даже если последние имеют давнюю историю и глубокие традиции в обществе. Автор убежден, что именно школа (наравне с семьей), а не условная «мечеть», должна прививать детям высокий нравственный идеал и антитеррористическое сознание. Но на практике, как показывает автор, в борьбе с идеологией терроризма государство все больше опирается на религиозные организации. Ставка на централизованные религиозные организации в данном вопросе, в условиях всевозрастающей мозаичности ислама на Кавказе, по мнению автора, ведет к политизации внутриисламских разногласий и активизации процесса клерикализации, который в долгосрочной перспективе угрожает конституционному (светскому) строю государства. Так ли это на самом деле, однозначно говорить сложно, но к критике автором сложившихся на сегодня

¹⁰ См.: Канарш Г.Ю. Справедливость, демократия, капитализм. Пути модернизации России в XXI веке. М.: Ленанд, 2020.

государственно-конфессиональных отношений в Дагестане стоит прислушаться. В частности, его экспертное суждение, что государство ошибочно продолжает в борьбе с идеологией экстремизма и терроризма на Северном Кавказе опираться исключительно на «официальное» духовенство, оставляя вне такого взаимодействия все остальные группы и общины мусульман региона, представляется обоснованным. Такая политика, как пишет Абдулагатов, закономерно приводит к тому, что «*оппозиция к “официальному” духовенству переходит в оппозицию к государству*» (с. 38).

Действительно, динамично меняющееся исламское поле Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, является исключительно конкурентным и не вписывается в упрощенную дихотомию «традиционного» («умеренного») и «нетрадиционного» («радикального») ислама¹. Среди мусульман Дагестана есть приверженцы разных религиозных течений и групп, в том числе и главные антагонисты: адепты суфийских учений и носители салафитских убеждений. В этих условиях важно, чтобы государство не ввязывалось во внутриконфессиональные споры, а, сохраняя статус арбитра, могло выстраивать конструктивные формы взаимодействия, в том числе в сфере профилактики экстремизма и терроризма, со всеми исламскими сообществами республики. В то же время надо признать, что «официальное» духовенство в лице Мүфтията РД проводит огромную повседневную работу, направленную на защиту местной религиозной молодежи от пропагандистского воздействия террористов, которую не всегда могут выполнять администрации общеобразовательных учреждений.

В своем анализе современной системы школьного образования в России в контексте исследовательской проблемы книги автор исходит из того, что государству нужны результаты воспитательной работы с подрастающим поколением в школах. Детям в школах должны прививаться чувства патриотизма и гражданственности. Следовательно, считает автор, государство должно иметь системную воспитательную политику в общеобразовательных учреждениях. Но по итогам исследования автор приходит к выводу, что воспитательная работа в российской школе (на примере Дагестана) пущена на самотек, а учителя и администрации школ нацелены только на оказание детям образовательных услуг. Вполне справедливы утверждения автора, что маленькие зарплаты подталкивают учителей к коммерциализации их взаимоотношений с родителями школьников, а их низкий социальный статус в обществе приводит к отрицательному профессиональному отбору: в педагогические вузы и колледжи поступают в основном лишь те, кто не смогли поступить в более престижные образовательные учреждения. Выводы автора неутешительны: учитель, не получая от государства достойных условий для жизни, четких представлений о своих воспитательных функциях, а иногда и вовсе не считая, что его ученики должны быть патриотами, в массе своей не готов к воспитанию ответственного и законопослушного гражданина (с. 248).

Снижение в массовом сознании дагестанской молодежи уровня гражданской идентичности и российского патриотизма (фиксируется Абдулагатовым в сравнительном анализе результатов социологических опросов за 2011 г. и 2019 г.) объясняется им ростом среди респондентов религиозного (мусульманского) самосознания. Так, по данным Абдулагатова, на вопрос: «Кем вы себя, прежде всего, считаете?» в анкете массового опроса 2019 года среди учеников дагестанских школ вариант ответа «мусульманином» выбрали 36,5% респондентов, а вариант «гражданином России» – 20,5% (с. 161). Ссылаясь на данные опросов, которые лишь фиксируют относительно большую популярность у респондентов религиозной самоидентификации на фоне гражданской, автор заявляет, что укрепление религиозного (мусульманского) самосознания снижает показатели российского патриотизма (с. 166, 235). Для обоснования этих выводов автор пишет: «*Исламское сознание не связывает мусульманина однозначно с какой-то территорией, государством*

¹ Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 59–74.

патриотическими чувствами. Он может быть патриотом, но патриотом того общества, государства, которые в своей деятельности выражают и защищают исламские ценности» (с. 176). Возможно, так оно и есть, но это только общие рассуждения, а что касается выводов автора, то они не выводятся из данных социологических опросов, приведенных в книге. Сравнение автором результатов опроса 2019 г. с результатами опросов 1999 и 2011 гг. (с. 161–162), призванное доказать его правоту, не совсем корректно. Во-первых, как он сам пишет, вопрос: «Кем вы себя, прежде всего, считаете?» в 1999 и 2011 гг. задавался в том числе и молодежи (т.е. молодежь составляла не всю выборку опроса, а только ее часть), тогда как в 2019 г. на этот вопрос отвечали только ученики. Во-вторых, сумма всех ответов респондентов на данный вопрос в 2019 г. не превышает 100% (81,7%), а суммы ответов в 1999 и 2011 гг. составляют 117,8% и 187,6% соответственно. Такие результаты говорят о том, что, скорее всего, в 1999 и 2011 гг. респондентам в анкете допускалось выбрать несколько вариантов ответа, что и дало в итоге сумму более 100%, а в 2019 г., видимо, опрашиваемым можно было выбрать только один вариант ответа. Помимо этого, судя по сумме всех ответов, в 2019 г. почти пятая часть респондентов вообще не ответили на этот вопрос. Но даже в случае более корректного сравнения результатов социологических опросов, приведенных выше, видно, что они фиксируют лишь степень популярности каждой идентичности (гражданской, этнической, конфессиональной и региональной) в отдельности, а не рост религиозности за счет гражданственности. Для смягчения искусственного противопоставления разных идентичностей в структуре самосознания респондентов (допустим, религиозной и гражданской) можно было, например, предложить респондентам вариант ответа «и тем и другим в равной мере».

Приведенные в конце книги анкеты авторских социологических опросов, по материалам которых написана третья глава монографии, содержат ряд вопросов и вариантов ответов на них, которые вынуждают респондента выбирать между своей религиозной и гражданской идентичностями. Несомненно, интересно изучать динамику изменения иерархии идентичностей в массовом сознании дагестанской молодежи. Вот только в методологическом плане более продуктивно исходить из допустимости множественных комплементарных идентичностей («и-и» вместо «или-или»), поскольку в современном человеке прекрасно сосуществует множество различных коллективных идентичностей. Человек, как пишет философ Краснопольская, «будучи глубоко погруженным в процессы, происходящие в информационном обществе, может переживать неустойчивость, гибкость и множественность идентичности как естественное состояние и даже не воспринимать как проблему»². Полагаем, что и в сознании дагестанской молодежи в массе своей прекрасно уживаются их мусульманская и российская идентичности.

В контексте основной проблематики исследования автор отдельно анализирует роль религиозных модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в воспитании школьников, где он критикует привнесение элементов религиозного образования в школьную программу. Ссылаясь на материалы экспертного опроса 2015 г., автор отмечает, что преподаватели курса ОРКСЭ в Дагестане зачастую не имеют последовательно светских позиций, а отдельные модули курса носят не культурологический (светский), а догматический характер, привнося тем самым в школу элементы религиозного (исламского) образования. Религиозное воспитание и образование, помимо догматизированных некоторыми учителями курсов ОРКСЭ, внедряются в сознание школьной молодежи Дагестана в семьях, параллельным обучением их в примечетских школах (мектебах), просмотром роликов с лекциями «онлайн-имамов», проповедями приглашенных в школы исламских богословов, в том числе и в рамках мероприятий по профилактике среди молодежи идеологии экстремизма и терроризма. Все это, по мнению автора, ведет

² С. 110. Краснопольская А.П. Становление множественной идентичности и принципы коммуникативной рациональности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 109–116.

к сужению у детей научного (светского) мировоззрения и усилению значимости религиозного образа жизни.

Параллельное исламское образование детей вне школы, которое, видимо, стало популярным во многих дагестанских городах и селах, по мнению автора, может иметь непредсказуемые последствия в воспитании экстремальностей религиозного сознания учащихся. Понятие «экстремальность сознания», которое автор использует на протяжении всей книги, раскрывается им так: «*Экстремальность сознания – это крайность, которая проявляет себя в рамках закона. Экстремальностями сознания в светском государстве являются такие составляющие религиозного сознания опрошенных, как признание законов государства второстепенными, по сравнению с нормами шариата.., негативное отношение к воспитанию российского патриотизма, доминирование религиозной идентичности в ущерб государственной, гражданской... Экстремальное сознание – это основа экстремистского и террористического поведения*» (с. 177). Соответственно этому определению, автор считает, что профилактика экстремизма и терроризма должна проводиться на уровне проявлений экстремальностей сознания молодого человека. Для этого, по мнению автора, необходимо: усилить роль светского образования и воспитания в обществе; проводить согласованную воспитательную работу в школе и семье; поднять социальный статус школьных учителей; избавить их от «бумажной волокиты» и бесконечных отчетов. Закljučая свою книгу, автор пишет, что «*учитель должен получить право на светскую образовательную работу в школе, не оглядываясь на мировоззренческие приоритеты семьи*» (с. 248). Таким образом, общеобразовательная школа видится автору главным проводником государственной политики воспитания лояльного и патриотически настроенного гражданина. Школа, в отличие от института семьи, может вести эту работу более систематически и не преследует (как духовенство) собственные корпоративные интересы, отличные от государственных. В целом, книга получилась содержательной, полной интересных статистических и социологических данных, дискуссионной и однозначно полезной для всех, кто интересуется вопросами профилактики экстремизма и терроризма среди российской мусульманской молодежи.

А.З. АДИБЕВ

АДИЕВ Асланбек Залимханович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия (khalid_84@mail.ru).

Abdulagatov Z.M. FAMILY AND SCHOOL IN SOLVING THE PROBLEMS OF PREVENTING RELIGIOUS EXTREMISM AND TERRORISM (the case of the Republic of Dagestan). Makhachkala: IIAE DFITs RAN, 2021. Reviewed by A.Z. ADIEV

DOI: 10.31857/S013216250021393-5

Aslanbek Z. ADIEV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Regional Centre for Ethnopolitical Researches of DFRC RAS, Makhachkala, Russia (khalid_84@mail.ru).

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 8

CONTENTS

SOCIOLOGICAL HERITAGE

- 3 MALINKIN A.N. Max Scheler about Russia, its Historical Mission and the Russian Idea
7 SCHELER M. About National Ideas of the Great Nations

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 16 LISITSYN P.P., STEPANOV A.M. New Laws of Migration by E. Ravenstein
27 SUSHCHIY S.Ya. Russians in the Central Asia Countries: Post-Soviet Geodemographic Trends
47 AVDASHKIN A.A. Central Asian and Chinese Migrants in Public Opinion: Ural and Siberian Cases
59 VAN NA, LEONTYEVA E.O. The Women's Role in the Adaptive Process of Chinese Migrants Families in Russia

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

- 67 ANDREEVA Ju.V., LUKYANOVA E.L. Attitudes Toward Coronavirus Protection Measures in Enterprises (on the Example of the Ulyanovsk Region)
78 GURBANOVA N.E. Impact of the Covid-2019 Pandemic on the Border Territories Population Employment

DISCUSSION. POLEMICS

- 84 SIMONYAN R.H. Eurasian Integration: the Role of Russia's Spatial Potential
95 TRUBITSYN D.V. Spatial Potential of Russia – Another Reason Not to Change Anything?
105 LATOV Yu.V. Concepts and Empirics of Transit Use of the Russian Space

ANNIVERSARY

- 116 Mansurov V.A is 85
118 "Sociologists are Rooted for the whole Society in their Country..."
(interview with V.A. Mansurov)

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF MONGOLIAN STUDIES, BUDDHOLOGY AND TIBETOLOGY OF SB RAS

- 129 BAZAROV B.V., ZHALSANOVA V.G., BADARAEV D.D. Sociological Studies on the Pulse of the Development of the Transboundary Region

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 136 DAVYDOV D.A. Class Domination in the Era of Post-Capitalism. Part 2. Distribution of attention

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 147 IGNATOV A.V., POPOV P.L., CHERENEV A.A. Electoral Predisposition of Eastern Siberia Residents
152 MILOVANOVA M.Yu. Some Characteristics of Employment in Rural Areas

ACADEMIC EVENTS

- 157 EFLOVA M.Yu., MAXIMOVA O.A. V Kazan Sociological Readings
159 OSADCHAYA G.I., KIREEV E.Yu. Eurasian Societies in the Focus of Young Sociologists

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 161 ROMANOVSKIY N.V. Humans. Society. Sociology (reflecting on a monograph by I.V. Katerny)
- 167 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Lapin N.I. The Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural Approach.* Moscow: Ves' Mir, 2021. **Reviewed by G.Yu. Kanarsh**; *Abdulagatov Z.M. Family and School in Solving the Problems of Preventing Religious Extremism and Terrorism* (the case of the Republic of Dagestan). Makhachkala: IIAE DFITs RAN, 2021. **Reviewed by A.Z. Adiev**)

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)